

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

**Управление стратегиями поведения
городских общностей:
проблемы и возможности**

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

УДК 35:316.354(1-21)
ББК 60.524.225+60.546.21
У67

*Издание подготовлено на средства Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета
(грант ИГУП 2015 года на издание коллективных монографий)*

Рецензент:

доктор социологических наук А. С. В а т о р о п и н
(заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Зборовский, Г. Е.

У67 Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : [монография] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 200 с.
ISBN 978-5-7996-1338-9

В монографии рассматриваются методологические проблемы исследования социальных общностей города сквозь призму управленческого подхода. Дается теоретическая и эмпирическая трактовка их жизненных стратегий. Анализируется управление темпоральными стратегиями поведения авангардных городских общностей. Особое внимание уделяется социальной общности волонтеров как ресурсу социального управления. Характеризуется управление взаимодействием социальных общностей в сфере образования и культуры.

Для руководителей органов государственной и муниципальной власти, специалистов в области социального управления, студентов, аспирантов и преподавателей, интересующихся проблемами управления социальными процессами.

УДК 35:316.354(1-21)
ББК 60.524.225+60.546.21

© Уральский федеральный университет, 2014
ISBN 978-5-7996-1338-9 © Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А. и др., 2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN
THE INSTITUTE OF PUBLIC ADMINISTRATION AND ENTREPRENEURSHIP

**Behavior strategies management
of city communities:
problems and opportunities**

Scientific monograph

Ekaterinburg
2014

УДК 35:316.354(1-21)
ББК 60.524.225+60.546.21
У67

Authors:

Garold E. Zborovsky, Elena A. Shuklina,
Polina A. Ambarova, Maria V. Pevnaya,
Anna A. Kuzminchuk

Zborovsky, Garold E.

У 67 Behavior strategies management of city communities: problems and opportunities : [scientific monograph] / Garold E. Zborovsky, Elena A. Shuklina, Polina A. Ambarova, Maria V. Pevnaya, Anna A. Kuzminchuk ; — Ekaterinburg: Ural Federal University, 2014. — 200 p.
ISBN 978-5-7996-1338-9

In the monograph methodological problems of city social communities research through a prism of administrative approach are considered. The theoretical and empirical treatment of their vital strategies is given. Management of temporal behavior strategies of vanguard city communities is analyzed. The special attention is paid to a social community of volunteers as to a resource of social management. Management of interaction of social communities in education and cultures is characterized.

For leaders of the state and municipal authority, experts in the field of social management, students, postgraduate students and professors who are interested in problems of social processes management.

УДК 35:316.354(1-21)
ББК 60.524.225+60.546.21

© Ural Federal University, 2014
ISBN 978-5-7996-1338-9 © Zborovsky G.E., Shuklina E.A., Ambarova P.A. and others, 2014

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современного общества становится актуальным исследование его нелинейных социальных процессов, по-разному воспринимаемых представителями различных социальных общностей крупного города и дифференцированно влияющих на их поведение, заставляя одних реагировать на общественные изменения повышением социальной активности, появлением инновационных качеств и моделей поведения, других — проявлять пассивность и маргинальность. Противоречивое восприятие нелинейности социальных процессов отражается и на социальном самочувствии и эмоциональном состоянии социальных общностей, проявляясь у одних в виде оптимизма и надежд, у других — в виде пессимизма и страха перед надвигающимися изменениями. Описанная ситуация с особой остротой ставит проблему знания особенностей стратегий поведения городских социальных общностей и умения управлять ими. Решение этой проблемы позволит более глубоко раскрыть связь различных факторов социальной жизни городских общностей и процессов становления гражданского общества в России.

Знание особенностей стратегий поведения различных социальных субъектов очень важно, поскольку формирование этих стратегий, с одной стороны, процесс объективный, с другой — он происходит неуклонно, развивается постепенно, нередко входя в противоречие с проектами, реализуемыми управленческими структурами города, региона, федерации. В ряде случаев намерения этих структур, их цели и задачи порождают конфликт между ними и социальными общностями, реализующими новые стратегии поведения. Тем более, что в городской среде все больше и чаще формируются особые — инновационные, авангардные — общности, поведенческие стратегии которых базируются на новом восприятии и понимании социальных изменений, их конструктивной и эффективной роли. Именно эти городские социальные общности привлекают особое исследовательское внимание, именно они наиболее активны и отличаются заметными достижениями во многих сферах общественной жизни, начиная с бизнеса и заканчивая образованием. Гипотеза авторского коллектива заключается в том, что достижения этих общностей (а, стало быть, и города, и общества) во многом зависят от эффективной деятельности различных управленческих структур. Изучение этого процесса даст возможность создать научную основу для разработки социальных проектов и программ по формированию устойчивых и конструктивных поведенческих стратегий различных социальных общностей в городской среде.

Анализ литературы по поставленной проблеме и проведенных относительно смежных с ней исследований убеждает в новизне и поставленной задачи, и способов ее решения. Управление стратегиями поведения городских социальных общностей, в том числе инновационных и авангардных по характеру и способам деятельности, как исследова-

тельская проблема является не просто сложной. Она требует усилий пусть и небольшого, но специально подобранного коллектива, заинтересованного в осуществлении этого проекта.

Поставленная впервые таким образом в социологической науке задача позволяет определить исследование как инновационное по своей сути. Новизна задачи включает в себя:

1. Обоснование и разработку социологической концепции управления стратегиями поведения городских социальных общностей на основе изучения их качественных характеристик.

2. Разработку типологии стратегий поведения городских социальных общностей.

3. Выявление условий, предпосылок, факторов влияния управленческих структур на стратегии поведения городских социальных общностей.

4. Выделение и исследование типов городских социальных общностей, поведение которых соответствует определенным стратегиям.

5. Выявление характеристик стратегий поведения городских социальных общностей через призму их социального самочувствия и социальных эмоций (страхов и надежд).

Монография подготовлена авторским коллективом преподавателей кафедры социологии и социальных технологий управления в составе:

руководитель — Зборовский Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Введение, глава 1, глава 2, Заключение);

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор (глава 5);

Амбарова Полина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент (глава 2, глава 3);

Певная Мария Владимировна, кандидат социологических наук, доцент (глава 4);

Кузьминчук Анна Александровна, преподаватель (глава 4).

Главы 1, 2, 3 и 4 основаны на результатах социологического исследования, проведенного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-03-00072.

Издание подготовлено на средства Института государственного управления и предпринимательства УрФУ (грант ИГУП 2015 года на издание коллективных монографий).

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В главе дается анализ методологии исследования социальных общностей, а также показываются возможности применения управленческого подхода к этому исследованию и его ожидаемые результаты. При этом особое внимание обращается на городские социальные общности. Приводится трактовка категориального аппарата, используемого в книге. Раскрывается содержание понятия социальной общности и ее признаков. Особое внимание уделяется ресурсному подходу к социальной общности и роли управления в создании ресурсного обеспечения ее деятельности.

1.1. Социальная общность: понятие и признаки

В последние годы в социологии активно развивается теория социальной общности. Одним из ее базовых положений является тезис о том, что социальные общности реально выступают в качестве основного элемента социальной структуры общества. Именно в них живут люди в обществе.

Социальные общности охватывают всю их повседневную и иную жизнедеятельность во всех ее многообразных проявлениях. Люди общаются, учатся, работают, отдыхают, занимаются повседневными делами, решают свои проблемы, прежде всего, в конкретных социальных общностях — семье, трудовом и учебном коллективе, группах родственников и кампаниях друзей, объединениях по интересам, спортивных командах, сообществах территориального и этнического характера и т. д. Подавляющее большинство населения России (около 75 %) живет в городах и, стало быть, включено в городские социальные общности. В своей совокупности бытование именно в названных выше общностях и позволяет складываться представлениям индивидов об обществе.

Это вовсе не означает того, что люди за социальными общностями, в которые они непосредственно включены, не видят ничего другого. Они прекрасно понимают, что есть государственные, экономические, политические и иные структуры, различные органы и организации, которые в определенном смысле слова тоже выступают в качестве социальных общностей. В их деятельности люди также принимают участие. Но индивиды зачастую не воспринимают их как «свои» общности. Для них именно эти структуры и есть общество, то, что в определенном смысле слова «противостоит» их социальным общностям, которые существуют не только в реальности, но и в сознании, выступают как такие социальные образования, которые сближают, скрепляют, делают солидарными людей в рамках определенных групп.

Чем более многообразными (и в количественном, и в качественном отношениях) оказываются сами эти социальные общности, тем более насыщенной и полной становится

* Социологическое исследование осуществлялось в рамках гранта РГНФ, проект № 14-03-00072.

жизнь людей, включенных в их деятельность. Уровень «социальности» личности, т. е. ее включенности в систему социальных связей и отношений, определяется во многом тем, в каких (по количеству, содержанию, направленности) социальных общностях функционирует индивид. Чем крупнее по объему, количеству людей в ней социальная общность, тем слабее оказываются внутренние связи между ними и менее заметными — общие, сближающие ее членов признаки, которыми данная общность характеризуется и о которых речь предстоит впереди.

В конкретном типе общества люди идентифицируют себя с одними общностями и не идентифицируют с другими. Идентификация осуществляется на базе общих, сближающих признаков. В качестве таковых могут быть названы: язык общения, принадлежность к этносу, к определенной территории (регион, город, село), пол, возраст, профессия и т. д. Основаниями для идентификации могут быть и феномены субъективного характера — определенные ценностные ориентации, установки, мотивы поведения. Наличие этих признаков позволяет соотнести себя с другими людьми и либо признать их членами (представителями) своей общности (своих общностей), либо не идентифицировать их с ней (с ними).

Отсутствие идентификации может выступать в разных формах, крайней среди которых является противопоставление, отторжение по принципу «мы — они». Оно осуществляется на основании тех же признаков, что выше были названы, только значение их будет уже иным (другой язык, другой этнос, другая профессия, другие ценностные ориентации и установки и т. д.).

Социальные общности, при всей своей относительной стабильности, достаточно динамичны. Их внутренними изменениями, а также появлением новых социальных общностей во многом объясняется динамизм общества. Новые социальные общности создаются как внутри отдельных стран, регионов, городов, так и в рамках международных процессов, что является рефлексией происходящих «здесь и сейчас» значимых изменений экономического, политического и иного характера. Приведем лишь один пример новой социальной общности, широко распространенной как у нас в стране, так и во всем мире, — мигранты. Необходим прогноз появления новых социальных общностей, что делает вполне уместной постановку вопроса об усилении динамизма общественного развития [1].

В социологической науке XX в. были предприняты неоднократные попытки определить социальную общность на основе разных признаков. Как правило, для определения использовалось не более трех–четырёх из них. Чаще всего в таком качестве выступали: осуществление совместной деятельности членами социальной общности; взаимосвязь и взаимодействие между ними; наличие единого социального пространства; существование ряда схожих характеристик условий жизни и деятельности членов социальных общностей; наличие социальной идентичности (идентификации); осознание людьми своей принадлежности к социальной общности и др.

Приведем несколько характерных для второй половины прошлого столетия определений и трактовок социальной общности в зарубежной и отечественной социологии.

В западной социологии обращает на себя внимание трактовка социальной общности американскими социологами Б. Мерсером и Т. Парсонсом. Первый в книге «Американская общность» писал: «Человеческая общность — это внутренне функционально связанное объединение людей, живущих на определенной географической территории в определенное время, имеющих общую культуру, образующих определенную социальную структуру и проявляющих чувство своего единства в составе отдельной группы» [2, с. 27]. Что касается точки зрения Т. Парсонса на социальную общность, то она выглядит так: «Общность — это объединение действующих лиц, обладающих определенным территориальным пространством как основой для осуществления большей части их повседневной деятельности... Общность не является обязательно самостоятельным целым» [3, с. 91].

По мнению Дж. Хиллери (младшего), проанализировавшего 94 определения социальной общности, сам этот термин имеет многозначный характер и выступает синонимом понятий общества, социальной организации или социальной системы. Авторы, пользующиеся понятием «социальная общность», называют три характерные для него черты: а) территорию, б) социальное взаимодействие, в) наличие прочных связей между индивидами [4, с. 111–119].

Особый интерес для нашей работы, посвященной городским общностям, представляет распространенная в западной социологии точка зрения на социальные общности как общности поселенческие. Американский социолог Л. Шноре характеризует общность как совокупность людей, которые имеют общее постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют многие виды деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей. При этом он различает общность и иные виды объединений — прежде всего клубы, движения, добровольные группы, властные структуры и т. д. [5].

Одна из фундаментальных трактовок социальной общности содержится в работах известного польского социолога Я. Щепаньского. В книге «Элементарные понятия социологии» он писал: «Мы вводим понятие “социальная общность” как термин с широким объемом, охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь. В ходе нашего изложения этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни. Это будет, следовательно, наш наиболее общий термин» [6, с. 117].

Отметим три главных признака, положенных польским социологом в основу характеристики социальной общности: 1) это любое объединение людей; 2) оно охватывает все устойчивые формы совместной жизни; 3) такие объединения существуют за счет социальной связи между людьми. Особое внимание Я. Щепаньский обращает на то, что разнообразие социальных общностей мы видим, прежде всего, в повседневной жизни людей.

В «Российской социологической энциклопедии» социальная общность рассматривается как «относительно устойчивая совокупность людей, отличающаяся более или менее одинаковыми чертами (во всех или некоторых аспектах жизнедеятельности) условий и образа жизни, массового сознания, в той или иной мере общностью социальных норм, ценностных систем и интересов» [7, с. 338].

Наконец, покажем важный для нас в методологическом отношении подход к социальной общности В. А. Ядова, характеризующего ее как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [8, с. 17–18].

Как видно из приведенных трактовок, социальные общности характеризуются целым рядом признаков. Мы их определяем как общностнообразующие. От их наличия и конкретного проявления зависят: типы и виды социальных общностей, их размеры и масштабы, особенности генезиса, пространственно-временные факторы их появления и функционирования, цели и задачи, на достижение которых направлена деятельность социальных общностей, сходство условий жизни и деятельности людей, уровни совпадения их потребностей и интересов, степень идентификации индивидов с общностью и осознания чувства принадлежности к ней, наличие определенных норм, правил, ценностей, стереотипов, традиций поведения, в целом культуры, наличие / отсутствие определенных ресурсов (экономических, социальных, политических, культурных) и т. д.

Одни из этих признаков являются преимущественно объективными, другие — преимущественно субъективными. К первым можно отнести:

- 1) объединение людей;
- 2) существование реальной социальной связи между людьми;
- 3) включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;
- 4) наличие у членов социальной общности значимого основания (причины) сообщая находиться в ней, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе» с другими;
- 5) осуществление совместной деятельности членами социальной общности, взаимодействия между ними на разных уровнях — от сильного до весьма слабого, порой не ощущаемого самими людьми;
- 6) наличие ряда схожих характеристик условий жизни и деятельности членов социальных общностей;
- 7) наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик социальной общности;

8) наличие у социальных общностей ресурсов — социальных, политических, культурных, символических.

К преимущественно субъективным признакам можно отнести:

- 1) принятие всеми или большинством членов социальной общности правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для нее;
- 2) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), другими словами, наличие социальной идентичности у членов общности;
- 3) признание данной социальной общности и в этом смысле ее идентичности существующим социальным окружением, т. е. другими, посторонними людьми;
- 4) «конструирование» социальных общностей отдельными людьми (группами людей);
- 5) наличие социальной солидарности между членами общности;
- 6) наличие ценностей, интересов, установок как основы устойчивых форм совместной жизни членов социальной общности.

Названные и рассмотренные выше общностнообразующие признаки позволяют нам предложить вариант их обобщающей, «собирающей» характеристики. *Под социальной общностью будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям.* Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [1, с. 110].

Как видно, в приведенной нами трактовке социальной общности содержатся, с одной стороны, традиционные с точки зрения теории социальной общности признаки: объединения, связи и взаимодействия между людьми, наличие сходных условий жизни и деятельности, общих целей и интересов, идентификация и самоидентификация, единое (общее) социальное пространство и иные; с другой — новые признаки социальной общности, о которых мы говорим в последнее время на основании недавно появившихся научных подходов. Одним из таких является ресурсный подход, а рассматриваемый признак социальной общности — обладание и использование ею различных ресурсов.

1.2. Ресурсный подход к социальной общности

Социальной общностью, по нашему мнению, является только то социальное образование или, точнее, социальный феномен, который располагает тем или иным ресурсом. В связи с таким суждением (утверждением) возникают три вопроса:

1. Что такое вообще ресурсы?
2. Какими видами ресурсов может обладать та или иная социальная общность?
3. Нельзя ли выстроить классификацию (типологию) социальных общностей по такому критерию, как владение определенными видами ресурсов?

В словарных трактовках термин «ресурсы» означает существующие в наличии запасы, средства, которые при необходимости используются [9, с. 710]. Чаще всего этот термин имеет экономическую начинку, сопрягаясь с денежными средствами, производственными возможностями, природными источниками и др. Кроме того, говорится и о том, что ресурс — это выход, возможность, средство, к которому можно обратиться в затруднительных обстоятельствах.

В целом в научной литературе экономическая характеристика ресурсов преобладает, особенно, когда говорят о ресурсосбережении, ресурсосберегающих технологиях и т. д. В социологии, однако, понятие ресурсов приобретает более широкий, чем в экономике, характер. И если оно также оказывается связанным с деньгами, средствами, капиталом, то эта связь приобретает уже не столько экономическую, сколько социальную окраску.

По мнению группы исследователей из Института социологии РАН, «относительно любой общности, объединения людей мы можем говорить о субъектности, подтвержденной ресурсами способности действовать ради достижения своих целей. Субъектность предполагает, что актер способен устанавливать правила в значимой для него системе отношений и принуждать партнеров, контрагентов следовать этим правилам, или хотя бы учитывать их» [10, с. 86]. Отсюда следуют, как минимум, два важных вывода. Первый из них заключается в том, что ресурсы могут выступать в виде правил в определенной, значимой системе отношений, второй — что они, эти правила, оказывают принудительное воздействие на взаимодействующих с ними людей (их общностей).

Ресурсы, однако, это понятие, более широкое, чем правила. Они представляют собой не только принятую и установленную реальность (правил), но означают еще наличие потенциала. Когда говорят о существовании определенных ресурсов, имеют в виду потенциальные возможности использования каких-то еще не «введенных в оборот, дело» факторов, средств, механизмов.

Понятия правил и ресурсов тесно связывал между собой Э. Гидденс в своей теории структурирования. Рассматривая предпосылки этой теории и ее «дуалистический» характер, английский социолог утверждает: одна из главных среди них заключается в том, что «правила невозможно осмыслить в отрыве от ресурсов — средств и способов, посред-

ством которых в процесс производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [11, с. 60]. Правила и ресурсы, вовлеченные в производство и воспроизводство социального действия, в то же самое время являются средствами системного воспроизводства, что и характеризует дуальность структуры. Отсюда — проблема правил и ресурсов как двух видов структур в социальной жизни.

К правилам относятся те процедуры, которым люди должны следовать в жизни, благодаря чему они участвуют в повседневных социальных практиках. Правила, по мнению Э. Гидденса, обязательно вторгаются в бесчисленные рутинные практики, но рутинная практика как таковая сама по себе не является правилом. Как и правила, ресурсы возникают также в ходе деятельности людей, «это средства, с помощью которых осуществляется власть как рутинная составляющая поведения в процессе социального воспроизводства» [11, с. 57].

Э. Гидденс рассматривает правила и ресурсы, относящиеся к институтам, как самые важные аспекты структуры. Сами же институты определяются им как «наиболее стабильные черты социальной жизни». Говоря о структурных качествах социальных систем, Э. Гидденс имеет в виду, прежде всего, их институциональные черты, придающие «жесткость» во времени и пространстве.

Английский социолог различает две категории ресурсов — аллокативные и авторитарные. Первые — это средства, обеспечивающие господство индивидов над материальными объектами, сюда можно отнести средства производства, сырье, произведенные товары. Авторитарные ресурсы означают средства, обеспечивающие индивидам управление деятельностью других. К ним можно отнести нематериальные ресурсы: организацию отношений между людьми, жизненные шансы людей, способность одних доминировать над другими и т. д. И аллокативные, и авторитарные ресурсы становятся реальными структурами только тогда, когда воспроизводятся в процессе взаимодействия между людьми. Сами по себе эти ресурсы структурами не являются.

Проблему ресурсов ставил еще один крупный социолог современности — П. Бурдьё. У него она оказалась тесно связанной с понятием капитала, который и рассматривался французским социологом как разновидность ресурсов. П. Бурдьё анализировал четыре группы капитала. Он определял их как экономический, культурный, социальный и символический капитал. Экономический капитал — это ресурсы, имеющие экономическую природу (товары и деньги в первую очередь). Культурный капитал — это ресурсы, имеющие культурную природу (прежде всего, различные виды образования и культурный уровень индивидов). Социальный капитал — это ресурсы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной общности (в основном, связи, которыми можно воспользоваться индивиду через ее членов). Символический капитал — это ресурсы, относящиеся к статусу, престижу и почету.

Распределение различных видов капитала в обществе можно рассматривать как распределение в нем различных ресурсов. Поскольку у П. Бурдьё ставится проблема управления и власти над капиталом, это означает то же самое, что и характеристика управления и власти над различными видами ресурсов в обществе. Такое понимание проблемы может быть обнаружено и в позиции Э. Гидденса, у которого авторитарные ресурсы связаны с возможностью осуществления управленческих и властных полномочий.

Показанные трактовки ресурсов, использование их для характеристики социальной общности тем более значимы для нас, что в работах Э. Гидденса и П. Бурдьё они оказались тесно сопряженными с понятиями социального пространства и времени. Между тем, классические представления о социальной общности, начиная с Ф. Тенниса, все были связаны с ее исключительно пространственными отграничениями / ограничениями.

Так, у Бурдьё, создавшего целую концепцию социального пространства, оно конституируется ансамблем подпространств (полей), выступающих как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т. д.). Образующие пространства поля (экономическое, религиозное, политическое и др.) представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства этих полей. И именно структура социального пространства и подпространств-полей включает в себя четыре названных выше группы капитала. Само же социальное пространство «представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами...» [12, с. 195].

Из приведенных суждений вытекает, что в качестве ресурсов социальной общности следует рассматривать не только ее капитал, но и включающее его социальное пространство. Таким образом, пространственные характеристики социальной общности, рассматривавшиеся раньше как один из ее естественных признаков, претендуют теперь на своеобразный «ресурсный» подход. Для понимания функционирования городских общностей такая научная позиция является очень значимой.

Идеи П. Бурдьё относительно социального капитала как ресурса социальной общности нашли свое продолжение в работах Р. Патнэма, Ф. Фукуямы и др. Так, Р. Патнэм, рассматривая социальный капитал на межличностном уровне, выделяет в нем два конкретных вида — «связующий» и «включающий» капитал. Первый характеризует отношения между членами социальных общностей, скрепленных изнутри сильными связями (семья, близкие друзья и др.). Этот капитал позволяет человеку быть признанным и принятым в данной общности. «Включающий» вид капитала характеризует социальные связи и отношения со знакомыми, коллегами, партнерами. Понятно, что первый вид капитала характеризуется наиболее высоким уровнем доверия и сильными внутренними связями [13].

Что касается взглядов Ф. Фукуямы, то он определяет социальный капитал как способность людей образовывать друг с другом определенную общность и работать вместе в одном коллективе ради достижения общих целей. Эта способность к объединению и со-

лидарности зависит от имеющихся внутри общности норм и ценностей, разделяемых всеми ее членами, от их готовности подчинять свои интересы интересам данной социальной общности [14, с. 52]. П. М. Козырева, ссылаясь на работы названных и иных авторов, полагает, что социальный капитал общностей (сообществ) включает в себя в качестве базового элемента доверие [15].

Использование обозначенных выше в работах Э. Гидденса и П. Бурдьё (а также и некоторых иных авторов) подходов к анализу ресурсов имеет существенное значение применительно к социальной общности. Какими видами ресурсов из названных выше (аллокативных, авторитарных, различных групп капитала) располагает социальная общность? Скорее всего, по нашему мнению, она является субъектом каждого из них, но в разной степени. У каких-то социальных общностей преобладают одни ресурсы, у других — иные. Конечно, мы можем при желании обнаружить социальные общности, которые располагают всеми или большинством из этих групп (видов) ресурсов. Но владение ими никогда не может быть сколько-нибудь полным.

Отсюда следует постановка вопроса о степени (уровне) реальности тех или иных ресурсов, которыми обладает социальная общность. Одни из них являются постоянно «работающими» и в этом смысле совершенно реальными. Другие ресурсы социальной общности могут выступать потенциально реализуемыми, и в таком случае к ним вполне применим признак номинальности.

Отвечая на поставленный вопрос о ресурсах (видах капитала), характерных для различных типов социальных общностей, мы можем привести хорошо понятные примеры некоторых из них. Так, носителем экономических ресурсов (в терминологии Э. Гидденса, аллокативных) выступают профессиональные общности, социальных — семья, культурных — общности в сфере образования и культуры. Субъектом властных ресурсов (по Гидденсу, авторитарных) выступают социальные общности чиновников, работающих в органах государственного и муниципального управления. Что касается символических ресурсов, то ими обладают любые социальные общности, независимо от видов капитала (экономического, социального, культурного), которым они располагают. В определенном смысле слова все названные выше ресурсы можно разделить на две группы — горизонтальных и вертикальных. К первым мы отнесем экономические, социальные и культурные ресурсы, ко вторым — авторитарные и символические.

Говоря о ресурсах как обязательной характеристике социальной общности, необходимо отметить динамизм этого признака. Общность может приобретать ресурсы, но, вместе с тем, способна и терять их. В первом случае имеет смысл рассматривать ресурсные приобретения социальной общности, во втором — ее ресурсные потери. Поскольку общность, как говорилось выше, может владеть различными группами ресурсов (например, капитала), постольку вполне вероятны ситуации ресурсных приобретений в одном их виде и потерь — в другом. Так, социальные общности протестного характера в сфере

производства (например, забастовочные движения) на определенном этапе своей деятельности теряют экономические ресурсы (экономический капитал), но зато приобретают социальные ресурсы (социальный капитал).

Усиление социальной общности, укрепление ее позиций, расширение границ действия, включение в нее все новых и новых членов означает на самом деле увеличение и оптимизацию ее ресурсной базы. Наоборот, ослабление социальной общности, расшатывание ее позиций, уход какой-то части членов из нее сопряжен с соответствующими негативными процессами, касающимися ресурсной основы.

Следует также иметь в виду, опираясь на ранее названные «классические» общностно-образующие признаки, что ресурс социальной общности — это и ресурс ее идентичности: семейной, государственной, этнической, поселенческой, культурной, профессиональной, образовательной и т. д.

Рассуждая о ресурсах социальной общности, мы обнаруживаем еще один общностно-образующий признак, тесно с ними связанный. Речь идет о своеобразной их разновидности — ценностях социальной общности, которые могут рассматриваться в качестве одного из ее главных ресурсов.

Ценности составляют основу социальной общности и являются наиболее притягательной силой для ее членов. Интегративная функция социальной общности реализуется именно благодаря наличию такого ценностного ресурса. Каков его характер? Какими являются ценности, составляющие ресурсную базу социальную общности?

Как известно, существуют многочисленные классификации ценностей, в них выделяют материальные и духовные, экономические, социальные, политические и культурные, общественные, коллективные (групповые) и индивидуальные, терминальные и инструментальные ценности и т. д. Ценности могут касаться в содержательном плане отдельных сфер и сторон жизни. Так, отнесение индивидом себя к определенной национально-этнической общности, равно как и к пространственно-территориальной (самоидентификация), вполне может выступать как ценность.

По всей видимости, все ценности, так или иначе, составляют ресурсную основу социальных общностей, но, разумеется, для каждого их типа (вида) существуют какие-то доминанты. Вряд ли можно, к примеру, говорить о том, что для национально-этнической общности наиболее характерными в качестве ресурсов выступают материальные ценности. Это же касается и студенческого, и классного (школьного) коллектива. Зато если речь пойдет о ценностях социальных, духовных, моральных, ценностях внутренней солидарности, совместной деятельности, общих (совпадающих) целей и задач, то они как раз и будут раскрывать ресурс названных общностей.

Эти ценности могут ими осознаваться, но далеко не всегда бывает именно так. Часто они рассматриваются людьми как абсолютно естественное состояние их повседневных практик. Это касается, прежде всего, таких общностей, которые занимают в жизни их

членов постоянное и регулярно воспроизводимое место (семья, дошкольный, школьный, студенческий, трудовой коллектив и др.). Подлинное осознание ценностного ресурса таких общностей приходит часто только после его снижения либо даже вообще утраты, потери. В этих случаях вспоминается русская пословица: «Что имеем, не храним; потерявши, плачем».

Наличие общих или близких ценностей у членов социальной общности в качестве ее ресурса позволяет ставить вопрос о том, что именно на их основе возникает социальная солидарность, без которой осмысление сущности, процесса формирования и функционирования социальной общности вряд ли возможно. Стало быть, есть достаточные предпосылки рассматривать социальную солидарность как еще один общностнообразующий признак.

1.3. Городские социальные общности и их классификация

Из всех типов социальных общностей нас больше всего интересует городская общность. Она во многом определяет целый ряд социальных процессов, происходящих в жизни не только города, но и более широких социумов, в конечном итоге и общества в целом.

Городскую общность мы рассматриваем в двух ипостасях. С одной стороны, это особый тип общности, с другой — совокупность и взаимосвязь целой группы общностей. Как особый тип общности, она включает в себя всех жителей города, объединенных общими или близкими, совпадающими интересами удовлетворения их специфических потребностей как субъектов городской жизни. Это могут быть самые разнообразные потребности: развития городской инфраструктуры, торговли, транспорта, городского коммунального хозяйства, образования, культуры, учреждений досуга, отношений с властями, возможностей свободного волеизъявления, внутригородской демократии, массового общения, празднования знаковых событий и т. д.

Что касается многочисленных общностей, конкретизирующих городскую общность, то их выделение и рассмотрение осуществляется на базе соответствующих классификаций, требующих определенных критериев. На такой основе становятся возможными выявление и анализ отдельных видов социальных общностей. При этом критерии, а также сами классификации целесообразно рассматривать в единстве, иначе нельзя будет по-настоящему понять особенности, специфику конкретных городских социальных общностей и их место в рамках той или иной из них.

Специально подчеркнем и иной аспект методологического характера. Дело том, что одни и те же социальные общности могут занимать место в нескольких классификациях. Все зависит от тех критериев, на основе которых типологии социальных общностей осуществляются. Отсюда следует, что в разных обстоятельствах эти общности мы будем рассматривать под несколькими углами зрения.

Понятно, что существует громадное разнообразие городских социальных общностей, в рамках которого может быть выделено большое количество их видов и форм. Важность классификации (типологии) этих социальных общностей обусловлена еще и тем, что каждый индивид является членом как минимум нескольких из них. Понимание этого, четкое выделение и знание социальных общностей, в которые включен человек, поможет ориентироваться в структуре города, в системе складывающихся в нем отношений.

Классификация городских социальных общностей является практически значимой проблемой, поскольку позволяет выделять те из них, которые требуют специального внимания со стороны органов муниципального управления. Сегодня невозможно осуществлять эффективное социальное управление, если не строить его стратегию с учетом знания особенностей всех основных категорий населения (социальных общностей). Является общепризнанным фактом, что нельзя вести разумную социальную политику, одинаково рассчитанную на все социальные общности в целом. Она должна быть конкретной и дифференцированной, а, значит, по-разному учитывать интересы различных городских социальных общностей. Естественно, что важным условием этого является их знание и понимание особенностей функционирования. Нельзя не вспомнить в той связи девиз основателя социологии О. Конта: «Понимать, чтобы знать, знать, чтобы управлять».

Теперь перейдем к рассмотрению конкретных классификаций городских социальных общностей, тех критериев, на основе которых они осуществляются, и отдельных их видов. С этой целью обратимся вначале к некоторым существующим в литературе классификациям. Их достаточно много, но системных, к сожалению, почти нет. Значительная часть классификаций осуществляется по большому количеству самых разных оснований, признаков системности среди которых не наблюдается. Понятно, что претензии здесь предъявлять не к кому, поскольку авторы и не ставили перед собой задачи создания целостной картины систематизации городских социальных общностей. Постановка такой задачи и ее решение требует специального монографического исследования, которое выходит за пределы данной работы.

Среди критериев, безусловно, есть базовые (наиболее значимые, основные, широко распространенные), постоянно используемые в социологии, особенно в конкретных исследованиях. Именно такими являются критерии пола, возраста, семейного положения, которые позволяют рассматривать различные демографические и семейные общности. По критерию пола выделяют общности мужчин и женщин, критерию возраста — детей, подростков, молодежь, людей зрелого, старшего возраста, пожилых, старых людей. Семейные общности рассматривают на основе целого ряда критериев. Одним из наиболее распространенных среди них выступает наличие детей. Поэтому выделяют семьи бездетные, малодетные (в семье один ребенок), «среднедетные» (двое детей), многодетные (трое детей и больше). По критерию наличия родителей выделяют семьи полные (есть оба родителя) и неполные (наличие одного родителя). Знание такого рода о городских

общностях, пропорциях между ними является необходимым условием осуществления социальной, в целом городской политики, выстраивания процессов муниципального управления.

Широкое распространение имеет изучение территориальных (пространственно-территориальных) общностей как типов поселения в структуре города, критерием которых выступает признак проживания на определенной пространственно локализованной и хозяйственно освоенной (осваиваемой) территории. Чаще всего такими общностями являются городские округа, административные единицы, микрорайоны и т. д. Территориальная общность — это совокупность (а в ряде случаев и взаимосвязь) индивидов, имеющих отношение к определенной территории (месту жительства или работы). Она (общность) характеризуется наличием социальных, экономических, политических, бытовых и иных связей между людьми, что позволяет членам этой общности рассматривать их территорию как относительно самостоятельную единицу пространственной организации их жизнедеятельности.

Говоря о городских территориальных общностях, нужно иметь в виду наличие разных типов городов. В социологии принято выделять общности жителей городов с населением свыше миллиона человек, от 500 тысяч до миллиона, от 100000 до 500000 тысяч, менее 100000 человек. Кроме того, выделяют социальные общности горожан, сельских жителей (в черте города), жителей пригородов.

Иногда классификация по пространственно-территориальному основанию рассматривается в ином разрезе и включает в себя общности, отличающиеся по принадлежности к исторически сложившимся территориальным образованиям (район, город, область, регион). Рассмотрение пространственно-территориальных общностей предполагает также учет степени концентрации их членов на определенной территории. С этой точки зрения выделяют компактные и разобщенные (диффузные) общности.

Одна из широко распространенных классификаций касается профессиональных общностей, признаком выделения которых является отнесение людей к той или иной профессии. Здесь зачастую имеют место группировки профессий и соответственно социальных общностей (например, профессий, связанных преимущественно с физическим или умственным трудом, профессий высокоинтеллектуального, управленческого и исполнительского труда и т. д.). Известно, что, согласно последним квалификационным справочникам, в нашей стране насчитывается около 6 тысяч основных профессий. Следовательно, можно говорить о примерно таком же количестве профессиональных социальных общностей. Но эта цифра дает обобщающее представление о больших профессиональных общностях. Что касается их конкретизаций, то этот вопрос требует специального рассмотрения.

Еще одним базовым основанием классификации городских социальных общностей является национально-этническая принадлежность людей. Следует учитывать наличие почти двухсот наций, народностей, этнических групп в современной России, а также

массовую концентрацию в городах, особенно в крупных, представителей многих десятков национально-этнических общностей.

Отсюда можно представить сложность существующей ситуации, которая, так или иначе, дает и, несомненно, будет давать о себе знать возникающими противоречиями и конфликтами, приобретающими порой крайне опасные формы в условиях современного города. Знание классификации национально-этнических общностей, представленных в конкретном городе, не только на теоретическом уровне, в плане владения соответствующей объективной информацией, но и с точки зрения поведения их членов, основанного на идентификации и самоидентификации с той или иной общностью, сегодня оказывается очень важным в плане управления социально-политической, социально-экономической, социокультурной жизнью города.

Еще несколько активно используемых социологами классификаций подчеркивает важность выделения социальных общностей на основе их статусной принадлежности, отношения к собственности, доходу, власти, престижу.

Наряду с базовыми, существуют и иные критерии и соответствующие им классификации социальных общностей, которые для социологической науки ничуть не менее значимы. Может быть, лишь только с точки зрения их практической актуальности они стоят несколько ниже приведенных типологий. Но это вовсе не означает, что их не следует специально анализировать.

По такому критерию, как время существования, выделяют общности временные, непостоянные, ситуативные, иногда существующие даже несколько часов (например, пассажиры поездов, самолетов, аудитория кинозала), и устойчивые, стабильные, «живущие» столетиями (этноты, нации, религиозные общности).

С точки зрения плотности связи между индивидами в литературе рассматривают, прежде всего, социальные общности, тесно сплоченные (семья, трудовые коллективы). Выделяют также общности, обладающие недостаточно тесными и плотными внутренними и внешними связями, которые зачастую носят лишь формальный характер. Наконец, говорят об общностях, построенных на достаточно опосредованных связях, когда люди, исповедующие общие интересы, даже не знакомы друг с другом («фанаты» поп-звезды, болельщики футбольной команды и т. д.).

Критерием одной из возможных классификаций социальных общностей является способ их возникновения и функционирования. Процесс складывания общностей может происходить объективно, т. е. они могут появляться и существовать независимо от воли и сознания людей (классы, слои), и субъективно, а именно: общности создаются сознательно людьми (семья, партия, спортивная команда). Здесь нужно также иметь в виду институционально создающиеся (формальные) общности (например, регистрация брака и формальное создание семьи в ЗАГСе) и спонтанно образующиеся, неформальные общности (дворовый коллектив детей, дружеская компания).

Рассмотренные классификации городских социальных общностей свидетельствуют о том, что в их основе лежат многочисленные общностнообразующие признаки: цели, на достижение которых направлена деятельность социальной общности; схожие условия жизни и деятельности; совпадающие потребности и интересы; тождественные либо общие задачи; идентификация с общностью ее членов и чувство принадлежности к ней; определенные нормы, правила, ценности, стереотипы, традиции поведения и др. Несмотря на обилие этих признаков, среди них всегда есть определяющие для конкретной классификации общностей.

Характеризуя городские социальные общности и их классификации, необходимо поставить вопрос о появлении новых общностей в изменяющихся экономических, социальных, коммуникационных условиях общественной жизни. С этой точки зрения выделим виртуальные общности.

1.4. Виртуальные общности

Развитие общества модерна и постмодерна, усиливающееся господство информационных технологий вызывают к жизни новые типы социальных общностей, которые так или иначе могут быть отнесены к виртуальным. Эти общности оказываются очень разными, их наличие, скорее всего, подчеркивается тем обстоятельством, что они представляют собой безличное объединение людей средствами массовой информации и компьютерными информационно-коммуникационными технологиями. Поскольку эти технологии, сеть Интернет развиваются в первую очередь в городе, они способствуют созданию новых типов общностей в нем. Но их особенность состоит в том, что, возникая с помощью новых технологий, разрабатываемых в городах, они очень быстро выходят за их пределы, охватывая глобальное пространство.

Возникает важный вопрос: как соотносятся виртуальные общности с городскими? Не отрицают ли первые наличие вторых? Вопрос вызван тем, что виртуальные общности существуют в виртуальном пространстве, в котором пространственно-территориальная локализация как признак общности отрицается; традиционный же признак городской социальной общности означает именно наличие такой локализации.

Появление виртуальных общностей могло иметь место только в информационном обществе. Более того, сами эти общности стали его определенной «визитной карточкой». Информационное общество возникало и формировалось на основе крупных городов, мегаполисов, создавая своеобразные информационные социумы, и только затем проникало в иные типы поселений, становилось всеобщим феноменом. Это было вызвано тем, что переход к принципиально новому типу общества и конкретных социумов оказался возможным лишь в связи с возникновением новых информационных технологий, превращением знания и образования в доминанту деятельности, распространением новых форм

коммуникации, общения и взаимодействия между индивидами и их группами в различных информационных системах и сетях, что привело к появлению особых общностей и сообществ людей. Одним из наиболее ярких примеров этого является Интернет-сообщество, представляющее собой разновидность виртуальной общности и возникшее также на базе городов с их техническими и технологическими возможностями.

В литературе широко обсуждается точка зрения о том, что виртуальные общности являются характерной особенностью общества постмодерна. Литовские социологи Л. Ринкявичус и Э. Буткявичене озвучивают позицию американского социолога С. Джунса, согласно которой виртуальную общность следует рассматривать как проявление постмодерна [16]. Аргументом для доказательства этой позиции является указание на фрагментарность самоидентификации виртуальной общности, ее децентрализацию и отделение от местоположения. По существу это те признаки социального анализа, которые присущи постмодернизму в целом как особой исследовательской методологии.

Чтобы артикулированная позиция лучше осмысливалась в историческом контексте, предлагается сравнение изложенной точки зрения на виртуальную общность с классическими взглядами на социальную общность, идущими от Ф. Тенниса. Если традиционная общность, понимаемая в духе Ф. Тенниса, есть выражение аграрного общества, а его же современная *Gesellschaft* выступает как конструкция индустриального общества, то «виртуальная общность более всего соответствует понятию и духу сегодняшнего мира постмодерна» [17, с. 8]. В этом суждении содержится весьма позитивный «намек» на целесообразность интерпретации социальной общности в рамках не одной, а ряда социологических парадигм.

Переходя к изложению позиции самих литовских социологов, следует отметить, что главным у Л. Ринкявичуса и Э. Буткявичене становится различие «между физическими и действительными общностями» [17, с. 9]. Физические общности связаны единым, объединяющим их физическим пространством. Социологи называют их местными общностями. Вторые же, «действительные» общности, «образуются» в пространстве виртуальном. Вопрос, не имеющий, на наш взгляд, четкого и ясного ответа, состоит в том, почему первые (физические общности) оказываются при таком противопоставлении «недействительными» общностями, а вторые (виртуальные) — наоборот, действительными. Разве называемые социологами городские, военные, религиозные, академические, профессиональные, сельские и другие общности, будучи физическими, не являются действительными?

Собственно, на этом различии и строится предлагаемая вышеупомянутыми авторами концепция общности. Они считают, что классические представления об общности, идущие от Ф. Тенниса, сегодня устарели (или устаревают). Информационное общество, новая эпоха, связываемая ими с созданием киберпространства, приводят к изменению и появлению не только новых форм общности, но к замене ее сущностных и содержательных характеристик. Вот как об этом пишут сами Л. Ринкявичус и Э. Буткявичене: «Клас-

сическое социологическое восприятие общности, подчеркивающее социальное сосредоточение, продолжение, крепость, стабильность, неизбежно ориентируется на географическое местоположение как на одну из основ создания общности — значит и социологического рассмотрения и измерения. Между тем в виртуальных общностях географическое место, хотя и сохраняет аналитическую важность, не является основой создания общности — значит и анализа. Географически локализованная, социально устоявшаяся местность заменяется виртуальным пространством, поэтому усиливается значение других социальных факторов сплочения. Виртуальное социальное соприкосновение становится основным условием существования и аналитического разреза общностей» [17, с. 9].

Продолжая далее дискуссию с литовскими социологами, отметим, что вряд ли имеет смысл полемизировать с их тезисом о появлении и активном распространении виртуальных общностей в последние 10–15 лет. Следует согласиться также с тем, что это особый тип «нефизических» общностей, существенно отличающихся от так называемых «традиционных». Но встает главный вопрос: является ли возникновение новых типов общностей — «нефизических», виртуальных — основанием для резкого пересмотра и отказа от представлений классической социологии о социальной общности? Ведь к числу традиционных и классических относятся взгляды не только Ф. Тенниса, но и многих других представителей зарубежной и отечественной социологии XX-начала XXI в.

Однако основной аргумент не может сводиться, конечно, к ссылке на авторитеты. Речь идет о содержательной стороне проблемы. Цитируемые авторы, по существу, провозглашают отказ от социологического анализа нового типа общностей на том основании, что исчезает такой характерный признак социальной общности как физическое сосредоточение людей, требующее соответствующего географического их местоположения. Следствием анализа этого процесса становится вывод литовских исследователей (как нам кажется, достаточно спорный) об исчезновении возможностей социологического рассмотрения и измерения новых общностей.

Нам представляется, что рассмотрение города как совокупности и взаимосвязи социальных общностей дает достаточные основания не отказываться от традиционных трактовок. Тем более что и в городе возникают новые социальные общности «традиционного», «невиртуального», «физического» характера в связи с изменениями социальной и социально-профессиональной структуры и социальной стратификации, прежде всего новые социальные слои и группы.

В литературе нет какой-то одной, определенной точки зрения на то, что такое виртуальная общность. Для одних авторов она представляется общностью не людей, а интересов (А. Сиванандан), для других — это киберпространственная общность (П. Коллок, М. Смит). Третьи (Б. Лодер, к примеру) считают, что «...виртуальные общности могли бы быть реальными общностями, или псевдосообществами, или чем-то полностью новым

в сфере социальной договоренности, ... они частично отвечают желаниям общностей, появившимся вследствие распада традиционных общностей во всем мире» [Цит. по 17, с. 5].

По нашему мнению, совсем не обязательно связывать наличие любых виртуальных общностей с новыми информационными технологиями, кибер-пространством, существованием их в режиме он-лайн и т. д. В качестве доказательства сошлемся на имеющую место такую разновидность виртуальной общности как «общность риска», и приведем на этот счет точку зрения известного современного немецкого социолога У. Бека. По его мнению, в обществе риска, а таковым он считает современное общество рефлексивного модерна, происходит формирование новой социальной общности — «объективной общности глобальной опасности». [18, с. 55]. Как полагает С. А. Красиков, у сообщества риска нет политического субъекта, а «общность жизни в страхе перед риском виртуальна, лишена собственных институциональных и организационных, политических форм...» [19, с. 17].

Речь идет о том, что эта новая общность, основной солидаризирующий фактор которой — общий страх, не представляет собой реальную социальную силу, объединяющую людей. У. Бек полагает, что в связи с появлением общества риска происходит новое расщепление людей на тех, кто просто ему подвержен, и тех, кто умеет извлекать из этого выгоду, используя риски как рыночный шанс. По нашему мнению, новый тип общности, о которой идет речь и которую можно определить как «социальную общность риска», возникает как разновидность городской социальной общности, как общность на базе города, где реальные и потенциальные риски, а также страх перед ними наиболее сконцентрированы.

Следовательно, есть основание считать «социальную общность риска» разновидностью виртуальной общности, не имеющей каких-либо тесных внутренних связей с другой ее разновидностью, возникновение которой обусловлено новыми информационными возможностями и технологиями, наличием киберпространства, коммуникацией между членами такой общности в режиме он-лайн и т. д.

Каковы особенности виртуальной общности? Первая из них, по-видимому, состоит в том, что это общность, которая существует в виртуальном пространстве, где фактор географического местоположения не играет той роли, которая обычно имеется в виду при рассмотрении традиционных социальных общностей. В этом смысле виртуальная общность противостоит физической.

Вторая особенность виртуальной общности касается специфики «рекрутирования» ее членов, т. е. момента «вступления» в нее индивидов. Опять же виртуальная общность не предполагает такой его процедуры, которая типична для традиционных социальных общностей. В ней меняется традиционное представление о субъекте общности. С социологической точки зрения характеризовать его становится достаточно сложно вследствие неоднородности, неопределенности, известной «разбросанности» социальных признаков субъекта виртуальной общности.

Третья особенность может быть связана с наличием весьма специфических контактов между членами виртуальной социальной общности и даже полным отсутствием непосредственных связей среди них. Это дает основание использовать применительно к такому типу общности термин американского исследователя Б. Андерсона «воображаемые сообщества» (хотя и в ином контексте) [20].

Отсюда вытекает четвертая особенность виртуальной общности, которую следует рассматривать в связи с идентификацией индивида в том или ином пространстве. Дело в том, что традиционные объективные параметры идентичности (пол, возраст, национальность, раса и др.) в виртуальном пространстве зачастую теряют свое значение, а на первое место могут выходить моменты конструирования (самоконструирования) индивидами своей идентичности. Это обстоятельство и определяет появление новой, виртуальной общности.

Пятая особенность виртуальной общности связана со специфическим пониманием ее мобильности и мобильности в ней самой. Эта мобильность оказывается совсем не такой, как в случае с физической общностью. Участник виртуальной общности «передвигается» в процессе социального взаимодействия, физически оставаясь на одном и том же месте — у компьютера.

Здесь необходимо сослаться на мнение С. Джоунса [16, с. 17]. Как пишут Л. Ринкявичус и Э. Буткявичене, он «подчеркивает большие возможности мобильности в виртуальной общности, чем в физической. Согласно его объяснению, мобильность может восприниматься в двух аспектах. Во-первых, индивид мобилен в отношении места: “он движется, физически оставаясь на том же месте”, во-вторых, индивид мобилен в отношении самоидентификации себя — он сам конструирует и реконструирует самоидентификацию» [Цит. по: 17, с. 8].

Мы коснулись столь подробно проблемы виртуальных общностей, поскольку их бытие оказывает заметное, а главное, растущее, влияние на взаимодействие иных социальных общностей в условиях городской жизни и становится предметом растущей озабоченности властных структур, их управленческой деятельности. Физически реальное (не виртуальное) поведение участников этих новых общностей во многом непонятно, непредсказуемо, не прогнозируется. Виртуальные общности могут стать фактором реальных протестных выступлений. Не случайно законодатели в России по существу приравняли Интернет к СМИ и создатели целую систему запретов на деятельность в сети. Однако ее особенность состоит в том, что полностью «закрыть» и запретить неудобную властным структурам деятельность в ней невозможно. Значит, проблема управления в отношении виртуальных общностей должна ставиться по-другому. Впрочем, постановка этой проблемы справедлива не только в отношении виртуальных, но и в целом городских социальных общностей.

1.5. Управленческий аспект изучения городских социальных общностей

Выше мы пытались представить некий алгоритм, определенную схему подхода к характеристике самых различных городских социальных общностей, будь то студенты и волонтеры, преподаватели и учащиеся, бизнесмены и фрилансеры, создатели и потребители культурных благ, мигранты и их дети: именно об этих социальных общностях пойдет речь в книге.

Что эта схема включает в себя? Во-первых, самое общее определение конкретного вида городской социальной общности. Во-вторых, имеющееся видение ее структуры и функций. В-третьих, особенности функционирования этого вида городской социальной общности в современном обществе. В-четвертых, практики повседневной городской жизни, связанные с различными проявлениями ее (общности) активности. В-пятых, дискуссионные проблемы анализа и реального функционирования той или иной городской социальной общности. В-шестых, различные характеристики связей и отношений как внутри рассматриваемой социальной общности, так и между ею и иными общностями.

Здесь перечислено далеко не все, что должен содержать анализ конкретного вида городской социальной общности. А он должен включать в себя (в рамках продолжения используемого алгоритма) количественные параметры рассматриваемой социальной общности, содержательный прогноз ее развития, обобщение результатов эмпирических исследований, в том числе и вторичных данных, и т. д.

Конечно, предложенная схема, выступающая в качестве своеобразной модели рассмотрения общностей, не может считаться вполне завершенной. Кроме того, имеются самые разные типы социальных общностей (сообществ, общин, социальных движений, объединений, организаций, социальных групп и т. д.), многие из которых требуют для своего анализа иных подходов и иной методологии. Теория социальной общности настолько сложна и внутренне разноречива, что получить полное знание об алгоритме анализа существующего многообразия общностей практически невозможно.

Тем более важным в таких условиях становится понимание перспектив применения управленческого подхода в осмыслении деятельности социальных общностей, касающегося, в первую очередь, стратегий их поведения. Эти стратегии могут быть разными и охватывать профессиональные общности (либо профессиональную деятельность общностей), проблематику адаптации общностей, темпоральные стратегии их поведения, стратегию взаимодействия общностей (особенно так называемых «парных»: учитель — ученик, студент — преподаватель, создатель — потребитель культурных благ и услуг, волонтеры и те, кому они помогают и т. д.).

Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и обществом. Изучение и знание этого ме-

ханизма позволяет, с одной стороны, конкретизировать общество, которое зачастую представляется людям в обыденной, повседневной жизни достаточно абстрактным образованием, с другой — выявить возможности собственной интеграции в целый ряд процессов через деятельность различных социальных общностей и участие в ней.

Рассмотрение социальной общности в качестве своеобразного соединительного механизма и связующего звена между личностью и обществом позволяет ставить вопрос о необходимости социального управления, во-первых, ею, во-вторых — в ней самой. Такая постановка вопроса имеет смысл в том случае, если под социальным управлением понимать процесс взаимодействия общества и личности через определенные институты и механизмы этого взаимодействия. В этом случае мы полагаем, что социальное управление, рассматриваемое как передача информации, определенных решений субъекта управления (выступающего от имени общества) объекту управления (конкретным людям), должно осуществляться через социальную общность. Поэтому изначальным объектом управления для субъекта управления — на его пути к конкретным людям — является социальная общность.

Впрочем, постановка вопроса о резонности и целесообразности социального управления применительно к социальной общности может иметь место и независимо от рассмотрения ее в системе отношений общества и личности. Социальная общность — достаточно сбалансированное и автономное социальное образование, и это позволяет ей претендовать на наличие собственного социального управления.

В теории социальной общности такая постановка вопроса является новой. Среди признаков социальной общности, которые ранее назывались и рассматривались авторами, ее исследовавшими (начиная с Ф. Тенниса и кончая современными социологами), управляемость вообще не значилась.

Наличие управления социальной общностью и в ней самой вполне может трактоваться в качестве одного из ее ресурсов. Это суждение имеет гипотетический характер и нуждается в доказательстве. Для его осуществления необходимо ответить на ряд вопросов. Первые и самые главные с точки зрения постановки проблемы: существует ли (может ли существовать) управление социальной общностью (социальными общностями)? не является ли искусственной и надуманной такая постановка вопроса? может быть, в реальности нет таких общностей, которые нуждаются в управлении ими (и они могут существовать и функционировать только за счет самоуправления)?

Если мы положительно отвечаем на поставленные вопросы и утверждаем, что существующие в реальности общности нуждаются в управлении (а самоуправление является не более чем разновидностью управления), то целесообразно выдвинуть для обсуждения следующую серию вопросов: кто (что) является субъектом и объектом управления, когда речь заходит о социальной общности? что собой представляет процесс такого управле-

ния? какие условия требуются для его реализации? какова реальная и потенциальная эффективность такого управления?

Мы полагаем, что управление социальной общностью — это особый вид управления. Он не вписывается жестко в систему существующих его видов. Так, его нельзя отнести ни к федеральному, ни к региональному, ни к муниципальному управлению. Не может быть он охарактеризован и с позиций менеджмента — как вида управления — на предприятиях крупного, среднего, мелкого бизнеса.

Ближе всего, как нам кажется, из названных видов управления соответствует управлению социальной общностью муниципальное управление. Оно означает в реальности управление жизнедеятельностью поселенческих (территориальных) общностей в муниципальном образовании. Это могут быть городские, сельские, поселковые социальные общности, решение экономических, социальных, культурных проблем которых имеет принципиальное значение для их жизнедеятельности. К числу социальных общностей, находящихся на территории муниципального образования и активно нуждающихся в эффективном социальном управлении, относятся те, которые мы условно называем «бюджетниками» (педагоги, медики, занятые в сфере социальной работы и социальной защиты и др.). К общностям, чья жизнь и деятельность, безусловно, требует внимания управленческих структур, относятся мигранты.

Уже только эти названные социальные общности, как нам кажется, дают основание положительно ответить на первую серию заданных выше вопросов о реальности существования проблемы управления социальными общностями. Что касается второй серии поставленных вопросов, то она начинается с выявления существа процесса социального управления, его субъекта и объекта.

Социальное управление понимается нами как управление процессами во всей его системе. При этом мы характеризуем его как взаимодействие управляющих и управляемых субъектов в связи с выявлением актуальных проблем и принятием (а также реализацией) решений, направленных на эффективное функционирование социальных (демографических, территориальных, профессиональных, культурных, образовательных и др.) общностей, т. е. на осуществление социальной политики.

Что касается системы социального управления, то под ней мы понимаем взаимосвязь его элементов, прежде всего субъектов и объектов социального управления, выступающую в форме либо воздействия первых на вторые (в ряде случаев), либо их взаимодействия (чаще всего). Система социального управления выступает для нас также как организация этого взаимодействия для достижения социальных целей и задач, выполнения его функций посредством использования определенных механизмов с помощью создания для этого необходимых условий. Исходя из такой трактовки системы социального управления, к ее элементам мы относим субъектов и объектов социального управления, его

структуру и функции, а также механизмы и цель. [Подробнее о нашем понимании системы социального управления и ее элементов см.: 21, с. 514–515].

Здесь лишь хотелось бы выявить некоторые функции социального управления, составляющие содержание управленческой деятельности. К их реализации имеет (может иметь) прямое либо косвенное отношение социология. К центральным функциям отнесем: правильное (научно обоснованное) понимание и, соответственно ему, выработку главных направлений социальной политики, осуществляемой субъектами социального управления и ориентированной на создание условий для удовлетворения основных жизненных потребностей населения, формирования благоприятного социального климата, реального социального согласия между различными социальными общностями на основе сбалансированности их социальных интересов.

К функциям социального управления (реализация которых сопрягается с привлечением социологов) можно также отнести: планирование, проектирование и прогнозирование социальной деятельности; организацию работы по их осуществлению; координацию и регулирование различных видов социальной деятельности; их анализ, учет и контроль. Особо следует выделить функцию мотивации социальной деятельности индивидов и различных социальных общностей (в том числе коллективов и организаций) для достижения поставленных целей и задач. Исследование такой мотивации — прямая задача социологов.

Говоря об управленческом аспекте изучения городских социальных общностей, хотелось бы обратить особое внимание на роль социологической науки в этом процессе. Дело в том, что социология выступает в качестве важного ресурса управления в современном российском обществе [22, с. 236–239]. Доказательства этого положения можно выявить с помощью функционального подхода к социологии.

При его различных и многообразных трактовках одна позиция остается неизменной — понимание управленческой функции социологии. Ее суть, по нашему мнению, «заключается в том, что социологические выводы, рекомендации, предложения, оценки состояния социального объекта, создаваемые социальные технологии служат основанием для выработки и принятия управленческих решений. Там, где это происходит — в масштабах общества, региона, города, предприятия, организации, учреждения, — решения становятся более аргументированными, взвешенными, их трудно оспорить» [23, с. 15].

Управленческую функцию социологии имеет смысл рассматривать как системную для целого ряда конкретных функций. Среди них такие, как: организационно-технологическая (связанная с выработкой, конструированием социальных технологий); контрольно-аналитическая (состоящая в осуществлении контроля за реализацией предложений и рекомендаций социологов, за ходом внедрения тех или иных социальных технологий, в анализе новых социальных процессов, являющихся следствием имевших место трансформаций); консультационная (закрывающаяся в оказании всевозможной — теоретической, практической, «просвещенческой» — помощи) и др. [23, с. 16–17].

Каким образом следует рассматривать социологию в качестве ресурса управления? В чем он конкретно может быть виден (помимо реализации тех управленческих функций, которые только что были названы)? Прежде всего, отметим, что социологию как ресурс управления можно рассматривать в качестве реального капитала (с позиций подхода П. Бурдье) и потенциального капитала. Потенциальный капитал социологии — это те неиспользованные возможности и ресурсы, которые связаны с включением социологии на правах элемента в системную деятельность того или иного субъекта управления. Что же касается реального капитала, в качестве которого может быть рассмотрена социология, то сразу возникает вопрос: в рамках какого его вида (по классификации Бурдье) — экономического, политического, социального, культурного, символического, научного — следует рассматривать социологию?

Парадоксальность нашего ответа будет заключаться в возможности рассмотрения социологии не как элемента какого-то одного вида капитала, а в качестве составной части любого из названных его видов. На первый взгляд, социология, естественно, должна быть отнесена к научному капиталу. Но в ходе анализа многообразных возможностей и ресурсов социологии как науки и практики выясняется, что не только к нему. Речь идет о том, как в процессе управления социология может быть использована целостно и системно.

Здесь выясняется, что рациональное включение в систему управления социологического мышления, социологических практик, деятельности их субъектов может способствовать и увеличению экономического капитала, и оптимизации социальных связей (социального капитала), и росту культурного капитала (связанного с повышением образовательного и культурного уровня субъектов управления), и накоплению символического капитала (статусно-ролевые характеристики социологов, работы которых используются в управленческих исследованиях и решениях).

Важно при этом, чтобы социология со всем ее потенциалом и реальным научным багажом, широкими методологическими и методическими возможностями, богатым инструментарием и рядом других ресурсов не превращалась в своеобразный «бантик» управления, в качестве которого она часто выступала в прежние времена (а зачастую и теперь). Последующий анализ ставящихся в книге проблем городских социальных общностей сквозь призму реализации управленческого подхода к их решению, к трактовке стратегии деятельности этих общностей преследует цель показать реальные возможности теоретического и эмпирического социологического исследования.

Литература

1. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009.
2. *Mercer B.* The American Community. N. Y., 1957.
3. *Parsons T.* Social System. Glencoe, 1951.

4. *Hillery J. H.* Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. 1955. Vol. 20.
5. *Schnore L. F.* Community // *Sociology*. Ed. by N. J. Smelser. N. Y., 1973.
6. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.
7. *Волков Ю. Е.* Общность социальная // *Российская социологическая энциклопедия*. М.: Инфра-М, Норма, 1998.
8. *Ядов В. А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1987.
10. *Ядов В. А., Климова Г. С., Халий И. А., Климов И. А., Кинсбургский А. В., Топалов М. Н., Клеман К.* Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // *Россия в глобальных процессах: поиски перспективы*. М.: ИС РАН, 2008.
11. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.
12. *Бурдьё П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
13. *Putnam R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000.
14. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд.-во «АСТ», 2004.
15. *Козырева П. М.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. 2009. № 1.
16. *Jones S. G.* Understanding Community in the Information Age // Jones S. G. (ed). *CyberSociety: Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks – CA: Sage Publications, 1995.
17. *Ринкявичус Л., Буткявичене Э.* Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // *Социологические исследования*. 2007. № 7.
18. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
19. *Красиков С. А.* Исследование рисков в западной социологии // *Социологические исследования*. 2008. № 9.
20. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
21. *Зборовский Г. Е.* Система социального управления // *Социология управления: фундаментальное и прикладное знание* / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: «Канон+ и РООП «Реабилитация», 2014.
22. *Зборовский Г. Е.* Социология как ресурс управления в современном российском обществе // *Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы междунар. конф.*: В 4-х т. Т. 4. Екатеринбург: УрФУ, 2014.
23. *Зборовский Г. Е.* Общая социология. М.: Гардарики, 2004.

2. ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ *

2.1. Предпосылки изучения жизненных стратегий социальной общности

Обращение к проблеме жизненных стратегий социальных общностей обусловлено рядом причин. Прежде всего, очевидно, что современное общество становится в высшей степени неопределенным и рискогенным, его существование и развитие описываются в терминах турбулентности и непредсказуемости. Связано это как с традиционными факторами — высокими темпами изменений, гетерогенностью, поляризацией (разделением на противостоящие друг другу части, общности, группы), так и новыми — глобализацией, атомизацией, индивидуализацией и пр. В этих условиях не могут сохраняться устойчивые, предопределенные традициями, предыдущим историческим и социальным опытом траектории существования и развития индивидуальной человеческой жизни, размываются, казалось бы, неизменные позиции, границы и векторы движения социальных групп и общностей, хаотичным становится функционирование всего социума.

Высокий уровень сложности и динамизма социальной среды по необходимости заставляет задуматься о стратегическом видении жизненной ситуации и формировании стратегического способа жизнедеятельности. Это положение актуально как для отдельных людей, так и для целых социальных общностей.

Изменение характера общества, быстрые преобразования, происходящие в нем, вызывают различные реакции у представителей социальных общностей, выраженные в разнообразных стратегиях поведения: одни стараются «шагать в ногу со временем», угнаться за его быстрыми трансформациями, даже опередить их, другие, наоборот, стремятся сохранить *statusquo*, ориентируются на традиции, все больше и больше отстают «от века»; одни пытаются самостоятельно найти новые способы решения жизненных проблем, другие «плывут по течению», превращаются в социальных иждивенцев.

Почему так происходит? Как могут взаимодействовать социальные общности, реализующие различные стратегии поведения? Какова динамика социокультурного развития общества в этих условиях? Все эти вопросы актуализируют исследование жизненных стратегий на уровне социальных общностей, живущих в современном городе.

Кроме того, есть еще одна причина, вызывающая необходимость исследования жизненных стратегий именно городских общностей. Связана она с особым характером формирования, развития и функционирования социальных общностей в условиях городской среды, в нашем исследовании — в мегаполисе. Город всегда был и продолжает оставаться источником социокультурной динамики, обусловленной тесными и постоянными социальными контактами, компактным проживанием массовых общностей (которые всту-

* Социологическое исследование осуществлялось в рамках гранта РГНФ, проект № 14-03-00072.

пают в интенсивные и многообразные взаимодействия), быстрым развитием техники и технологий, особой структурой социального времени и пространства и др.

Эти обстоятельства вызывают необходимость поиска новых форм социального поведения, одной из которых выступают новые жизненные стратегии. Актуально знание особенностей процесса формирования таких магистральных направлений жизнедеятельности горожан, влияния их разнообразных поведенческих стратегий на развитие тех или иных сфер городской жизни, облик, имидж города, долгосрочные перспективы его развития.

Ключевой термин «стратегия», если посмотреть на его словарные трактовки, имеет два основных аспекта: военный и экономический. Исторически первым, вплоть до XX в., было понимание стратегии в военном аспекте. В XX в. термин «стратегия» стал очень часто употребляться в экономическом смысле: стратегия фирм, предприятий, стратегическое управление и т. д. Общим для обеих трактовок является определение стратегии как искусства руководства, план ведения работы, исходя из сложившейся деятельности на данном этапе.

Стратегия — это долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения. Это интегрированная модель действий, предназначенных для достижения цели. Содержанием стратегии служит набор правил принятия решений, используемый для определения основных направлений деятельности. Оформилась научная дисциплина, которая занимается проблематикой стратегий деятельности, под названием «стратегическое управление».

Особняком стоят трактовки понятия жизненных стратегий социальных общностей. Можно ли говорить об управлении стратегиями их поведения — так, как говорят о стратегическом управлении организациями, территориями, городами? Корректна ли сама постановка вопроса? Можно ли управлять поведением, тем более не одного человека, а целых общностей? И, если да, то что собой может представлять это управление? Контроль? Предписание вести себя так, а не иначе? Жесткое регулирование поведения? Или «мягкое» регулирование через создание определенных условий, при котором общность может свободно «волеизъявляться»? В этом случае возникает еще одна линия исследования — обращение к самоорганизации общности как конкретизации ее жизненной стратегии.

Жизненные стратегии, реализуемые различными социальными субъектами, — проблематика не новая для науки. Однако в сложных и трансформирующихся социальных условиях она приобретает особую значимость, наполняется новым содержанием, что связано, прежде всего, с усилением ее практической ориентированности.

В последние десятилетия, за время которых активно развивалась практика менеджмента, понятия стратегического управления, стратегии развития прочно вошли в качестве ведущего элемента мышления и деятельности экономических субъектов — от индивидуальных предпринимателей до крупных корпораций, а также государственных структур, локализованных в пространственно-временном континууме города.

Понятие стратегии в его экономическом понимании (в данном случае мы не рассматриваем его военную интерпретацию) закрепилось в общественном сознании и продолжает существовать в таком виде. В то же время это понятие «мигрирует», и теперь стратегический подход к пониманию и конструированию моделей поведения и жизнедеятельности охватывает не только экономическую составляющую. Он является более широким, и востребован в современных условиях как способ адаптации и развития не только организаций и территорий, но и особых социальных образований, каковыми являются социальные общности.

Общности выступают базовыми элементами структуры общества, его «генами», их социальные качества определяют все общественные процессы, потенциал развития в целом и пр. Именно поэтому в центре нашего исследовательского внимания оказываются жизненные стратегии социальных общностей. В таком ракурсе проблема жизненных стратегий звучит, на наш взгляд, остро, ново и актуально.

В самом начале главы мы хотели бы сформулировать несколько вопросов, которые являются содержанием исследуемой проблемы:

1. Почему социальные общности необходимо рассматривать в качестве субъектов, носителей жизненных стратегий?

2. Что собой представляют жизненные стратегии именно на уровне социальной общности? Какова их структура? Приобретают ли они какие-либо особенности в процессе формирования и реализации по сравнению с жизненными стратегиями других социальных субъектов?

3. Можно ли управлять жизненными стратегиями социальных общностей (например, сознательно их конструировать и регулировать), и если да, то каковы механизмы такого управления?

Первый вопрос имеет как чисто научный, так и практический смысл. В отечественной науке интерес к изучению жизненных стратегий формировался, начиная с 1970-х гг. в рамках психологии и социальной философии. В силу социальных и дисциплинарных особенностей он был «замкнут» на личности, а не на социальной общности. В 1980–1990 гг., в условиях перестройки и постсоветского развития общества, разработка личностной проблематики усиливается в ответ на необходимость «реабилитации» личностного начала в российской культуре и обществе. И самое главное: сама социальная общность как объект социологического исследования появляется в отечественной социологии лишь в начале 1990-х гг. [1; 2; 3; 4]. Тем более никто не ставил вопрос об управлении социальными общностями, особенно такими сложными поведенческими комплексами, как их жизненные стратегии.

Интерес к социальным общностям в конце «нулевых» годов связан с кризисным состоянием общества, как экономическим, так и политическим. Этот кризис коснулся не индивидов, а именно больших общностей, в том числе организаций, трудовых коллекти-

вов и семей. Особым образом кризис проявился в крупных городах, в которых разорялись целые банковские группы, организации различного масштаба — от мелких до крупных предприятий. Очень остро кризис отразился на судьбе жителей малых и закрытых городов. В эпицентре событий оказывались целые социальные общности, которые выступали источником социальной активности населения.

Как отражение этих процессов в социологии возникает интерес к социальным общностям. Между тем, в социологии жизненные стратегии по-прежнему продолжали изучаться на личностном уровне, хотя сама жизнь подсказывала необходимость научного осмысления стратегического поведения целых общностей.

На современном этапе развития общества необходимость изучения социальной общности как субъекта жизненных стратегий усиливается вследствие противоречий, вызванных тенденциями индивидуализации и атомизации. С одной стороны, возрастает значимость и свобода индивида как субъекта жизненных стратегий. С другой стороны, индивидуализация создает барьеры на пути взаимодействия представителей социальной общности, снижает степень ее управляемости, закономерно усложняет процесс формирования общих (общностных, единых) жизненных стратегий. Между тем, процессы эволюции социальных общностей продолжаются на фоне индивидуализации и атомизации общества и проявляются в новых типах связей, отношений и взаимодействий внутри общности, в новых ее типах и разновидностях.

Социальные общности продолжают оставаться важнейшим элементом общественной системы. Они трансформируются, приобретают новые качества, конфигурации. В условиях высокой неопределенности и социальных рисков проблема стратегического выстраивания жизни и жизнедеятельности социальных общностей приобретает свою научную актуальность и социальную значимость.

Чтобы ответить на второй и третий вопросы (что собой представляют жизненные стратегии и их структура именно на уровне социальной общности, можно ли управлять жизненными стратегиями социальных общностей), требуется провести более развернутый социологический анализ понятия, структуры и типологии жизненных стратегий, а также системы управления ими.

Предварительно заметим, что в обзоре подходов и точек зрения на обозначенный предмет исследования чаще всего будут фигурировать те, в рамках которых рассматриваются жизненные стратегии на уровне личности. Теоретико-методологический опыт исследования жизненных стратегий на уровне личности, сложившийся в социологии и в смежной с ней науке — социальной психологии — интересен и требует своего переноса в практику социологического изучения жизненных стратегий на уровне социальных общностей.

2.2. Опыт осмысления жизненных стратегий личности

Проблема жизненной стратегии как атрибута жизнедеятельности личности имеет социально-психологическое «происхождение». Именно психологи первыми сформулировали концепт «стратегия жизни» (или близкие к нему «жизненный сценарий», «жизненная перспектива» и др.) и первыми же осуществили его эмпирические исследования (Б. Г. Ананьев, С. Г. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха и др.).

Определение жизненной стратегии, ставшее классическим, было разработано К. А. Абульхановой-Славской. «Стратегия жизни, — пишет она, — это ее интегральная характеристика. Это стратегия поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем соотнесения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения» [5, с. 144]. Рассматривая жизненную стратегию в широком смысле, она пишет, что это уникальный, неповторимый способ жизни, ее структурирования, организации, оценивания и осмысления [5, с. 145]. Сформированность жизненной стратегии выступает, по ее мнению, показателем того, насколько человек стал субъектом собственной жизни.

В дальнейшем на основе подхода, разработанного К. А. Абульхановой-Славской, психологами были предложены другие определения жизненной стратегии. Большинство из них объединяет понимание того, что это способ организации жизни личности, специфика которого проявляется у разных людей в степени выраженности таких характеристик, как активность, ответственность, творчество, целеполагание, воля и др. [6, с. 30].

Так, О. С. Васильева и Е. А. Демченко под стратегией жизни понимают «такой способ бытия, систему ценностей и целей, реализация которых, согласно представлениям человека, позволяет сделать его жизнь наиболее эффективной. Другими словами, это искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла» [7, с. 75–76]. Наиболее важными, на их взгляд, характеристиками жизненной стратегии являются уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека.

Понятие «стратегия жизни» в психологии разрабатывалось в контексте психологии личности наряду с такими синонимичными или близкими понятиями, как жизненный сценарий (Э. Берн), жизненные истории (Ш. Бюлер), жизненный путь (Б. Г. Ананьев), стиль жизни (А. Адлер), жизненная перспектива (Е. И. Головаха). Например, Е. И. Головаха использует понятие жизненной перспективы как «целостной картины будущей сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни» [8, с. 226–227], полагая, что это более широкое и гибкое понятие, позволяющее определять рамки будущего жизненного пути человека.

Многообразие подходов к сущности жизненных стратегий связано с тем, что, наряду с ними, развитие личности определяют уклад и стиль жизни, жизненная позиция, способы описания жизни (жизненная история, биография) и ее символического конструирования (жизненные планы и сценарии) [6, с. 28].

Содержание и особенности жизненной стратегии конкретизируются и реализуются посредством поведенческих стратегий. В психологии под *стратегией поведения* понимают устойчивый комплекс действий, предпочитаемый субъектом для решения различных задач его жизнедеятельности. Он складывается по мере формирования функциональных систем, автоматизации действий, ориентировочной и исполнительной активности. Структура стратегии поведения включает в себя как освоенные физические действия, так и сложившиеся способы обработки информации, оценки объектов и регуляции поведения, в том числе и поведения, связанного с риском [9, с. 136–140].

В рамках психологии конфликта сформулировано еще несколько трактовок понятия стратегии поведения. Под ней подразумевают определенную последовательность мыслительных и поведенческих актов, направленных на достижение конкретной цели [10]. В контексте конфликтной проблематики А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов определяют стратегию поведения как ориентацию личности или группы на определенные формы поведения в ситуации конфликта, общую линию поведения в конфликте [11]. По их мнению, в структуре ориентировочной деятельности можно выделить три психологических компонента: когнитивно-нормативный (универсальная схема действия), аффективно-ситуативный (эмоциональные реакции) и когнитивно-прагматический (ориентация на достижение цели в конкретных условиях).

Психологический подход позволяет определить особенности проявления жизненных стратегий на индивидуальном уровне и рассмотреть их структурные компоненты. Часть социологов не просто продолжила эту научную традицию и сосредоточила свое внимание на жизненных стратегиях личности «по привычке». Эта группа исследователей сознательно рассматривает личностный план формирования стратегии жизни как одно из важнейших направлений социологических исследований.

Изучение жизненных стратегий имеет в социологии не менее серьезную, чем в социальной психологии, теоретико-методологическую основу. Концептуальными источниками для разработки понятия «жизненные стратегии», которая начала осуществляться во второй половине XX в., послужили исследования американским социологом У. Томасом и его польским коллегой Ф. Знанецким проблемы жизненных планов и жизненного пути польских мигрантов в США, жизненного мира в рамках феноменологической социологии, социальной активности, разнообразные поведенческие концепции и теории социального конфликта. Все они, так или иначе, касались вопроса формирования доминирующей (стратегической) линии действий, проблемы выбора, оценки возможностей и шансов, определения критериев оценки успешности выбранной линии поведения.

Концептуальную базу для исследования жизненных стратегий представляют разработки отечественных социологов. Е. Б. Константинова исследовала эволюцию интересующей нас проблематики в социологии и пришла к выводу о необходимости выделения трех ее этапов:

1 этап — 1960-е-начало 1970-х гг. — исследование *жизненных планов* (прежде всего, в социологии молодежи);

2 этап — конец 1970-х-1980-е гг. — переход к исследованию стратегий жизни посредством категорий «*жизненная программа*», «*жизненная перспектива*» и «*жизненные ориентации*»;

3 этап — начало 1990-х гг.- по настоящее время — исследование собственно жизненных стратегий [12, с. 9–10].

Ключевыми для разработки проблематики жизненных стратегий в отечественной социологии послужили труды В. А. Ядова [13] и К. А. Абульхановой-Славской (чьи работы носят не просто социально-психологический характер, но во многом социологичны) [5]. На их основе по сей день ведутся социологические (теоретические и эмпирические) исследования конкретных типов и видов жизненных стратегий.

В социологии одна из первых трактовок понятия «жизненные стратегии» принадлежит Т. Е. Резник и Ю. М. Резнику [14]. Стратегию жизни они предложили понимать как динамическую, саморегулирующуюся систему социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующую и направляющую ее поведение в течение длительного времени. Стратегия жизни, по их мнению, предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу [14, с. 102].

По мысли авторов, стратегия жизни представляет собой символически опосредованные и выходящие по своему воздействию за пределы сознания идеальные образования, реализующиеся в поведении человека его ориентиры и приоритеты [14, с. 101]. Стратегия жизни включает в себя идеальный план (личностные и обусловленные внешним окружением смыслы, ценности, образцы, стандарты, нормы) и реализуется в стратегическом поведении.

По мнению авторов данной трактовки, социологический подход предполагает изучение типичных форм жизненных стратегий, механизмов их возникновения, формирования, развития, смены, объяснения их системных связей с другими элементами структуры личности и социального окружения [14, с. 101].

Исследователи рассматривают понятие «стратегия жизни» в системе жизненного ориентирования личности. В разработанной В. А. Ядовым диспозиционной концепции [13] были показаны два уровня ориентирования — стратегический (ориентирование на будущее) и тактический (ориентирование на настоящее). Продолжая развивать эту идею, Т. Е. и Ю. М. Резники вводят еще один уровень — ретроспективный. В системе жизненного ориентирования исследователи относят жизненные стратегии к особому классу ори-

ентаций личности (наряду с оперативными и ретроспективными), подчеркивая специфический характер иницируемой ими жизненной активности. Отмечается, что жизненные стратегии не связаны с конкретной ситуацией (они надситуативны) и имеют интегративный (т. е. основанный на целостном восприятии жизненных событий) и долговременный, перспективный характер.

Несмотря на то, что авторы данного подхода рассматривают стратегии жизни на личностном уровне, они обращают внимание на тот факт, что их носителями выступают представители различных социальных групп и слоев (от себя добавим — социальных общностей). Отсюда вытекает, что стратегии являются дифференцированными и зависят от множества характеристик своих носителей.

С. Н. Иконникова рассматривает жизненные стратегии как жизненные планы на близкую и дальнюю перспективу развития личности, а также средства их реализации. В структуре жизненных стратегий она выделяет три компонента: 1) социальные ориентации (направленность на достижение желаемого социального поведения); 2) культурные ориентации (принятие определенных культурных образцов); 3) личные ориентации (индивидуально-личностные жизненные ситуации) [15].

Близка к данному пониманию жизненных стратегий точка зрения Ю. Н. Долгова и Т. Н. Смотровой. Согласно их позиции, жизненные стратегии выступают динамической системой представлений личности о будущей жизни, реализующейся в повседневном поведении посредством соответствующих способов и ресурсов [16]. Исследователи полагают, что в современном мире человеку необходимо формировать диверсифицированную стратегию, или, по выражению Дж. Коулмена, «веер стратегий» [17, с. 65] с целью обеспечения больших возможностей для адаптации, самореализации, раскрытия своего человеческого потенциала.

Для социологического исследования жизненных стратегий социальных общностей важно определить систему факторов, влияющих на их формирование. В этом отношении важен выход на субъективные, в частности, эмоциональные составляющие стратегии поведения. Так, социально-психологические исследования показывают тесную связь между выработкой стратегии поведения и когнитивно-эмоциональными состояниями личности. Т. П. Бутенко выявила, «что система представлений о неопределенных жизненных ситуациях, имеющаяся у взрослых людей, хорошо дифференцирована: в нее входят представления о наличии разных источников неопределенности, различных угрозах и благоприятных возможностях, предоставляемых неопределенными ситуациями, различиях способов поведения в них» [18]. Она интерпретирует данную систему представлений как «жизненную философию» ценностного отношения к неопределенным ситуациям, на основе которой формируются стратегии поведения в них.

Интересный подход к определению содержания стратегии жизни предложен М. Б. Мариновым. Он понимает под стратегией жизни личности рационализированную,

ориентированную в пространстве и во времени, обращенную на перспективу систему взаимоотношений человека и общества, осуществляемую стратегически мыслящей личностью на основе управления ресурсами, исходя из самооценности жизни [19, с. 17–18]. Исследователь считает, что стратегия жизни выражает целостность жизненного мира человека, его устремленность в будущее и способность изменения собственной жизни в соответствии с вызовами и запросами этого будущего [19, с. 14].

2.3. Жизненные стратегии в зеркале общностного подхода

Наряду с личностно ориентированным подходом в социологии четко определились особенности дисциплинарного подхода к исследованию стратегий жизни и стратегий поведения на общностном уровне. Прежде всего, это касается субъекта жизнедеятельности, в качестве которого выступают организации различных типов, социальные слои, страты, а также (что особенно важно для нас) — многочисленные социальные общности.

В качестве примеров назовем несколько исследований, авторы которых придерживаются общностного подхода. Так, О. С. Логунова, исследуя социально-профессиональные стратегии вузов, предлагает использовать в социологических исследованиях подход, согласно которому стратегия выступает как логически сконструированная программа долгосрочных действий социальной организации, способная удовлетворить ее определенные потребности и потребности общества в целом, учитывающая их предпочтения относительно различных благ [20, с. 18].

Е. Б. Константинова, рассматривая вторичную занятость студенческой молодежи в качестве фактора ее жизненных стратегий, определяет это ключевое понятие как выбор не только личностью, но и социальной группой способа жизненного самоопределения и самореализации, конкретизирующийся в различных жизненных тактиках [12, с. 10–11]. Она отмечает, что в современных российских условиях в ходе жизнедеятельности молодежь может менять как отдельную жизненную тактику, так и выбранную жизненную стратегию в целом, однако выделенные жизненные стратегии отражают социально типичный жизненный выбор современной российской молодежи, в том числе и студенческой [12, с. 12].

Н. В. Осмачко была предпринята попытка анализа особенностей жизненных стратегий студенчества как социальной группы посредством рассмотрения стратегии жизни через взаимодействие, коммуникацию с другими людьми [21].

Необходимо заметить, что разработка проблематики жизненных стратегий на всех этапах ее эволюции была связана, прежде всего, с изучением социокультурной динамики молодежи и студенчества как социальных общностей. В последние годы началось изучение жизненных стратегий и других социальных общностей, наиболее проблемных для развития российского общества. Упомянем исследования жизненных стратегий государ-

ственных и муниципальных служащих [22; 23; 24]; российской семьи [25]; автономных социальных групп [26]; женщин как социально-демографической общности [27; 28]; менеджеров [29].

Опираясь на результаты проведенных исследований, далее мы раскроем содержание понятия жизненной стратегии и стратегии поведения с учетом особенностей общностного подхода, а также следующих общесоциологических принципов, предполагающих: 1) определение социальных детерминант формирования и развития жизненных стратегий; 2) типизацию форм стратегического поведения; 3) выявление степени распространенности того или иного типа стратегий у различных социальных субъектов.

Жизненная стратегия социальной общности, по нашему мнению, представляет собой *главную линию ее поведения и жизнедеятельности, интегрирующую в себе жизненные планы и программы социальной общности для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для нее*. Результатом реализации жизненной стратегии является создание такой жизненной ситуации (или преобразование существующей), которая позволяет достичь ее оптимального состояния.

Формирование и реализация жизненной стратегии определяется рядом объективных факторов: 1) системой ценностных ориентаций, характерных для конкретной общности; 2) «возрастом» социальной общности и коллективным опытом ее развития, укоренения и мобильности в социальной структуре общества; 3) наличием у общности тех или иных стратегически важных ресурсов, их свойствами, влияющими на объем и качество ее человеческого капитала; 4) характером и степенью остроты жизненных проблем и целей, стоящих перед представителями данной общности.

Основными структурными элементами жизненной стратегии общности являются ее цели и способы их достижения.

Целеполагание — важнейший механизм реализации жизненной стратегии. Благодаря ему выстраивается иерархическая система жизненных целей. Она является основным признаком жизненной стратегии общности, поскольку устанавливает системную связь общих целей и конкретных задач, их соподчиненность в качестве способа достижения главной цели путем последовательного, систематического решения конкретных жизненных проблем.

Целевые ориентиры складываются под влиянием диспозиций, установок, потребностей и интересов, ценностных ориентаций, характерных для той или иной социальной общности или ее отдельных слоев. Поскольку в процессе формирования и последующей реализации жизненной стратегии социальной общности задействован весь комплекс диспозиционных механизмов, изменение его в целом или отдельных его элементов влечет за собой кардинальную трансформацию жизненных стратегий общности.

Содержание и значимость жизненных целей связаны с необходимостью разрешения трудностей или противоречий, присущих жизнедеятельности той или иной социальной

общности. Серьезность масштабов, острота, смысложизненность этих проблем вызывают необходимость не просто ситуативного (или реактивного), а именно стратегического подхода к их разрешению. Для социальной общности это может быть вопросом ее выживания, сохранения себя как целостности, повышения социального статуса, конкурентоспособности в борьбе за различные ресурсы.

Стратегический подход к решению жизненных противоречий социальной общности подразумевает наличие временной перспективы в постановке целей и задач. Система целеполагания в ее темпоральном разрезе включает в себя долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные цели и задачи. Это своеобразный «каркас» стратегии общности, который поддерживает единую линию поведения в течение тех периодов времени, которые требуются для решения более частных задач.

Важным признаком жизненной стратегии социальной общности является интегрирующий характер: она подчиняет себе все стороны и направления жизнедеятельности общности (и ее отдельных представителей), обеспечивая тем самым ее целостность, упорядоченность и эффективность. В реальности этот признак проявляется в формировании системы поведенческих стратегий, касающихся различных сфер жизнедеятельности социальной общности. Забегая вперед (о понятии и типологии поведенческих стратегий речь пойдет ниже), назовем некоторые из них: это образовательная, профессиональная, финансовая, репродуктивная, стратегия жизнеобеспечения и др.

«Сильная» жизненная стратегия представляет собой «веер» непротиворечащих, поддерживающих друг друга стратегических линий поведения, способных обеспечить целостность существования и самореализации социальной общности. Невозможно представить какую-либо социальную общность, имеющую одну «сильную» стратегию (например, профессиональную), идущую в разрез с другими (скажем, репродуктивной или финансовой). Все они взаимоувязаны и соподчинены по определенным принципам.

Наряду с целеполаганием, важным элементом жизненной стратегии является система способов достижения жизненных целей, основанная на социальных умениях и навыках, а также выработанных алгоритмах, последовательности определенных действий — так называемых моделях поведения. Многоуровневая и многоструктурная система способов целедостижения воплощается в жизненных планах и программах действий социальной общности.

Жизненные планы и программы выстраивают траекторию жизнедеятельности членов социальной общности, подчиняют ее коллективным, осознанным ими целям и ценностям, придают ей направление, содержат конкретные меры по последовательному преобразованию жизненных обстоятельств. Названные механизмы реализации жизненной стратегии снижают зависимость социальной общности от внешних обстоятельств, поскольку организуют и делают более или менее предсказуемыми окружающую среду и

события. Выработка жизненных планов и программ является важным фактором развития самосознания общности.

Вопрос о жизненных планах и программах социальной общности закономерно выводит нас на проблему временного измерения ее жизненной стратегии.

Стратегии социальной общности во временном аспекте охватывают жизнь целого поколения, а иногда могут реализовываться в жизни даже нескольких поколений. Характерный пример — стратегии некоторых диаспоральных общин, этнических или поселенческих общностей, которые формируют надындивидуальные цели (например, повышение социального статуса, обеспечение безопасности, воссоединения и пр.) и стремятся к их достижению на протяжении жизни нескольких поколений. При этом установки на реализацию определенной жизненной стратегии сохраняются посредством создания и трансляции мифов, сверхидей, миссии и пр.

Таким образом, временное измерение жизненной стратегии включает представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем.

Временные характеристики жизненной стратегии — показатели ее конструктивности. Стратегическое поведение общности основано на определенных социальных ожиданиях и представлениях о будущем. Сложность становления жизненных стратегий зависит от состояния среды. Стабильная среда, поддающаяся прогнозированию и проектированию, обеспечивает возможности формирования четкой, «до конца сформулированной», устойчивой стратегии жизни. Среда, характеризующаяся неопределенностью, динамизмом, заставляет постоянно корректировать стратегию, создает постоянные риски для ее реализации, вынуждая представителей социальной общности осуществлять выбор в сложных изменяющихся условиях, зачастую интуитивно.

Нелинейная динамика времени создает дополнительное «давление» на стратегическое поведение общности. Она влияет на ее целостность, непротиворечивость, способы реализации, степень активности и последовательности действий. В этих условиях постоянно необходима корректировка стратегий социальной общности. Данное замечание представляется нам чрезвычайно важным в свете исследования тех конкретных стратегий поведения, которые далее будут представлены в книге — жизненных стратегий волонтеров, темпоральных стратегий авангардных общностей, стратегий взаимодействия общностей производителей и потребителей культуры и т. д.

Как уже отмечалось выше, жизненная стратегия реализуется посредством широкого спектра поведенческих стратегий, охватывающих основные сферы жизни социальной общности (работу, домохозяйство, быт, досуг, семью и пр.). Если жизненная стратегия характеризует более сущностный уровень бытия социальной общности, то поведенческие стратегии связаны с тактическими действиями, реализующимися в ее повседневной жизни.

Поведенческая стратегия представляет собой устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели.

Стратегия поведения социальной общности может рассматриваться как результат социальных интеракций как внутри общности, так и вне ее (с другими общностями). Выстраивание стратегии поведения — это своеобразная форма проектирования и реализации социальных взаимодействий между различными социальными субъектами.

Стратегии поведения общности основаны на совпадающих позициях, установках, нормах и ценностях, единых для ее представителей. Это своеобразные внутренние «скрепы», которые их связывают. Стратегии поведения можно рассматривать как «опознавательные», идентификационные знаки и символы общности. Они могут охватывать основные направления деятельности общности и в определенном смысле выражать их «миссию». Поскольку стратегии поведения формируются на уровне общности и транслируются в сознание ее представителей через сложную систему социальных регуляторов, они не всегда могут четко осознаваться их отдельными членами, несмотря на то, что в реальном поведении люди придерживаются этих стратегических линий и установок [30].

Стратегии могут касаться как поведения в целом, так и отдельных его сторон. Пример «сквозных», интегрирующих стратегий — темпоральные стратегии поведения, касающиеся отношения к социальному времени, его восприятия и проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности общности, следовательно, во всех иных стратегиях ее поведения — репродуктивной, финансовой, адаптационной, образовательной и пр. Некоторые виды стратегий связаны исключительно с узкой, разворачивающейся в определенных границах, сферой социальной жизни. Так, например, стратегии могут касаться профессиональных установок и ценностно-нормативных характеристик деятельности, типов внутренних отношений между членами общностей.

2.4. Классификация жизненных стратегий социальной общности

Разнообразие поведенческих стратегий, реализуемых социальной общностью, выводит нас на проблему их классификации, что в дальнейшем позволяет рассматривать жизненную стратегию как систему упорядоченных и взаимосвязанных поведенческих стратегий. В современной отечественной и зарубежной социологии исследуется довольно широкий спектр различных типов и видов стратегий поведения. Обобщение материалов конкретных социологических исследований позволяет выделить следующие основания для классификации:

1. Сфера жизнедеятельности социальной общности оказывается основой выделения экономических (в том числе финансовых), образовательных, профессиональных, карьерных, семейно-брачных, репродуктивных стратегий, стратегий бытового обеспечения.

2. *Функции поведенческих стратегий* задают основания для выделения адаптационных, конкурентных, инновационных стратегий, стратегий выживания, взаимодействия и т. д.

3. *Характер социальной активности*, присущей социальной общности, определяет активные, реактивно-адаптивные, пассивные поведенческие стратегии.

4. *Влияние на результаты жизнедеятельности* общности обуславливает конструктивные и деструктивные стратегии.

5. *Наличие элемента творчества* создает основу для креативных (созидающих) и обыденных (повседневных) стратегий.

6. *Степень инновационности моделей поведения* обуславливает появление инновационных и традиционных стратегий.

7. *Направленность изменений* характеризует прогрессивные и регрессивные стратегии.

8. *Степень осознания представителями социальной общности сущности и целей реализуемой линии поведения* детерминирует возникновение сознательно конструируемых и стихийно складывающихся стратегий.

9. *Степень совпадения с целями и задачами общества* приводит к просоциальным, асоциальным и антисоциальным стратегиям.

10. *Возможности достижения главной цели* характеризуют эффективные, малоэффективные и неэффективные стратегии.

В истории социологии и на современном этапе ее развития не раз предпринимались попытки классификации и описания поведенческих стратегий. Большинство из них было связано с личностью как субъектом социального действия. Например, Ю. Н. Долгов и Т. Н. Смотровя предложили такие основания, как локус контроля (экстернальные, интернальные стратегии); способ восприятия условий жизни (стратегии гедонистические и основанные на чувстве долга, ответственности); характер и способ самореализации (стратегии самоактуализации и манипуляции); характер соотношения эмоциональности и рациональности (аффективные, когнитивные стратегии); приоритетность в социальном обмене (присваивающие, отдающие или сбалансированные стратегии) [16].

Т. Е. Резник и Ю. М. Резник рассматривали в качестве критерия классификации жизненных стратегий характер социальной активности личности, который, в свою очередь, образован следующими признаками: социально-экономическое положение, способ производства и трансляции культурных стандартов, система регуляции и контроля, социальный характер (коллективная ментальность), профессиональный этос. В результате использования данного критерия вырисовывается типология, включающая стратегии: жизненного благополучия; жизненного успеха; самореализации [31, с. 110–119].

Не все из предложенных оснований, по нашему мнению, можно применить для разработки классификации поведенческих стратегий социальной общности. Между тем, вышеописанный опыт социологической классификации важен: он показывает сложность, многоуровневый характер феномена, который находится в центре нашего внимания.

Остановимся на отдельных классификациях стратегий поведения и описания некоторых из них, которые вполне можно использовать в соответствии с целями нашей работы — анализа жизненных стратегий городских социальных общностей.

Прежде всего, назовем известную классификацию социального поведения Р. Мертона, в основе которой лежит соотношение целей и институциональных средств их достижения. В соответствии с этим основанием он выделил стратегии: конформизма, инновации, ритуализма, ретритизма, мятежа [32]. История социологии в этом случае еще раз доказывает свой потенциал для описания и анализа современной социальной реальности, поскольку типология Р. Мертона на самом деле позволяет определить основания выбора стратегической линии поведения, характерной для социальных общностей.

Современные авторы часто обращаются к анализу и классификации экономических стратегий поведения различных общностей. По результатам исследований видно, что особое место в структуре жизненных стратегий занимают стратегии финансового поведения (финансовые стратегии) [33]; долгового (кредитного) поведения [34]; сберегательного поведения [35]; стратегии выживания [36].

Расширяется предметное поле изучения поведенческих стратегий за счет усиления интереса к стратегическому поведению такой социальной общности, как семья. Она рассматривается как главный субъект формирования репродуктивных стратегий [37; 38]; стратегий самосохранительного поведения [39; 40; 41]; стратегий брачного поведения [42].

Особое внимание социологов привлекают различные адаптационные стратегии поведения, связанные с поведением различных общностей на рынке труда и миграционной мобильностью. Стратегиям трудовой занятости, трудоустройства посвящены исследования Е. В. Белозеровой [43], Н. М. Давыдовой [44], Л. Я. Лабы [45] и др. Стратегии поведения мигрантов оказались в центре внимания Г. Е. Зборовского, Е. А. Шуклиной, В. П. Засыпкина [46], И. В. Сосниной [47], Г. Н. Строевой [48], И. М. Кузнецова [49] и др.

В системе поведенческих стратегий социальных общностей выделяется особый тип, связанный с отношением к двум взаимосвязанным ресурсам и социокультурным категориям — времени и пространству. По мнению М. Б. Маринова, в современном индивидуализирующемся обществе, которое «начинает топорщиться складками, образованными группами людей», ставшими узниками пространства и заложниками времени, необходимо объединить спатальную (пространственную) и темпоральную (временную) стратегии в единую континуальную стратегию жизни [50]. Новая континуальная стратегия жизни представляет собой свободные переходы из жизни в пространстве в жизнь во времени и из жизни во времени обратно в жизнь в пространстве (объединение спатальной и темпоральной стратегий по принципу дополнительности).

Все фундаментальные социологические и социально-психологические исследования жизненных и поведенческих стратегий включали в себя темпоральное измерение (о чем

мы писали выше). Сошлемся на исследования К. А. Абульхановой-Славской [5; 51], В. И. Ковалева [52], Б. И. Цуканова [53], Л. А. Паутовой [54], А. Н. Кучеренко [55] и др.

Результаты этих исследований позволяют представить темпоральные стратегии поведения как сквозные, интегрирующие всю систему поведенческих стратегий социальной общности. Данный тип стратегии, определяющий характер и эффективность других поведенческих стратегий общности, будет рассмотрен в третьей главе этой книги.

Поскольку нас интересуют, прежде всего, городские социальные общности, возникает вопрос о специфике стратегий их поведения. Здесь прослеживается влияние особенностей городской жизни, ее пространственно-временных характеристик, высокого уровня мобильности, в том числе обеспечиваемой развитой транспортной инфраструктурой, специфические темпоритмы, анонимность общения, стили межличностного, внутриобщностного и межобщностного взаимодействия, высокий уровень активности многих групп населения, концентрация авангардных социальных общностей, вырабатывающих новые модели деятельности и др. Чем крупнее город, тем больше проявляют себя названные выше факторы.

Актуализация изучения жизненных стратегий городских социальных общностей связана с особенностями развития современного российского общества, особенно сейчас, в условиях социетального кризиса страны. Поведение некоторых социальных общностей необходимо прогнозировать, так как оно выступает источником рисков — протестного движения или, наоборот, социальной апатии и инертности, конфликтности или деградации. Именно городские общности, как правило, выступали источником социальной активности, поскольку в условиях крупного города имеется больше возможностей к объединению, консолидации. Первые симптомы объединения горожан, имеющего характер самоорганизации и проходившие в форме голодовок, перекрытия дорог, стали наблюдаться в 1990-е гг. в ответ на невыплаты заработной платы. Первые волонтерские организации также инициировали горожане, и до сих пор волонтерское движение сконцентрировано в городах.

На стратегии поведения социальных общностей влияет не только величина города и степень проявления указанных выше черт его жизни. Существенное значение приобретает уровень экономики города, наличие в нем серьёзных, с точки зрения их экономического значения, градообразующих предприятий, налоговые отчисления, финансовые потоки, масштабы строительства, уровень зарплаты, социальное положение и социальная поддержка неработающих социальных общностей и т. п.

Есть еще одно важное обстоятельство, влияние которого мы выдвигаем в качестве гипотезы, требующей своего специального исследования. Речь идет не столько о материальных, заметных, ощутимых, наглядных факторах (например, масштабов и темпов городского строительства, которые хорошо видны всем), сколько факторах духовного порядка.

Мы предполагаем, что существует некий дух города. Его можно описывать через развитие основных сфер общественной жизни: промышленности, финансов, строительства, науки, культуры. Можно рассматривать его через административный компонент, традиции, этническую структуру и те противоречия, которые формируются вместе с ней. Представители городского управления влияют на дух города через создание его имиджа, инвестиционную политику, СМИ, пропаганду. Его нельзя представить также вне развития духовной культуры, активной театральной и концертной жизни, гастролей многочисленных зарубежных и отечественных трупп и т. д. Требуется отдельное эмпирическое исследование, которое показало бы, какие городские общности выражают этот дух в большей и меньшей степени, какие черты жизненных стратегий он несет в себе.

2.5. Жизненные стратегии социальных общностей как объект управления

Управление жизненными стратегиями социальных общностей является разновидностью социального управления, которое подразумевает целенаправленную деятельность его субъектов по сбору и анализу исходной информации о состоянии социального процесса, построению его идеальной модели и формированию управленческих решений по коррекции как самого этого процесса, так и условий, в которых он разворачивается.

Социальные явления и процессы — одни из самых сложных для управленческого воздействия, поскольку большинство из них относится к классу самоорганизующихся систем. Их отличает способность к самонастройке параметров функционирования, скорости и траектории развития, реагирования на внешнюю среду и т. д.

В этом случае традиционное управленческое влияние, исходящее от конкретного человека, группы руководителей, управляющей организации или структуры, будет иметь определенные ограничения в плане эффективности достижения поставленных целей, времени и способов воздействия. Связано это с тем, что управление представляет собой рациональный способ организации какой-либо деятельности по преобразованию окружающей социальной среды, а сама рациональность исходит не от логики развития социальных объектов, а представлений и оценок субъекта управления.

Жизненные стратегии социальных общностей как раз принадлежат к такому классу социальных процессов, которые требуют не прямого и жесткого управленческого воздействия, а использования «мягких» методов создания благоприятных условий для их реализации. Это означает, что рассматриваемые стратегии в качестве объекта управления нуждаются в особых управленческих подходах и технологиях формирования.

Управление жизненными стратегиями социальных общностей может включать в себя несколько направлений деятельности: 1) целенаправленное формирование жизненных стратегий (в случае, если характер и особенности жизнедеятельности социальной общности, ее потребности это позволяют делать); 2) регулирование существующих жизненных

стратегий (предполагающее приведение в соответствие друг другу стратегической линии жизни общности и целей управляющей системы); 3) изменение внешнего социального окружения и самой управляющей системы в соответствии с особенностями жизненных стратегий общности (если они являются конструктивными, эффективными, инновационными). Все эти направления не исключают друг друга, они отражают необходимость дифференциации управленческой деятельности в зависимости от специфики самих социальных общностей и конфигурации (типа, режима) управляющей системы.

Кто является субъектом управления жизненными стратегиями социальной общности — вопрос принципиальный. В таком качестве могут выступать органы государственной власти, заинтересованные в том, чтобы поведение социальной общности отвечало в долгосрочной перспективе их целям и проектам. Это могут быть институты гражданского общества, частью и опорой которого социальные общности являются. Группы людей, представляющие институты гражданского общества, с одной стороны, защищают интересы этих социальных общностей, с другой — сами заинтересованы в поддержке представителей социальных общностей, выраженной в конкретных действиях и поступках.

Есть еще один субъект управления жизненными стратегиями социальной общности — конкретные ее члены, обладающие потребностями в управлении и необходимыми для этого ресурсами. Это относится к тем специфическим социальным общностям, жизнедеятельность которых носит организованный характер, — диаспоральным общинам, профессиональным сообществам, семье. Сама социальная общность также может выступать субъектом управления (самоуправления) своими жизненными стратегиями. В этом случае их формирование представляет собой стихийный, самоорганизующийся процесс. Таким образом, еще раз подчеркнем, что управление жизненными стратегиями и стратегиями поведения социальных общностей реализуется в двух моделях — внешнего и внутреннего управления (самоуправления). В любом случае важно понимание природы управления сложными социальными процессами: это не прямое воздействие, не жесткое администрирование, а создание условий, «мягкое» регулирование, предполагающее взаимодействие субъектов управления и социальных общностей.

Цель управления жизненными стратегиями — конструирование такой стратегии жизни, которая поможет социальной общности раскрыть полностью ее потенциал и реализовать все виды ее капитала. Речь может идти не только о таком принятом явлении, как человеческий или социальный капитал. По нашему мнению, целесообразно ставить вопрос и о наличии общностного капитала, не равного сумме индивидуальных человеческих капиталов составляющих ее членов. Общностный капитал, в самом первом приближении, — это особое качество социальной общности, которое позволяет не только отличать ее от других, но и видеть ее особую роль, особое значение, особую ценность, приобретающие смысл в условиях общества. Общностный капитал проявляет себя в отношении данной общности с другими социальными субъектами, что позволяет ему подчеркивать специ-

фику рассматриваемой общности. Управление жизненными стратегиями должно быть направлено на сохранение, преумножение, развитие общественного капитала.

Любое управленческое воздействие должно учитывать фундаментальные потребности социальной общности и тот факт, что в современных условиях они достаточно быстро могут меняться. Каждая социальная общность проходит эволюционный путь развития, в ходе которого оформляются ее границы и структура, складываются духовное ядро (ценностные ориентации, интересы, самосознание) и материальная культура. В частности, городские социальные общности будут положительно реагировать на управление в том случае, если оно (управление) будет учитывать их актуальное состояние, проблемы и ожидания.

Стратегии жизни реализуются в социальных взаимодействиях и социальных отношениях. Управлять стратегиями жизни социальных общностей — значит по-новому выстраивать социальные отношения и взаимодействия с помощью различных регулятивных, мотивационных, контролирующих механизмов, имеющих социальную и социально-психологическую природу. Для этого необходимо использовать самый широкий спектр ресурсов — человеческих, материальных, финансовых, информационных, социальных, политических и т. д.

Ключевым элементом управления жизненными стратегиями являются информационные ресурсы, обеспечивающие проблемным знанием процесс разработки социальных проектов и программ, касающихся социальных общностей. Социологические, статистические, экономические исследования служат источником знания о жизненных стратегиях различных социальных общностей — их типах, механизмах и предпосылках формирования и изменения, степени распространенности в обществе, возможности их переноса на другие общности.

В качестве инструментов управления жизненными стратегиями используются различные виды государственной политики — социальная, молодежная, культурная, демографическая и пр. Структуры государственного и муниципального управления применяют систему городского просвещения, а также профессионального, психологического, социального консультирования.

Широкий спектр возможностей содержится в системе образования, поскольку его практики непосредственно направлены на наращивание социального и культурного капитала общностей, взаимодействующих в этой сфере. Образовательные инструменты и ресурсы могут быть эффективно использованы для формирования, например, репродуктивных и темпоральных стратегий поведения [56; 57].

Особые институциональные условия для функционирования жизненных стратегий создают различные общественные движения и некоммерческие организации. Они формируют на уровне повседневной жизни особые структуры взаимодействия, благодаря которым снижается уровень неопределенности жизни и возникают установки, диспозиции,

ценностные ориентации, мотивации, служащие основой стратегического выбора линии поведения [58, с. 178–179].

Изучение жизненных стратегий социальных общностей и управления ими требует конкретизации на самых разных уровнях. Далее в книге будут рассмотрены различные стратегии поведения городских общностей с их авангардными и традиционными слоями — волонтеры, бизнесмены, студенты, фрилансеры, производители и потребители культуры, мигранты и их дети и т. д.

Литература

1. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2.
2. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара: Изд. Самарского ун-та, 2006.
3. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 1992.
4. Зборовский Г. Е. Общая социология. М.: Гардарики, 2004.
5. Абульханова-Славская Л. К. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
6. Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1.
7. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2.
8. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000.
9. Марищук В. Л. Особенности поведения человека в экстремальных условиях // Психология и педагогика. Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. СПб.: Питер, 1997.
10. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008.
11. Анцупов А. Я., Шитлов А. И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006.
12. Константинова Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006.
13. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
14. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12.
15. Иконникова С. Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. Л.: ЛГУ, 1974.
16. Долгов Ю. Н., Смотрова Т. Н. Типология жизненных стратегий личности // Проблемы и перспективы педагогики и психологии: материалы междунар. заоч. науч.-

практич. конф. (Новосибирск, 24 октября 2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 15.05.2014).

17. *Шверт Р.* Теоретическая концепция Джеймса Коулмена // Социологический журнал. 1996. № 1/2.

18. *Бутенко Т. П.* Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.

19. *Маринов М. Б.* Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Ростов-Н/Д, 2008.

20. *Логунова О. С.* Социально-профессиональная стратегия вуза и образовательное поведение молодежи: методология социологического анализа: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2010.

21. *Осмачко Н. В.* Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Владивосток, 2005.

22. *Примак Т. В.* Жизненные стратегии чиновников Уральского федерального округа в условиях реализации административной реформы: социологический аспект // Вопросы управления. 2008. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/en/issue/2008/03/06/> (дата обращения: 15.08.2014)

23. *Степанчук Д. Ю.* Жизненные стратегии современных государственных гражданских служащих: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2013.

24. *Смирнов Е. М.* Жизненные стратегии государственных служащих // Государственная служба. 2002. № 4.

25. *Сорокина Е. С.* Жизненные стратегии молодой семьи: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2007.

26. *Сайфуллин Н. Ф.* Адаптивные жизненные стратегии автономных социальных групп в кризисных условиях: к постановке задач. [Электронный ресурс]. URL: http://www.keldysh.ru/papers/2007/rep83/rep2007_83.html (дата обращения: 28.09.2014).

27. *Цветкова О. А.* Работа и семья в жизненных стратегиях российских женщин: региональный аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2011.

28. *Кондря Т. И.* Влияние гендерной социализации на формирование жизненных стратегий женщин современной России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Иркутск, 2007.

29. *Васильева Е. О.* Карьерный успех в жизненных стратегиях управленческого персонала современной организации: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-Н/Д, 2009.

30. *Култыгин В. П.* Теория рационального выбора — возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1.

31. *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. 1996. № 6.

32. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 3.

33. *Преснякова Л. А.* Кредиты для россиян: «догоняющая» или «опережающая» стратегия финансового поведения? // Социальная реальность. 2006. № 6.
34. *Дикий А. А.* Стратегии долгового поведения населения в современной России: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2012.
35. *Стребков Д. О.* Факторы и типы сберегательных стратегий населения России во второй половине 1990-х годов: Автореф. дис. ...канд. соц. наук. М., 2003.
36. *Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.
37. *Талалаева Г. В.* Социальная демография. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2010.
38. *Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е.* Аналитическая записка по результатам социологического исследования «Социально-экономическое положение и репродуктивные намерения молодых семей». Тула, 2012.
39. *Шклярчук В. Я.* Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социологические исследования. 2008. № 10.
40. *Амбарова П. А., Исаева С. С., Никулина Е. Ю.* Семья как объект и субъект самосохранительной деятельности // Социология в системе научного управления обществом. [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012.
41. *Калачикова О. Н., Корчагина П. С.* Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5 (61).
42. *Антонов А. И., Медков В. И.* Социология семьи. М.: Инфра-М, 2005.
43. *Белозерова Е. В.* Стратегии занятости инвалидов: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2005.
44. *Давыдова Н. М.* Индивидуальная ситуация на рынке труда и стратегия занятости // ОНС. 1999. № 3.
45. *Лаба Л. Я.* Интеграция качественных и количественных методов при изучении гендерных стратегий занятости (На примере российского рынка труда): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004.
46. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Обучение детей мигрантов и проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2.
47. *Соснина И. В.* Социальные аспекты интеграции трудовых мигрантов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3.
48. *Строева Г. Е.* Модели адаптационного поведения трудовых мигрантов из Китая // Вестник ТОГУ. 2007. № 3 (6).
49. *Кузнецов И. М.* Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.
50. *Маринов М. Б.* Выход на континуальную форму стратегии жизни в индивидуализирующемся обществе // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 12.

51. *Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
52. *Ковалев В. И.* Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анциферовой. М.: Наука, 1988.
53. *Цуканов Б. И.* Время в психике человека. Одесса: Астро-Принт, 2000.
54. *Паутова Л. А.* Молодые «Люди XXI»: общие черты локомотивной группы и региональная специфика [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt4web.ru/okruzhajushhij-mir/molodye-ljudi-i.html> (дата обращения: 05.04.2014).
55. *Кучеренко А. Н.* Культура времени современного горожанина: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-Н/Д, 2009.
56. *Багирова А. П.* Репродуктивная ориентация образования как инструмент мотивации репродуктивной активности населения России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 10.
57. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление. 2014. № 3.
58. *Певная М. В.* Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2.

3. УПРАВЛЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ АВАНГАРДНЫХ ОБЩНОСТЕЙ*

3.1. Авангардные социальные общности: теоретический анализ и эмпирические исследования

Социальные трансформации и переходы не совершаются по мановению волшебной палочки невидимого фокусника. Они материализуются в действиях и взаимодействиях людей, которые сознательно или неосознанно стремятся преодолеть жизненные трудности способами, не характерными для поведения и жизнедеятельности большинства людей. В истории науки эти люди получали различные имена: пассионарии (Л. Н. Гумилев), Сверхчеловек (Ф. Ницше, В. Соловьев), прогрессисты, передовые отряды, «новые люди» (Н. Г. Чернышевский) и т. д. Не менее значимой и актуальной проблема передовых, или авангардных, общностей является и для современной социологии, поскольку ее изучение дает ответ на вопрос о том, каковы социальные ресурсы и механизмы преодоления трансформационного кризиса в российском обществе.

В современной социологической литературе встречается ряд синонимичных понятий — авангардные общности, «локомотивные» группы, инновационные, опережающие общности, модернизационный класс, «поколение-21» и др., что свидетельствует о формировании интереса к особому типу социальных общностей, выделяющихся на фоне других социальных групп и общностей специфическим образом жизни, поведенческими стратегиями, ценностными ориентациями, установками и формами взаимодействия. Описывая социальный портрет этих социальных общностей, анализируя различные аспекты их жизнедеятельности, авторы не рассматривают само понятие авангардной общности, что тем не менее необходимо для выделения и эмпирической фиксации их универсальных характеристик и представленности в структуре общества. Поскольку наша работа посвящена изучению темпоральных стратегий поведения нескольких социальных общностей, причисляемых к социальному авангарду, попробуем определить его существенные черты и функции и выйти через это на определение понятия авангардной общности.

На наш взгляд, изучаемые социальные общности отличаются как минимум пятью характеристиками:

1. Ценностные ориентации и установки авангардной общности соответствуют нарождающимся тенденциям социокультурных изменений в обществе. Иначе говоря, ценностный мир данной общности — это мир не общепризнанных, а новых и потому не проникших пока в массовое сознание ценностей и представлений. Представители авангардных общностей быстрее реагируют на изменения в социокультурной среде, порой сами стимулируют их развитие. Продуцируя новые ценностные ориентации, они становятся их трансляторами в общество.

* Социологическое исследование осуществлялось в рамках гранта РГНФ, проект № 14-03-00072.

2. Представители авангардных общностей продуцируют принципиально новые модели и стратегии поведения, социального взаимодействия, которые являются более конструктивными способами преодоления противоречий и проблем, чем те, которые уже существуют в обществе. Доминантой их мышления и сознания является креативность, а поведение характеризуется вариативностью.

3. Авангардные общности — это общности социальных рисков. Инновационность их мышления, реагирования, поведения сами по себе несут риски в силу их неотработанности, нестандартности, неочевидности последствий. Жизненное пространство авангардных общностей также рискогенно, т. к. сферы их деятельности зачастую не охвачены (или охвачены не в полной мере) нормами права, общественной морали или традициями.

4. Деятельность авангардных общностей направлена на преодоление вызовов современности. Она разворачивается вокруг проблем, болевых точек, с которыми не могут справиться традиционные социальные институты и общности, не обладающие необходимыми для этого ресурсами и пониманием сущности проблемы и возможных путей их преодоления.

5. Отличительной чертой авангардных общностей является самостоятельность, отсутствие патерналистских и иждивенческих установок, готовность идти на риск и жить в условиях высокой неопределенности. Последнее означает наличие у представителей данных общностей инновационного социально-психологического потенциала в виде специфических способностей, знаний, умений, навыков, которые повышают стрессоустойчивость, работоспособность, мобильность.

Благодаря своим отличительным чертам авангардные общности играют особую роль в функционировании и развитии общества. Эта роль реализуется в нескольких социальных функциях.

Первая — *инновационная* — заключается в создании и апробации новых социальных норм, моделей, образцов поведения и деятельности. Вторая функция — *мобилизационная* — проявляется в консолидации интеллектуальных, образовательных, профессиональных, физических и иных ресурсов, направляемых для разрешения социально острых, а главное — новых, неизвестных ранее противоречий. Третья функция — *стратификационная* — связана с изменением структуры общества в целом и внутренним реструктурированием тех социальных общностей, в рамках которых вызревают и проявляются авангардные слои. Авангардные общности являются носителями новых социальных свойств и качеств, которые становятся ресурсами для социальной мобильности и доминирования.

Четвертая функция — *адаптационная* — проявляется в поиске таких форм и способов жизнедеятельности, которые позволяют обеспечить физическое, социальное, психологическое благополучие не только самих представителей авангардных общностей, но и тех слоев населения, на которые направлена их активность. Авангард первым сталкива-

ется с новыми вызовами и рисками, первым принимает на себя их «удары», учится жить с ними и вырабатывать способы минимизации их деструктивных последствий.

Таким образом, *авангардные социальные общности выступают особым типом объединения индивидов, в основе которого лежит взаимосвязь интересов, потребностей, образа жизни и деятельности, ориентированных на выработку и реализацию принципиально новых (инновационных) моделей и стратегий поведения как универсальных способов решения жизненных проблем и достижения целей в условиях высокой неопределенности.*

Жизненные стратегии авангардных общностей, представляющие собой переплетение различных векторов жизненных устремлений (от карьерных до самореализации в сфере досуга и семейной жизни), тесно связаны с темпоральной организацией их жизнедеятельности. Новые ценности, новые модели поведения, новые социальные качества, необходимые для их реализации, не могут не включать особое отношение к времени и тем возможностям, которые дает овладение этим бесценным ресурсом. Таким образом, к авангардным общностям мы можем отнести те социальные общности, которые продуцируют и реализуют в своем поведении новые темпоральные стратегии поведения.

Вопрос о сущности авангардных общностей носит не только теоретический, но и практический смысл: какие конкретно социальные общности (или слои отдельных общностей) в современном российском обществе можно назвать авангардными; какова их представленность в социальной структуре общества в целом или какова доля авангардных слоев в структуре конкретных социальных общностей?

На основе вторичного анализа данных социологических исследований попробуем обозначить авангардные социальные общности и определить их особенности. Мы исходим из того методологического основания, что к авангардным общностям относятся те, которые по своим характеристикам соответствуют вызовам современности и в своем поведении первыми формируют и реализуют такие стратегии поведения, которые позволяют конструктивно, эффективно и по-новому решать проблемы современности, имеющие разноплановый характер.

Один из подходов к выделению авангардных общностей можно построить, учитывая характер встроенности общности в процесс социально-экономической модернизации (*модернизационный подход*). В рамках данного подхода исследователи относят к авангарду некоторые слои делового сообщества. Так, по мнению М. А. Шабановой, в бизнес-сообществе за последнее десятилетие сформировалась и стала весьма заметной частью относительно молодых, образованных и преуспевших предпринимателей и менеджеров [1, с. 286]. В качестве признака отнесения их к модернизационной общности исследователем использованы модели поведения: инновационные (в противовес традиционным), правовые (в противовес противоправным), индивидуальные (в противовес коллективным).

Результаты исследования показывают, что данную общность отличает высокий профессионально-должностной и социально-экономический статусы, высокая самооценка и

удовлетворенность достигнутыми статусными позициями¹. М. А. Шабанова относит ее представителей к ядру среднего класса, либо выше его.

Обозначенная общность отличается способностью к ведению инновационного бизнеса. Основой ее делового успеха в настоящем и будущем служит непрерывно наращиваемый профессионально-деловой потенциал, солидный стаж работы в бизнесе², высокий уровень бизнес-образования и установка на дальнейшее его развитие.

Для нас данный исследовательский проект содержит чрезвычайно важные сведения об определенных слоях бизнес-сообщества как авангардной его части. И не только из-за содержащихся в нем социальных характеристик данной общности. Автор подчеркивает, что модернизационный прорыв, осуществляемый данной общностью, происходит благодаря не коллективным, а *индивидуальным* стратегиям. Мы предполагаем, что это же касается и темпоральных стратегий поведения. Они индивидуальны, разнообразны по «сценарию» исполнения, хотя в их основе лежит единое понимание и ощущение времени как фактора успеха, его позитивное переживание и активное использование в качестве ресурса профессиональной деятельности.

Подтверждают данные, полученные М. А. Шабановой, результаты опроса, проведенного ФОМ в 2009 г. [2]. Согласно им, качественно отличается от остального населения России, в том числе и старшего поколения бизнесменов, группа молодых предпринимателей 18–30 лет, составляющая примерно четверть от числа предпринимателей и бизнесменов в России. Они отличаются ярко выраженной установкой на использование собственных сил в решении материальных проблем (примерно 70 % надеются только на себя), готовностью к профессиональной мобильности (к смене профессии, работы). Среди них больше тех, кто имеет установки на инновационность и позитивное восприятие изменений, перемен: в группе молодых предпринимателей (18–30 лет) таковых 42 %, в то время как в группе предпринимателей старше 30 лет их доля составляет 36 %, а среди российской молодежи 18–30 лет еще меньше — 29 % [3].

По мнению исследователей ФОМ, сформировалось новое поколение деловых людей, которые оптимистично смотрят в будущее, на кризисы отвечают повышением активности, используют при этом потенциал инновационности, креативности, стремления к свободе и независимости [4, с. 6].

Особое положение в структуре бизнес-сообщества занимают фрилансеры. Они представляют собой авангардную социальную общность, рост численности и качественное развитие которой характеризуют процесс становления информационного общества и инновационной экономики. Принадлежность к данной социальной общности, возможности

¹50 % респондентов — генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов, прочие топ-менеджеры, 39 % — руководители подразделений, функциональные менеджеры.

² Средний возраст респондентов — 34,4 года, 61 % — не старше 35 лет, 83 % — не старше 40 лет; средний стаж работы в бизнесе — 9,8 лет.

вхождения в нее определяются наличием человеческого и социального капитала, включающего не только узкопрофессиональные знания и умения, коммуникативные компетенции, социальные связи, способность к риску и ответственности, навыки самообразования и самоменеджмента, но и специфические ресурсы времени и способность выстраивать адекватные темпоральные стратегии поведения. Само определение фрилансера содержит упоминание фактора времени: фрилансер — это работник, выполняющий в условиях свободной занятости перечень задач без заключения долговременного договора и способный оказывать услуги одновременно нескольким заказчикам [5].

К появлению и развитию фрилансерства не только в России, но и во всем мире привели два фактора: социально-экономические трансформации и развитие информационно-коммуникативных технологий. Экономические предпосылки появления форм гибкой и удаленной занятости (так называемой флексибилитации экономики) хорошо описаны в литературе [6; 7].

К ним (предпосылкам) относится, прежде всего, необходимость альтернативных форм труда, выгодных как работодателю, и самим работникам, при которых важны не закрепленность работника за определенной обезличенной позицией в структуре организации, а использование его уникальных личностных особенностей и способностей. С одной стороны, работник получает работу и определенную свободу от «офиса», жесткого графика работы и предписанности должностных обязанностей, стесняющих свободу человека во всех смыслах. С другой стороны, изменение позиции работника в системе производственных отношений становится фактором повышения конкурентоспособности фирмы-работодателя, поскольку позволяет более полно использовать человеческий капитал уникального работника и минимизировать затраты на его «офисное содержание», социальный пакет и гарантии.

Другой социально-экономической причиной возникновения и развития фрилансерства выступает необходимость повышения адаптивности всех субъектов рынка труда (и организаций, и работников) в условиях сложной и быстроизменяющейся среды. Благодаря фрилансерству обеспечивается гибкость и приспособляемость и работников, и работодателей к изменениям (достаточно безболезненно наращиваются / уменьшаются объемы производства, происходит индивидуализация производства). Таким образом, появление и развитие фрилансерства — это ответ на потребности постиндустриальной экономики [6].

Ценностный мир фрилансеров характеризуется ярким индивидуализмом, стремлением к свободе и независимости. Ценность индивидуализма проявляется, во-первых, в реализации индивидуальных проектов (в редких случаях — в малых временных группах или сетевых структурах) или индивидуальном поиске заказов. По мнению Д. Стребкова, фрилансер «обладает высоким уровнем автономии в вопросах контроля за трудовым процессом, самостоятельно формирует портфель заказов, действуя на свой страх и риск»

[8, с. 24]. Индивидуализм и независимость фрилансеров проявляются в стремлении все риски брать на себя и нежелании платить налоги. По крайней мере, так считают более 70 % опрошенных фрилансеров [9].

Достаточно сложно дать фрилансерству социально-демографическую характеристику, поскольку численность общности, ее границы точно не известны, опросы, проводимые среди фрилансеров, имеют различные выборки. Опрос, проведенный на сайте «Kadrof.ru», показывает, что основу общности составляют молодые люди: группа 18–25 лет составляет 57,1 %, группа 26–35 лет — 21,5 %. Во фрилансерство вовлечены в меньшей степени подростки (12,4 %) и представители более старших возрастных групп (36–55 лет — 6,2 %; 56 лет и старше — 2,8 %) [10].

По данным опроса, проведенного Д. Стребковым и А. Шевчуком, примерно четыре пятых фрилансеров (79 %) имеют возраст не старше 30 лет, более половины (59 %) — возраст от 18 до 26 лет. Их особую группу составляют студенты: 87 % из них имеют возраст до 23 лет, средний возраст в этой группе — 20 лет [11, с. 49]. Самыми «возрастными» являются «чистые» фрилансеры: почти треть из них перешагнула рубеж 30 лет, в то время как в других группах таких не более 25 % [11, с. 49–50]. Несмотря на расхождения в данных, очевидно, что фрилансеры — это, в основном, молодые люди. Учитывая данные по среднему уровню доходов фрилансеров и популярности, которую приобретает данный вид трудовой занятости, можно говорить, что он дает возможность молодым людям хорошо зарабатывать и прилично жить и одновременно реализовывать свои профессиональные, социальные и пр. потребности и амбиции.

По данным Д. Стребкова, две трети российских фрилансеров — это мужчины, треть — женщины [11, с. 49]. В некоторых видах фрилансерской деятельности наблюдается перевес мужчин. Они доминируют в таких сферах, как веб-дизайн, разработка сайтов, программирование, видеосъемка. Приближается к равным показателям гендерного соотношения доля женщин в сферах перевода и фотосъемки. В целом исследователи отмечают, что среди начинающих фрилансеров доля женщин намного выше, что свидетельствует о гендерном выравнивании в сфере электронного фрилансерства.

В профессиональном плане данная социальная общность имеет сложную структуру. В основном ее образуют представители сферы сервиса. Среди них особо выделяются специалисты в сфере IT (e-lancer, web-lancer) [12].

Одной из важнейших характеристик данной общности является высокий уровень рисков. Во-первых, отсутствует долговременный контракт, а значит и работодатель, который может давать какие-либо гарантии занятости, социального обеспечения. Во-вторых, отношения с заказчиками не полностью отрегулированы в правовом отношении (полностью защищенными в этом плане не могут считать себя ни фрилансеры, ни заказчики). Многие во взаимоотношениях этих рыночных субъектов строится на доверии, рекомендациях третьих лиц и просто риске. Интернет-сайты, представляющие собой биржи

фриланс-труда, одновременно стали социальным пространством, в котором формируются и отрабатываются «правила игры», новые формы контрактных отношений, демонстрируется и формируется капитал доверия (через систему отзывов, форумы и пр.).

К модернизационному классу М. Ходорковский относит следующие социальные общности:

- профессиональных инноваторов — владельцев и менеджеров небольших и средних частных компаний, созданных с нуля, с осязаемыми результатами работы в инновационной сфере;
- ученых и инженеров 1960–1970-х гг. рождения, получивших образование в СССР, работающих по специальности в России и не окончательно потерявших надежду реализоваться на родине;
- ученых и инженеров, покинувших Россию в постсоветский период и реализовавшихся на Западе;
- молодых специалистов с высоким творческим потенциалом, делающих сейчас нелегкий выбор: уехать из страны или остаться;
- широкие слои гуманитарной интеллигенции, в том числе — преподавателей и журналистов [13].

М. Ходорковский называет эти общности «поколением М» или модернизаторами, чья деятельность направлена, прежде всего, на экономическую модернизацию, но попутно затрагивает и техническую (технологическую), и политическую линии модернизации. Если бизнес-сообщество осуществляет модернизацию организационных форм, правил выстраивания экономических отношений, задает стратегические ориентиры модернизации экономической сферы, то содержательную, технологическую сторону этого процесса обеспечивают инженеры. Закономерно, что на них возлагаются общественные надежды и даже определенные обязательства как на авангардную общность.

Сегодня разворачивается общественная и научная дискуссия по поводу того, является ли российский инженерный корпус той общностью, которая способна обеспечить «модернизационный прорыв», можно ли выделить «инженерную элиту» как авангардную часть социально-профессиональной группы. Если да, то каков ее потенциал, что мешает его формированию, развитию и т. д.?

Инженерный корпус по своим профессиональным и — шире — социальным функциям правомерно причисляется к модернизационным общностям (не случайно для его укрепления была разработана в 2012 г. «Президентская программа повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 гг.»). Каковы критерии авангардности данной общности? Насколько современные российские инженеры соответствуют им? Какова численность той прослойки, которая составляет авангард данной общности?

Основываясь на выводах Первого доклада ЮНЕСКО «Инженерия: проблемы, трудности и возможности для развития» (2010), можно определить один из признаков аван-

гardlessности инженерной общности — способность инженеров решать профессиональными способами глобальные проблемы человечества [14]. Коррелирует с этим признаком способность к глобальному стратегическому мышлению на макро- и микроуровнях [15]. Третьим признаком, формирующимся на основе уже названных, выступает способность к инновациям (инновационное, креативное мышление). В этом смысле обязательными характеристиками «продвинутого» инженера являются роли «изобретателя», «инноватора», создающего новые технологии, работающего с помощью новых технологий, конструирующего и совершенствующего с их помощью материальную среду. А. В. Яминский и А. В. Мышаков полагают, что инновационность современных инженеров может проявляться также в освоении новых специальностей и направлений [15].

К числу показателей авангардности можно отнести понимание социальных последствий внедрения изобретений и их влияния на окружающую среду, владение иностранным языком на уровне, позволяющем не только читать, но и разрабатывать техническую документацию, работать в сложных, многонациональных командах [16].

Аналитики констатируют, что представители инженерной профессии, соответствующие выше обозначенным признакам, к сожалению, в меньшинстве. Вряд ли сегодня можно говорить о каких-то точных цифрах, свидетельствующих о численности авангарда инженерной общности. Специальных исследований на эту тему не проводилось, данные, которые послужили бы косвенными показателями, также отсутствуют: инженеры как социальная общность практически не исследуются социологами в последнее время. В связи с этим мы обратились к публикациям аналитиков, руководителей профессиональных ассоциаций инженеров, оценкам самих инженеров и ведущих преподавателей технических вузов, которые могут каким-то образом очертить границы интересующей нас социальной общности.

Анализ показал, что авангард данной профессиональной общности может быть образован двумя группами. Первая — группа инженеров, способных к созданию новых технологий и инженерных разработок. Это группа истинных инноваторов, чья деятельность может быть приравнена к техническому творчеству и носит опережающий характер. Данная общность представлена такими функциональными группами, как инженеры-конструкторы и инженеры-исследователи. Какова численность данной группы? Можно только сказать, что весьма невелика: она не достигает границы «видимости» данной социальной общности.

Один из показателей функционирования и развития данной общности — «патентная» активность — характеризуется, независимо от вида технической инновации (промышленный образец, полезная модель, научно-технические достижения и пр.), невысокими показателями. Эксперты считают, что дело в отсутствии не только «умов», но и благоприятных условий, в которых изобретательский потенциал будет реализован, а изобретательская активность будет фиксироваться, учитываться и стимулироваться. Снижение

финансирования и ликвидация конструкторских бюро, бюрократические препоны, отсутствие эффективного механизма защиты прав на интеллектуальную собственность «блокируют» изобретательскую активность российских инженеров [17].

Кроме того, неразвитость или отсутствие собственных производств в отдельных видах российской промышленности приводит к отсутствию потребности в подобного рода специалистах: технологии закупаются в готовом виде, они защищены от каких-либо изменений, путь российских технических и технологических инноваций в производство слишком долог, а иногда и вовсе «воспрещен». Таким образом, инженерам высокого класса негде и не к чему «приложить руки и мозги». Сфера их востребованности в России чрезвычайно узка, что приводит к их «утечке» за границу и отсутствию воспроизводства данной общности. Показателем численности представленной общности отчасти могли бы служить данные по числу инженеров, привлеченных в технические инновационные центры (например, Сколково). Однако о таких проектах можно говорить пока только в будущем времени. Следовательно, иметь в виду авангардность данной общности можно, но одновременно необходимо понимать ее «неукорененность» в российском обществе.

Вторая авангардная группа инженеров образована инженерами-техниками (технологами, эксплуатационниками), главная задача которых — обслуживание уже имеющихся, готовых технологических систем. С этой группой специалистов ситуация лучше: рынок их занятости, по оценкам специалистов, существует благодаря тому, что иностранным фирмам выгодно нанимать российских инженеров, прежде всего в IT-сфере, из-за дешевизны их рабочей силы. При этом потенциал российских инженеров для обеспечения качества деятельности вполне достаточен.

Таким образом, описывая структуру авангардных социальных общностей, мы можем пока лишь «забронировать» в ней место для инженерной общности, передовые слои которой только выкристаллизовываются, проходя чрезвычайно сложный путь становления как особого социального образования.

Другой подход к определению авангардных общностей можно было бы назвать «гражданским» в силу того, что в нем рассматривается авангард российского гражданского движения. Данный подход близок к «модернизационному», поскольку выделяемые на его основе общности также осуществляют модернизацию страны, но не экономическую, а преимущественно социальную и политическую. Согласно указанному подходу, российский авангард включает такую общность, как волонтеры.

В 2012 г. ФОМ провел масштабное исследование «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации», в результате которого определялись социальные характеристики различных групп волонтеров — организованных (ассоциированных с общественными организациями) и неорганизованных (активистов по месту жительства). По данным исследования, волонтерами, как правило, становятся люди в

материальном плане обеспеченные, а также находящиеся в активном возрасте — молодые и зрелые (среди организованных волонтеров средний возраст 30 лет, среди неорганизованных — 40 лет). У них имеется серьезный образовательный потенциал (который варьируется в зависимости от формы добровольчества — у неорганизованных показатели выше).

Исследователи, естественно, отмечают высокий уровень социальной активности и инициативности волонтеров. В группе организованных выражены карьерные устремления и повышенная активность в использовании Интернета. Группа активистов, в свою очередь, отличается склонностью оказывать безвозмездную помощь незнакомым людям.

Если рассматривать включенность волонтеров в общественную жизнь, то формы участия в ней варьируются: организованные волонтеры чаще участвуют в деятельности обществ по защите гражданских прав, объединений по интересам, а активисты чаще участвуют в местном самоуправлении. Но в целом исследование показывает высокую готовность представителей данной общности в деятельности общественных организаций.

В качестве признака авангардности волонтерской общности можно признать их *установки на конструктивную активность* (базируется на активной жизненной позиции) и *социальное новаторство* [18]. Исследование ФОМ (Е. С. Петренко и И. И. Иванова, май–сентябрь 2013 г.) позволило выделить в добровольческом движении особые типы социальных новаторов: «социальные активисты», «институциональный предприниматель», «правозащитник», «законодатель». В характеристиках данных типов отчетливо прослеживаются авангардные черты: «социальный активист» выступает с инициативой изменения несовершенных, «неработающих» правил; «институциональный предприниматель» стремится к изменению процедур или созданию новых в рамках существующих правил; «правозащитник» осуществляет гражданский контроль, выступая в качестве профессионального эксперта какой-либо проблемной ситуации; «законодатель» проявляет активность по разработке новых систем правил. В итоге, резюмируют авторы, добровольцы стремятся сделать более комфортными социальные условия среды обитания.

Почему волонтеров можно отнести к авангардным общностям? Это общность, обладающая потенциалом, который позволяет дать ответ на вызовы современности. Волонтерство возникает и развивается в условиях, когда государство как социальный институт, общество в целом как социальная система не способны решать многие социальные проблемы, связанные с оказанием помощи и поддержки различным социальным общностям, решением экологических проблем и вопросов гуманистического плана и т. д. Представители данной общности способны «увидеть нуждающегося в помощи, оказать помощь по зову сердца». По мнению П. В. Шевченко, характерной чертой социального портрета волонтеров является осознанная активность, направленная на помощь [19, с. 61].

В условиях, когда гражданское общество в России испытывает в своем становлении и развитии большие трудности, волонтеры как раз и становятся его опорой, поскольку зачастую выступают в качестве равноправного партнера государства, в то же время уходя

от «огосударствления» (по данным Е. С. Петренко и И. И. Ивановой, среди волонтеров больше тех, кто настроен оппозиционно по отношению к властям). В этом смысле важным является вывод П. В. Шевченко о том, что волонтерство представляет собой социальную альтернативу, а не «продолжателя дела государства и не поставщика кадров для рыночной экономики» [19, с. 71].

Особый подход в определении авангардных общностей реализуется в проекте Л. А. Паутовой (ФОМ, 2009) под общим названием «Новое поколение». Внимание к поколенческой общности позволяет назвать данный подход «*генерационным*» («*поколенческим*»). В исследовании сделана попытка определить основные социальные черты и численность так называемой *локомотивной группы*, которую автор еще называет «поколение XXI» или «люди XXI». Использовались следующие критерии и индикаторы выделения данной общности:

- 1) использование новых технологий (пользование компьютером, мобильным телефоном, вождение автомобиля);
- 2) активное финансовое поведение (покупка товаров в кредит, пользование пластиковой карточкой, инвестирование в ценные бумаги, обращение с валютой);
- 3) «расширение горизонтов» (получение дополнительного образования, поездки за границу, покупка туристического/спортивного снаряжения, полеты на самолетах, ведение переписки по электронной почте, пользование Интернетом);
- 4) рационализация времени (доставка товаров на дом, пользование услугами домработниц и нянь);
- 5) внимание к себе (занятия фитнесом, в спортивном клубе, посещение косметических салонов) [20].

Эмпирические данные показывают серьезный отрыв «поколения XXI» от остального населения страны практически по всем критериям. Так, среди представителей локомотивной общности в три раза больше тех, кто ведет переписку по Интернету (89 % против 30 %), в пять раз больше активных пользователей банковских карточек (50 % против 11 %), в четыре раза больше тех, кто стремится к экономии времени за счет использования услуг других людей (27 % против 6 %) [20].

По подсчетам Л. А. Паутовой, данная общность составляет 15 % населения России и в основном локализуется в городах и мегаполисах (имеются различия в представленности данной общности в регионах) [21]. При этом прослеживается увеличение ее представленности в возрастном срезе: в группе горожан 16–17 лет их 12 % (среди россиян этого возраста в целом — 9 %), в группе 18–20 лет — 19 % (среди россиян — 16 %), в группе 20–23 лет — 40 % (среди россиян — 22 %).

Представляемую общность характеризуют ценностные ориентации, служащие индикаторами авангардности:

– на индивидуализм и социальную активность: 66 % ее представителей (против 39 % россиян) полагаются только на себя и свои способности и усилия в материальном обеспечении; в случае материальных затруднений они осуществляют активный поиск решения проблемы (смена профессии, дополнительная занятость и пр.);

- инновационность разделяют 30 % (против 19 % по всероссийской выборке);
- интенсивный труд, включенность в работу;
- постоянное повышение квалификации, образовательного уровня.

Еще одним показателем авангардности «поколения-21» является готовность к рискам [21]. Это проявляется в готовности изменить основы жизни — поменять работу и даже профессию, место жительства. На прямой вопрос о готовности к рискам только 6 % из числа опрошенных ответили отрицательно (не готовы рисковать).

Таким образом, согласно «генерационному» походу, авангардными можно считать те слои молодежи, которые ориентированы на ценности активности, самостоятельности, мобильности, инновационности и реализуют их в своем реальном поведении. Это молодежь, «продвинутая» в плане использования новых технологий (в быту, профессии, досуге), что делает ее более «быстрой» и мобильной, а значит способной адаптироваться к социокультурным изменениям, связанным со становлением информационного общества. Можно сказать, что то социальное пространство, в котором живет и действует данная общность, и есть «островок» информационного общества в России.

Опираясь на данные исследования Л. А. Паутовой, аналитики попробовали спрогнозировать потенциальные очаги инновационной активности — возможные центры возникновения в России Кремниевых долин. Они наложили на фактор человеческого капитала «людей-XXI» факторы транспортной инфраструктуры и развития науки, климатический и бизнес-климат (уровень деловой активности) и получили несколько «точек», обладающих таким потенциалом: Центральный регион (Москва и Санкт-Петербург), Краснодарский край, Приморский край, Томск и Новосибирск, а также Татарстан [22]. Правда, у каждого выделенного региона есть свои риски и ограничения, которые делают «кремниевый проект» по меньшей мере вероятностным, по большей — сомнительным.

Используя генерационный подход, к авангардным общностям можно причислить те слои молодежи как поколенческой общности, которые открыты всему новому, принципиально ориентированы в будущее, умеют (и даже любят) рисковать, обладают определенным человеческим капиталом, необходимым для выполнения роли социального авангарда.

С позиций генерационного подхода в структуре молодежи особо выделяется студенчество, которое традиционно (и в обыденном представлении, и в научном понимании) относится к наиболее «продвинутой» (т. е. авангардной) части молодежи и общества в целом. Вспомним хотя бы, какую историческую роль в развитии Германии XIX в. сыграли студенческие буршеншафты, революционное студенчество в русской истории второй половины XIX в., «студенческие фронты» (студенческие антифашистские организации)

во многих европейских странах во время Второй мировой войны. Студенческое движение инициировало «культурную революцию» 1968 г. во многих странах Европы, США, Японии [23]. События последних лет российской истории (создание OD-Group на социологическом факультете МГУ [24], участие студентов в протестном движении после выборов 2011 г.) также доказывают, что студенческая молодежь сохраняет свой потенциал авангардной социальной общности в современной России, хотя социологические исследования показывают в целом невысокий уровень политической активности молодежи в целом [25], в том числе и студенчества [26].

Тем не менее, социально-политическая активность студенчества — не единственный критерий, позволяющий причислять его к социальному авангарду. Важное значение, на наш взгляд, имеют профессионально-трудовые практики студенчества, поскольку они становятся основой формирования целого спектра их жизненных стратегий — карьерных, профессиональных, экономических и пр.

Немногочисленные социально-экономические и социологические исследования студенческого предпринимательства показывают, что на протяжении нескольких лет (начиная с конца 1990-х гг.) развитие студенческого предпринимательства остается достаточно серьезной проблемой. Его развитию мешают как объективные (чиновничий произвол и вымогательство, несовершенное хозяйственное законодательство), так и субъективные (недостаток знаний из-за отсутствия массовой, общедоступной и постоянно действующей системы студенческих предпринимательских подготовительных структур, отсутствие источников первоначального капитала) причины [27].

Интерес к предпринимательской деятельности декларируется студенчеством, но адекватно не проявляется в реальной деятельности. По данным локального социологического исследования А. В. Ивановой³, студенты не готовы заниматься предпринимательством параллельно с обучением в вузе: 58 % студентов выразили интерес к предпринимательству и готовность к созданию бизнеса на одном из этапов своей карьеры, но большинство студентов планирует заниматься этим не ранее, чем через 5 лет после окончания вуза (32 %), либо не ранее чем через 2–3 года после окончания университета (17 %). Только 7 % опрошенных ответили, что они имеют желание и готовы открыть свой бизнес сразу после окончания университета и 4 % — во время обучения [28, с. 14]. В 2011 г. 5 % опрошенных студентов (что на 3 % больше показателей 2010 г.) имеют свое малое предприятие и являются действующими предпринимателями. При этом большая часть студенчества *не планирует* заниматься *инновационным предпринимательством* — приори-

³ Исследование проводилось Центром предпринимательства Института управления и предпринимательства Уральского государственного университета им. А. М. Горького (сегодня УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина) в рамках ежегодного проекта «Мониторинг отношения студентов к предпринимательству» (2009–2011).

тетным направлением развития российской экономики. По данным исследования, сдерживающим фактором является ментальная составляющая.

Почему предпринимательская активность выделяется нами как один из индикаторов авангардности социальной общности студентов? Сошлемся на мнение Г. А. Резника, который полагает, что предпринимательская деятельность формирует особое отношение к делу, инициативность, стремление к новаторству, а также «способности привлекать и использовать для решения поставленных задач ресурсы из разнообразных, в т. ч. нетрадиционных источников» [29, с. 63].

Мы уверены, что время относится к особому классу ресурсов предпринимательской деятельности, и аргументируем это утверждение в последнем параграфе главы с помощью данных конкретного эмпирического исследования. Сейчас же отметим, что, с одной стороны, время всегда являлось важнейшим ресурсом любой деятельности человека и социальной общности. С другой стороны, в условиях современного общества время приобретает такие свойства и качества, которые дают новые возможности и перспективы для выстраивания стратегии жизни. Эти свойства и качества, связанные с нелинейным характером динамики социального времени, мы рассмотрим далее.

Проведенный вторичный анализ данных социологических исследований, безусловно, не является целостным. Это попытка «нащупать» те социальные общности, которые в той или иной мере отвечают критериям авангардности. Это также попытка обозначить возможные направления и подходы к оценке их «авангардного» потенциала. Главная же задача, для которой был предпринят анализ, связана с потребностью оценить человеческий потенциал (капитал) выделенных общностей как источник инновационных моделей темпорального поведения.

Данный аспект практически не затронут в современных социологических исследованиях, кроме названного проекта «Люди-XXI». Среди его результатов наиболее значимы для нашего собственного исследования те, которые затрагивают «темпоральную проблематику». Речь идет о тех темпоральных характеристиках «поколения XXI», которые были выделены Л. А. Паутовой как критерии отнесения его к локомотивной группе — стремление к рационализации времени, использование технологий «мобильного» времени, ориентация на будущее, стремление быть современными, позитивное восприятие перемен и новшеств. К этим характеристикам мы обратимся в третьей части данной главы.

3.2.Темпоральные «складки» современного города: линейная и нелинейная динамика социального времени горожан

Жизненные стратегии городских социальных общностей формируются под влиянием разнообразной и чрезвычайно специфичной городской среды. Образ жизни горожан, их видение жизненной перспективы и способов решения жизненных проблем во многом

определяются темпоральными факторами городской жизни. Специфика социального времени города ощущается прежде всего на обыденном уровне, на уровне ощущений и психологического восприятия городской жизни и поведения горожан. Научный анализ позволяет не только сформулировать научные доказательства специфичности времени города, но и зафиксировать механизмы, условия и факторы формирования темпоральных стратегий поведения горожан, принадлежащих к различным общностям.

Социальное время относится к категории явлений-«невидимок», которые оказывают существенное влияние на сознание и поведение отдельного горожанина и городских социальных общностей. Отражаясь в общественном сознании в виде установок, стереотипов, ценностных ориентаций, связанных с фактором времени, социальное время влияет на формирование особых поведенческих стратегий, которые, в силу их ориентированности на ценность и значимость фактора времени, мы называем темпоральными.

Введение в социологический оборот понятия «темпоральные стратегии поведения» продиктовано необходимостью разработки объяснительных схем тех новых социальных явлений и состояний, которые метафорично были названы З. Бауманом «текущей современностью» [30; 31], а Дж. Урри — «мобильным обществом» [32]. Постоянные качественные изменения во всех сферах жизни, настоящее, подчиненное решению задач будущего, появление виртуальной темпоральности, постоянные поиски средств, ускоряющих социальную мобильность (так, как трактует ее Дж. Урри), превращают социальное время из атрибута движения материи в активно действующий, порой доминирующий фактор социальной действительности.

Трансформируется характер влияния времени на общество. Качественно изменяется само время. Социальное время современного города существует в двух основных режимах — линейном и нелинейном. Линейное и нелинейное время — это два темпоральных режима (порядка), в которых развивается жизнедеятельность человека и социальной общности. Им присущи различные свойства, характеризующие динамику, структуру и направление социального времени. Определить сущность нелинейного времени можно, анализируя его свойства по принципу *definiopernegatio* — через противопоставление свойствам линейного времени.

Структура линейного времени однородна, симметрична, образована одинаковыми (равными) единицами (элементами). Его динамика характеризуется поступательностью и равномерностью, а направление — одновекторностью.

Структура нелинейного времени более сложная, многомерная, ее можно представить в виде пучка или метлы [33], включающих различные по толщине, плотности, жесткости темпоральные элементы. Для описания динамических свойств нелинейного времени применимы понятия текучести и мобильности, фиксирующих непостоянство, подвижность, изменчивость темпоральных структур. Текучесть и мобильность — не единственные свойства динамики нелинейного времени. Оно способно замедлять или ускорять

свой темп, искривляться, поэтому характеризуется не просто скоростью, а *нерегулярным ускорением* и *хаотичностью*. Кроме того, нелинейное время не имеет одного раз и навсегда заданного направления, оно действует *одновременно разновекторно*, разнонаправленно.

Нелинейное время связано с нелинейными состояниями и процессами социальной и физической реальности. Нелинейное время — величина относительная, с изменяющимися параметрами. На индивидуальном, общественном и социетальном уровнях нелинейное время отражается в разнообразии, множественности темпоральных режимов жизнедеятельности, переходов между ними, в их сложных «рваных» темпоритах.

Структура времени, образованная модусами прошлого, настоящего и будущего, в линейном и нелинейном режимах по-разному воспринимается социальными субъектами с точки зрения вероятности наступления событий и состояний. В первом случае при переходе от прошлого к настоящему и будущему снижается степень неопределенности: прошлое состоялось, уже известно, «запечатлено на скрижалях», будущее «проступает» по мере своего вхождения в настоящее. Во втором случае и прошлое, и настоящее, и тем более будущее обладают высокой степенью неопределенности. Некоторые из характеристик времени — вероятность, неопределенность, внезапность, мгновенность, связанные с будущим в режиме линейного времени, в режиме нелинейного проявляются и в настоящем, и отчасти — в прошлом.

На основании данной теоретической модели времени мы предполагаем существование в реальной социальной практике четырех вариантов темпоральных режимов:

1. Линейный режим «Стрела времени» (в эмпирической интерпретации фиксируется словами «Все дела и события происходят последовательно, строго друг за другом»).

2. Режим «Нелинейный порядок» (в эмпирической интерпретации фиксируется словами «События и дела “наслаиваются” друг на друга, часто происходят параллельно, но при этом прослеживаются определенные порядок и закономерности»).

3. Режим «Нелинейный хаос» (в эмпирической интерпретации фиксируется словами «Все события и дела осуществляются хаотично, беспорядочно, время их наступления, продолжительности и окончания неопределенны»).

4. Линейный режим «Круг времени» (в эмпирической интерпретации фиксируется словами «Вся жизнь идет по кругу и “нет ничего нового на земле”»).

Представленные типы режимов линейного и нелинейного времени, их соотношение выступают как основной фактор внешней регуляции темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей.

В переходе от линейной модальности к нелинейной социальное время становится множественным, более плотным, вероятностным, напряженным, мобильным, текучим, мгновенным, многоструктурным, разновекторным. Новые свойства социального времени находят отражение в объективной социальной реальности — в появлении новых видов социальных общностей, в разнообразии форм социального взаимодействия, экономиче-

ской, политической, духовной жизни, в усложнении их взаимосвязей и переплетений, в возникновении новых социальных рисков и конфликтов между социальными субъектами, имеющими различную темпоральность. Нелинейность социального времени и его динамики по-особому влияет и на субъективный мир, порождая новые ценностные ориентации, эмоциональные переживания, формируя новую темпоральную картину мира, стимулируя развитие у индивидов и социальных общностей новых темпоральных свойств, умений и навыков.

Нелинейность социального времени по-разному воспринимается представителями различных социальных общностей и дифференцированно влияет на их поведение, заставляя одних реагировать на временные изменения повышением социальной активности, появлением инновационных качеств и моделей поведения, других — проявлять пассивность и маргинальность. Противоречивое восприятие нелинейности социального времени отражается и на социальном самочувствии и эмоциональном состоянии социальных общностей, проявляясь в виде оптимизма и надежд у одних, пессимизма и страха перед временем у других.

В современной социологической литературе вопрос о нелинейности социального времени и отражении его в зеркале темпоральных стратегий поведения как самостоятельная проблема практически не ставится. Отдельные аспекты нелинейности социального времени анализируются в работах З. Баумана [31], С. А. Кравченко [34, с. 110], Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [35], М. А. Можейко [36], Дж. Урри [32], имеющих скорее междисциплинарный, чем чисто социологический характер. Понятие нелинейности времени (и нелинейного времени) упоминается в научной литературе [37, 38], однако авторы не дают его четкого определения, так же, как и не раскрывают содержание самого феномена нелинейности времени. Еще менее изученной представляется проблема социального времени и отношения к нему как стратегическому ориентиру жизнедеятельности и поведения городских социальных общностей.

Между тем в прикладных (социологических и связанных с социальным управлением) исследованиях все чаще выделяются нелинейные характеристики времени в качестве ведущего фактора социальных практик и значимых признаков инновационных моделей социального поведения [39; 40].

Для изучения времени современного крупного города — мегаполиса — недостаточно применить какой-то один, узко дисциплинарный подход — философский, социологический или культурологический. Требуется мультидисциплинарное и мультипарадигмальное видение этого явления. Кроме того, для описания и анализа времени города уместно использование категориального аппарата не только гуманитарных, но и естественных наук, к которому мы и обратимся далее.

Одним из источников, из которых исходил в XX столетии гносеологический импульс к исследованию нелинейности в социальных системах, источником, во многом опреде-

лившим содержание понятия нелинейности, послужила теория относительности А. Эйнштейна, ставшая второй интеллектуальной революцией (после работ И. Гердера). Исследования выдающегося физика не просто открыли нелинейность мира вообще, но, что особенно значимо для нашего исследования — нелинейность времени, и тем самым определили вектор развития естественных и социальных наук XX и XXI вв. Время и пространство, до этого характеризовавшиеся однородностью, симметричностью, независимостью от направления движения, стали определяться как величины относительные, с изменяющимися параметрами. Время, согласно специальной теории относительности, способно замедлять или ускорять свой темп, искривляться и порождать нелинейные состояния физической реальности.

Открытия Эйнштейна послужили основой дальнейших исследований нелинейных явлений в области естествознания. Так, в 1960-е гг. появился ряд интереснейших (не только для физики, но и для социальных наук) концепций, которые коренным образом меняли представления о мире, частью которого выступают нелинейные социальные явления и сущности. Среди них — теория катастроф французского математика Рене Тома и теория хаоса британского физика-метеоролога Эдварда Лоренца, теория бутстрэпа американского физика-ядерщика Джеффри Чу и др.

Согласно последней теории, Вселенная представляет собой сеть взаимосвязанных событий, а не совокупность фундаментальных сущностей. Исследователь утверждает, что в мире отсутствуют устойчивые элементы с неизменяемыми свойствами, принципами и законами существования и развития. Все воплощения Вселенной текучи и изменчивы. И не только по своей природе, но и в силу особенностей воспринимающего их человеческого сознания. Обоснованию значимости наблюдателя в восприятии и понимании явлений окружающего мира уделяется в теории бутстрэпа достаточно большое внимание. Дж Чу полагает, что объективность научного знания нельзя абсолютизировать, и что Вселенная предстает только такой (и таковой является на самом деле), какой ее «видит» воспринимающее и изменяющееся человеческое сознание [41]. Такое понимание роли исследователя-наблюдателя лежит в основе особого научного направления — эндофизики (О. Рёсслер, Д. Филькенштейн, К. Прибрам, А. Л. Алюшин), и созвучен социально-гуманитарному знанию, которое формируется не иначе, как через призму знаний, оценок, стереотипов наблюдателя. Таким образом, теория бутстрэпа связывает нелинейность явлений не только с объективными законами Вселенной, но и с субъективными факторами ее восприятия.

В 1960-е гг. американский физик Дэвид Бом разрабатывает концепцию «складчатой» Вселенной, образованной свернутым и развернутым порядками. Первый порядок («непросвеченная» реальность), по его мнению, скрыт от человеческого сознания. Развернутый порядок доступен осознанию, осмыслен и расшифрован [41]. Именно совокупность

«скрытых» и «развернутых» элементов и структур, их взаимосвязи формируют такое качество физического мира, как нелинейность.

Используя понятие «складчатой» Вселенной в качестве метафоры для описания социального времени города, мы выходим на понимание сущности темпоральности современного мегаполиса. Город политемпорален, т. е. имеет «время, собранное из многих складок» [42, с. 22], которые «разворачиваются» и «сворачиваются», осознаются или скрываются от сознания тех или иных субъектов городской жизни. «Складчатое» время города как целостность воспринимается как абстракция, формирующаяся в сознании исследователя. В повседневной, обыденной жизни воспринимаются, как правило, лишь переходы от одного темпорального порядка-«складки» к иному. Так, горожанин вдруг открывает для себя особые темпоральности представителей других этнических групп (например, трудовых мигрантов из Средней Азии), молодежных субкультур (не только создающих свои специфические временные режимы, но специфическое отношение к течению времени, к таким экзистенциальным сущностям, как рождение и смерть), мобильное время бизнес-сообщества и т. д. Такое «открытие» (встреча) иного времени порой весьма болезненно переживается, вызывая (по аналогии с культурным шоком) — *темпоральный шок*, вызванный различиями, а порой и несовместимостью, темпоральных порядков.

Многослойность времени города связана с его сложной пространственной структурой, которая формируется объектами, имеющими различную темпоральность: это деловые центры и спальные районы, различающиеся скоростью разворачивающихся в них процессов; это жилые кварталы, «засыпающие» ночью, и торгово-развлекательные центры, в которых день и ночь не различимы и не имеют видимых границ (кроме тех, на которые указывают часы); это видимая темпоральность заводов, школ и офисов, образованная потоками входящих и выходящих из них в определенное время людей, и невидимая темпоральность фрилансеров и интернет-магазинов, охарактеризованная термином «текучести» [32].

«Складчатая» темпоральность города образована образом жизни тех социальных общностей, представители которых могут позволить себе поспать до обеда в выходные дни и иметь двухнедельные новогодние каникулы, и образом жизни тех, у которых в сутках не 24, а 25–26 и более часов (это представители бизнеса, предприниматели). В мегаполисе, с одной стороны, есть «складки», образованные временем, которое не принадлежит людям: их время «продано» работодателям, закрепощено ими, отчуждено от его субъекта. С другой стороны, есть такие темпоральные структуры, которые формируются «свободными художниками» (фрилансерами), распоряжающимися не только своими талантами и возможностями, но и таким ценным ресурсом, как время.

Темпоральные «складки» — это своеобразные «дебри» мегаполиса, сквозь которые приходится идти горожанину ежедневно, синхронизируя их, иногда приспособившись к ним, иногда преодолевая их, «стесывая» по возможности неудобные моменты. Взаимо-

действие в условиях складчатой темпоральности всегда чревато конфликтами. И главной причиной таких конфликтов становится противоречие между быстрым темпом жизни, сложными нелинейными переходами во времени одних социальных общностей и «медленной» линейной темпоральностью других, «медленным» окружением, образованным различными организациями, структурами, институтами.

Различия темпоральностей, обусловленные пребыванием в различных «складках», приводят к новому виду социального неравенства. Описывая основные постулаты современного общества, З. Бауман называет время самой мощной силой, действующей в нем — «вторгающейся, побеждающей и колонизирующей силой» [30, с. 16]. Время связывается в его работах с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью, а конкурентные преимущества и успех — со скоростью деятельности, передвижения, реагирования, адаптации к изменениям. Он полагает, что «неуклонное увеличение скорости движения и развитие средств, повышающих мобильность, в современный период стали основным инструментом власти и доминирования» [30, с. 16]. Таким образом, З. Бауман выдвигает идею нового вида социального неравенства, связанного с обладанием временем и возможностью управлять им. При этом подчеркивается, что время «текущего» общества имеет особые свойства и проявления, коренным образом меняющие природу и механизмы социального расслоения. Бауман пишет, что современная власть легка, неуловима, быстра в передвижениях. Ее представители образуют класс «современных кочевников», доминирующих над теми, кто ведет «оседлый» образ жизни.

Для беспрепятственного передвижения в темпоральных «складках» мегаполиса требуются определенные стратегии поведения. Конструктивные и эффективные темпоральные стратегии поведения выступают маркером авангардных социальных общностей, проживающих в мегаполисе. К ним можно отнести определенные слои бизнес-сообщества, фрилансеров, волонтеров, научно-педагогического сообщества, чья деятельность должна отвечать «вызовам» современности не только по своему содержанию и целевой направленности, но и по темпоральным характеристикам: способам рационального использования времени, позитивному отношению к нему, его сложной структуре, безошибочной ориентации в условиях его нелинейной динамики и пр. Таким образом, для авангардных общностей «складчатая» темпоральность города — это не только риски, но и новые возможности, источник энергии, вдохновения и развития.

3.3. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: теоретические аспекты

По нашему мнению, темпоральная стратегия поведения представляет собой *систему жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени с целью достижения каких-либо жизненных целей.*

Темпоральные стратегии поведения выступают как разновидности жизненных стратегий, формируемых на индивидуальном и групповом уровнях. Фактор времени играет большую роль в индивидуальной жизни, но особое значение он приобретает в жизни социальных общностей. Групповые темпоральные стратегии поведения не просто характеризуют стиль и образ жизни социальных общностей, степень их адаптированности и успешности в современных условиях. Они задают вектор и скорость их развития, служат маркером специфики социальных общностей, механизмом их образования и внутренней интеграции.

В структуре темпоральных стратегий поведения мы можем обозначить такие элементы, как философия времени, темпоральные ценности и установки, цели, устойчивые принципы организации деятельности и взаимодействия, способы темпоральной организации жизнедеятельности, темпоральные ориентиры (по модусу времени) и пр. Все структурные элементы темпоральных стратегий поведения объединяются в три блока, которые мы условно выделяем в теоретическом анализе и наблюдаем как синкретичное явление в реальном поведении социальных субъектов.

Философия времени представляет собой результат работы сознания (а, возможно, и бессознательного, например, архетипов, ментальных установок). Она отражает ту темпоральную картину мира, которая имеется в обществе, функционирует на уровне общности или складывается в индивидуальном опыте человека. На этой мировоззренческой основе формируются сложные диспозиционные механизмы выбора темпоральной стратегии поведения — установки, потребности, совокупность жизненных целей и задач, жизненная позиция. Ценность времени определенным образом соотносится с другими ценностями и раскрывается в представлениях о нем. Классическое понимание времени как ресурса, конвертируемого в деньги или власть, как способа накопления и развития человеческого и социального капитала и развития личности по-прежнему актуально и определяет темпоральное поведение многих людей и целых общностей.

Еще более сложную картину мира формируют представления о нелинейном времени. Время приобретает в ней особые динамические свойства — напряженность, разнонаправленность, текучесть и т. д., что, по мнению некоторых исследователей, не совпадает с линейными темпоральными возможностями и способностями большинства людей. Между тем, способность почувствовать и рационально выстроить нелинейную темпоральную картину мира позволяет социальным субъектам приобретать новые возможности и реализовывать их при условии использования определенных темпоральных стратегий поведения. С этой точки зрения, для социологического исследования интересны те социальные общности, стратегии поведения которых соответствуют нелинейной темпоральной картине мира и, соответственно, новым требованиям социальной жизни. Актуальность изучения данной проблематики усиливается в условиях становления и развития гражданского общества в России, требующего активной жизненной позиции,

самостоятельного выстраивания жизненного пути и одновременно включенности в разнообразные траектории развития социума либо учета их воздействия на жизнедеятельность.

Особенности темпоральных стратегий поведения заключаются в том, что они, помимо восприятия времени и отношения к нему, содержат в себе эмоциональные характеристики, связанные с его переживанием, вызывающим такие состояния, как страхи и надежды. Мы специально рассматриваем эту пару как диаметрально противоположные эмоции, между которыми есть и промежуточные эмоциональные состояния (например, безразличие). В исследовании временных характеристик социальной общности важно помнить, что психологические факторы восприятия социального времени оказывают существенное влияние на особенности ее функционирования, прежде всего на ее социальное самочувствие. Страх перед временем, выраженный в боязни перемен, потерь, увеличении различных рисков, затрагивающих как обыденные, так и смысложизненные аспекты бытия, формирует социальный пессимизм. Противоположная эмоция — надежда на перемены к лучшему или на сохранение стабильности, на успешное осуществление в будущем каких-либо намерений, планов, мечтаний — позволяет сохранить и укрепить оптимизм, особенно необходимый в кризисные периоды развития общества. Социальное самочувствие общности отражает баланс двух социальных эмоций (страха и надежды), выявление которого составляет субъективный аспект исследования темпоральных стратегий поведения.

В структуре темпоральных стратегий поведения можно выделить умения и способы организации времени, объединенные понятием *временной компетентности*. Под ней понимается совокупность умений и навыков рационального планирования и использования времени. В социальной психологии данное понятие достаточно широко используется, наполняясь конкретным содержанием в виде тех или иных умений и навыков использования ресурса времени. Так, Л. П. Енькова в качестве структурных элементов временной компетентности рассматривает адекватную оценку временных затрат (или «чувство времени»), умение конструировать программу достижения цели во временном континууме (пространстве), правильное определение временных затрат [43, с. 98]. Временная компетентность включает также чувство времени, навыки планирования, умение учитывать время другого человека в отношениях.

Исследователи отмечают тесную связь временной компетентности с профессиональной, трудовой деятельностью и дифференциацию элементов временной компетентности в зависимости от характера профессиональных (трудовых) задач. В. И. Дендерина рассматривает временную компетентность как предпосылку и критерий профессиональной адаптированности человека [По: 44].

Временная компетентность позволяет на уровне повседневной жизни определять необходимое количество времени и способы его экономии для каждого вида деятельности (например, с помощью методов тайм-менеджмента), а на уровне биографического време-

ни «выстраивать» различные этапы, периоды жизни, устанавливая оптимальную последовательность жизненных событий [45, с. 130–131]. Такое понимание организации времени связано с классическими представлениями о природе и свойствах социального времени.

Нелинейная динамика социального времени потребовала не только переосмысления ценности времени, но и способов его регулирования и использования. Новые подходы к организации времени связаны с умением быстро переходить от одного вида деятельности к другому (мы называем это темпоральной мобильностью), необходимостью сочетания реального и виртуального времени или перехода между ними, готовностью к быстрым, стремительным изменениям темпоральных условий социальной среды и способностью предвидеть их. В условиях «напряженного», мобильного, текучего времени актуализируется проблема навыков компенсаторного поведения, направленного на минимизацию рисков и последствий такого временного режима деятельности, который не конгруэнтен обычным человеческим способностям и возможностям и может нанести урон психическому и физическому здоровью человека.

Темпоральные возможности, которыми обладают представители той или иной социальной общности, определяются не только социальными, но и социально-психологическими факторами — свойствами темперамента, памяти, степенью гибкости / ригидности, способностями к переработке и структурированию информации и т. д. Сознательное увеличение скорости мыслительных процессов и деятельности, эффективные действия в условиях ограниченного времени или хаотичного, неупорядоченного временного режима, интуиция служат основой выстраивания конструктивных темпоральных стратегий поведения. Безусловно, принимая в расчет влияние социально-психологических факторов на темпоральное поведение, мы отступаем от рамок строго дисциплинарного подхода, но приобретаем возможность более глубокого и всестороннего анализа такого сложного явления, как темпоральные стратегии поведения. Тем более что сам объект изучения имеет двойственную социальную и психологическую природу, и в его структуре тесно переплетаются объективные и субъективные характеристики поведения, устойчивое сочетание которых позволяет типизировать темпоральное поведение социальных общностей.

Для типологизации темпоральных стратегий поведения горожан необходимо ввести такой критерий, как установка на линейный / нелинейный темпоральный режим как стратегический ориентир жизнедеятельности и поведения общности. В соответствии с этим критерием мы можем выделить традиционные темпоральные стратегии поведения, ориентированные на линейное видение темпоральной реальности, и новые (авангардные) темпоральные стратегии поведения, ориентированные на нелинейное время как ресурс общности.

Социальные общности, продуцирующие и реализующие в своем поведении новые темпоральные стратегии, мы относим к авангардным. Мы предполагаем, что одним из

ресурсов, обеспечивающих инновационность и вариативность поведения представителей данных социальных общностей, являются имеющееся в их распоряжении время, а также способность и способы управления им в условиях нелинейной реальности, новое осмысление его ценности и роли в профессиональной и личной жизни, иное понимание возможностей и рисков, которые несут в себе темпоральные явления в усложняющейся социальной реальности.

В рамках вышеназванной типологии мы можем выделить еще несколько типов темпоральных стратегий поведения, введя дополнительно два критерия — степень активности субъекта в использовании времени и характер его эмоционального переживания. Социальная активность выступает объективным показателем поведения, проявляющимся в наблюдаемых, фиксируемых поведенческих актах. Использование социальных эмоций в качестве показателя поведенческой стратегии не противоречит принципам социологического подхода, а наоборот, обогащает его возможностью расширения представлений о влиянии на социальное поведение временного фактора через субъективные механизмы. Эмоциональное переживание времени рассматривается в континууме двух социальных эмоций — страха перед временем и надежды на благоприятное развитие событий и завершение изменений. Полюс страха образует «поле» социального пессимизма, полюс надежды — «поле» социального оптимизма. Баланс этих «полей» будет служить типологической характеристикой социальных общностей.

На основании названных двух критериев формируются четыре типа темпоральных стратегий поведения, характеризующиеся:

- 1-я — активным темпоральным оптимизмом,
- 2-я — пассивным темпоральным оптимизмом,
- 3-я — активным темпоральным пессимизмом,
- 4-я — пассивным темпоральным пессимизмом.

Активный темпоральный оптимизм проявляется в активном использовании временных возможностей и ресурсов, стремлении и способности к оптимальной организации собственного и, при необходимости, чужого времени. Носители данной стратегии обладают развитыми навыками стратегического, тактического и текущего планирования жизни в целом и ее отдельных сторон. При этом субъекты поведения могут формировать ее осознанно или интуитивно.

Такая стратегия базируется на понимании времени как особой ценности, ограниченного, но чрезвычайно мощного ресурса для осуществления многих жизненных целей и задач (достижения жизненного и профессионального успеха, самореализации, получения прибыли, повышения статуса и пр.). Время осознается как особый вид энергии, запускающий в движение и «питающий» практически все жизненные процессы и состояния. Более того, представителям данной типологической группы присуща способность воспринимать время как нелинейное или, по крайней мере, способность рационально выстраи-

вать соответствующую темпоральную картину мира, учитывая особенности нелинейной динамики социального времени.

Социальные субъекты, формирующие и реализующие такой тип стратегии, одинаково эффективно действуют в условиях как дефицита времени, так и отсутствия такового. Они способны к регулированию скорости, ритма времени, которое находится в их распоряжении, а также к синхронизации его в соответствии с внешними условиями, иногда — к изменению внешних условий в соответствии с собственными темпоральными потребностями. Они могут влиять на носителей иных темпоральных стратегий, адаптируя их к собственным, «заставляя» совмещать и согласовывать их. Темпоральная картина мира представителей данного типа гармонична, динамична, легко, относительно безболезненно претерпевает постоянные трансформации.

Темпоральная активность носителей данной стратегии направлена в будущее и / или настоящее и сочетается с позитивным переживанием времени. Время в его нелинейной конфигурации наполнено для них новыми возможностями и конкурентными преимуществами, которыми они уверенно могут воспользоваться. Динамизм, плотность, многоструктурность темпоральной реальности воспринимается ими как позитивное явление, соответствующее вызовам современности. Адаптируя свое поведение под эти новые темпоральные условия, «активные оптимисты» чувствуют себя современными людьми, шагающими «в ногу с веком» или даже стремящимися обогнать его.

Надежды на лучшее будущее при минимальных проявлениях негативных эмоций (страха, неуверенности, растерянности) характеризуют социально-психологическое самочувствие данной типологической группы. Активный темпоральный оптимизм в большей степени присущ людям, стремящимся к продлению своей физической и интеллектуальной жизни и молодости. Типичной в этом случае является общность научно-педагогических работников, представители которой сохраняют в среднем дольше и физическую форму, духовный и интеллектуальный тонус. Эта стратегия реализуется также некоторыми слоями бизнес-сообщества.

Второй тип темпоральной стратегии поведения, проявляющийся в *пассивном темпоральном оптимизме*, не предполагает стремления к активному управлению временем и сознательному совершенствованию темпоральных умений и способностей. Течение времени воспринимается представителями данной типологической группы позитивно, как приносящее положительные результаты или, по крайней мере, не ухудшающее положение дел и жизни. Все негативные последствия временных изменений (безвозвратность потерь, невозможность что-либо изменить в ходе времени и т. д.) воспринимаются как нормальные явления, не требующие вмешательства. «Плыть по течению» времени — девиз, соответствующий сущности данной темпоральной стратегии.

Носители пассивного темпорального оптимизма, ориентированные, прежде всего, на сегодняшний день, приспособляются под внешние темпоральные условия часто с

определенными потерями для себя. Но они спокойно могут отказаться от тех целей, на достижение которых у них нет временных ресурсов или которые они не могут реализовать в существующих условиях. Безусловно, такой тип поведения базируется на особом мировоззрении и особой картине мира, в которых видны следы прогрессистского мировидения. В них время выступает механизмом усовершенствования социальной жизни, но только действующим по своим собственным законам, а не по воле человека, что необходимо принимать как данность. Это своеобразная форма презентизма, выражающаяся в позитивной оценке сегодняшнего положения дел и нежелании что-либо активно менять для достижения целей в будущем.

Нелинейность времени обладает для носителей пассивного темпорального оптимизма потенциальными альтернативными возможностями, которые они позитивно воспринимают, но активно не используют. Осознание этих возможностей дает основание для уверенности и оптимизма в отношении будущего, поскольку обеспечивает достижение жизненных целей при минимальных усилиях. По нашему предположению, данный тип стратегии локализуется в тех социальных общностях, временные параметры *жизнедеятельности* которых заданы внешними условиями (организационными, семейно-бытовыми и т. д.). Кроме того, их возможности самостоятельно распоряжаться социальным временем ограничены отсутствием развитых навыков планирования в условиях высокой неопределенности, мобильности, подвижности времени.

Наше предположение подтверждается исследованием И. Шмерлиной, которое показало, что культура самоорганизации развита плохо у людей, живущих по навязанному расписанию [46]. Названные характеристики темпорального поведения, на наш взгляд, присущи определенной части современного российского студенчества, которая в силу и возрастных, и поколенческих особенностей с большим оптимизмом оценивает настоящее и будущее, но одновременно ограничена в возможности активно формировать его собственными усилиями.

Третья темпоральная стратегия поведения связана с проявлением активного *темпорального пессимизма*. Главный ее признак — ярко выраженное состояние страха перед временем, его динамикой, социальными изменениями и ограниченное проявление надежды на лучшее будущее. Множественность, вероятностность, неопределенность социального времени воспринимается носителями данной стратегии в большей степени как угроза, а не потенциальная возможность. Но при этом в поведении демонстрируется активная позиция в отношении преодоления данного состояния. У носителей названной стратегии сформирована потребность в конструктивном решении проблемы дефицита и неопределенности времени. Они также обладают развитыми навыками организации времени жизни или стремятся к их развитию и реализации в практической деятельности.

Отношение к социальному времени в данной типологической группе связано с пессимистическим взглядом на сущность и последствия любых изменений (по принципу

«новое всегда хуже старого»). Тем не менее, в сознании сформирована установка на активное преодоление негативных последствий, объективную оценку рисков и планирование допусков (возможных способов минимизации) в их отношении. Фактором, который может препятствовать в определенной степени реализации конструктивного потенциала данной модели темпорального поведения, является состояние страха. Повышенный уровень тревожности, фобии могут привести к выбору радикальных и не всегда успешных форм поведения. Однако нормализованный страх, стимулирующий защитную активность, не мешает трезвому, сознательному выбору форм и способов ее проявления, способствует объективной, осторожной оценке настоящего и будущего и формированию адекватных способов адаптации к ним. Активная жизненная позиция и развитые темпоральные навыки и умения в организации времени отчасти компенсируют негативные последствия социального пессимизма, распространенного в определенных слоях «класса интеллектуалов», в том числе российского бизнес- и научно-педагогического сообществ.

4-я темпоральная стратегия поведения основана на *пассивном темпоральном пессимизме*. Она характеризуется отсутствием потребности и/или способности управлять временем и усилением этой установки в условиях нелинейности его социальной динамики. Яркие выраженные негативные эмоции, прежде всего, страх в самых разных его формах, купируют возможность построения объективной картины мира в ее темпоральном разрезе. Нелинейное время с его ускорением, интенсивностью, сочетанием различных траекторий и ритмов формирует представления о полном хаосе и неуправляемости миром, собственной жизнью, невозможностью ее планирования на какой-либо даже маленький срок. Отсутствие развитых темпоральных навыков и способностей (к оценке, организации времени или хотя бы приспособлению личного и внутреннего времени к внешним временным структурам и ритмам) усиливают социальный пессимизм и ухудшают социальное самочувствие.

Пассивность в отношении настоящего и будущего и их негативные оценка и эмоциональное восприятие сопровождаются социальной ностальгией, ориентацией на прошлое, которое известно, определено, а главное — уже безопасно. Чрезвычайно болезненно носители четвертой стратегии воспринимают попытки «переписать», дискредитировать, «стереть» прошлое, так как это единственная надежная их опора в мире неопределенности и текучести. Нужно отметить, что это один из распространенных в российском обществе типов темпоральных стратегий поведения. Он характеризует поведение пенсионеров, маргинальных общностей, социально депривированных слоев населения.

Открытым остается вопрос о степени конструктивности названных темпоральных стратегий. Конструктивность определяется возможностью помочь человеку в реализации его социальных потребностей и целей, повышении адаптационного потенциала и устойчивости к негативным последствиям «текущей современности». Конструктивной, на наш взгляд, является первая стратегия, хотя усиление полюса надежды в виде доминанты

утопических представлений или мечты несет в себе риск неадекватных и неэффективных действий.

Средней степенью конструктивности обладают вторая и третья темпоральные стратегии, опять же при условии нормализации эмоционального состояния и переживания времени. Очевидно, деструктивный характер имеет четвертая стратегия, поскольку влечет за собой снижение социальной активности и усиление полюса страха. Деструкция может иметь как явно выраженное, так и латентное проявление и распространяться не только на жизнь отдельного человека, но и целой социальной общности. В качестве примера сошлемся на исследование наркомании как аномальной формы адаптации молодежи, проведенное в 2000-е гг. уральскими социологами [47]. Они полагают, что одной из социальных причин наркотической зависимости в молодежной среде является страх перед неуспешностью и стресс от чрезвычайно быстрых социокультурных изменений. Отсутствие адаптационного потенциала у некоторых групп молодежи приводит к желанию «остановить время», «убежать» от его неумолимого и безжалостного хода. В состоянии наркотического опьянения искажается восприятие собственного времени – оно начинает течь либо очень медленно, либо ускоряется, при выходе из наркотического состояния острота переживания времени также снижается из-за физической и психологической «ломки». В любом случае это приводит к снятию, хотя бы на короткий срок, «темпорального» напряжения. Подобная стратегия поведения чрезвычайно деструктивна и опасна, поскольку развивается по законам социально-психологического заражения и приобретает масштабы национальной катастрофы.

Отдельно следует остановиться на вопросе о распространенности различных типов темпоральных стратегий поведения в российском обществе. Вторичный анализ результатов социологических и социально-психологических исследований показывает, что первый тип темпоральной стратегии формируют и развивают представители инновационных социальных общностей. Среди них исследователи выделяют особое социальное образование, которое в современном «мобильном обществе» занимает доминирующие позиции в социальной иерархии — «knowledge-class» (в западной литературе) или «класс интеллектуалов» [48]. С этим можно согласиться, тем более что определенные слои данного «класса» образованы представителями научно-педагогического сообщества, для которых проблема времени известна как с профессиональной, так и практической, обыденной стороны.

Названный тип стратегии, несмотря на его эффективность, — наименее распространенный. Если принять за один из признаков данной стратегии особую ценность (и соответственно дефицит) времени, то, по исследованиям И. Шмерлиной, только 10 % россиян можно признать носителями этой стратегии. Для подавляющего большинства россиян время не является остродефицитным ресурсом [46]. Мы предполагаем, что достаточно распространенным первым типом стратегии становится в некоторых слоях бизнес-

сообщества, «продвинутые» представители которого владеют методами тайм-менеджмента и стратегического планирования собственной жизни и личностного развития. Исследование, проведенное под руководством М. К. Горшкова в 2006 г., показало выраженность тенденции индивидуализации в средних слоях городского населения, что позволяет сформулировать гипотезу о формировании новых темпоральных стратегий поведения, инновационных для российского общества, именно в среде городского среднего класса [49, с. 87].

Стратегии пассивного оптимизма и пассивного пессимизма общим признаком имеют отсутствие развитых навыков организации времени. Исследование И. Шмерлиной показывает, что большинство россиян по-прежнему не умеют организовать такой вид личного времени, как свободное, а 19 % не удовлетворены его качеством [46]. А самое главное — отсутствует понимание ценности и возможностей данного временного ресурса.

Более серьезного, глубокого эмпирического исследования требует темпоральное поведение религиозных общностей, которое укладывается в рамки второй и третьей стратегий в зависимости от эсхатологической картины мира, формируемой религиозной традицией и современным религиозным сознанием.

3.4. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: опыт эмпирического исследования

В ходе конкретного социологического исследования, проведенного весной 2014 г.⁴ авторами данной книги, был осуществлен анализ темпоральных стратегий поведения таких городских социальных общностей, как студенческая молодежь, волонтеры, бизнес-сообщество.

В центре исследовательского внимания было противоречие между авангардными и традиционными темпоральными стратегиями поведения социальных общностей. Предпосылки возникновения указанного выше противоречия обусловлены дискретным характером процессов трансформации и модернизации современного российского общества. Во-первых, эти предпосылки связаны с трудностями становления информационного об-

⁴ Исследование осуществлялось в рамках гранта РГНФ, проект № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей» коллективом социологов: Зборовский Г. Е. (руководитель), Амбарова П. А., Кузьминчук А. А. Авторы использовали такие методы, как полужформализованное интервью и анкетирование. Интервью проводилось в январе–апреле 2014 г. среди представителей бизнес-сообщества (менеджеры компаний, N=10, фрилансеры, N=10, собственники бизнеса, предприниматели, N=10). Анкетирование было проведено в феврале–апреле 2014 г. среди студентов старших курсов государственных вузов г. Екатеринбурга и волонтеров крупных городов Свердловской области (гг. Екатеринбург, Каменск-Уральский). В исследовании студенчества применялась двухступенчатая стратифицированная выборка (N=1200). В исследовании волонтеров использовался стихийный отбор (N=600), поскольку объем и социальные характеристики генеральной совокупности не были определены из-за отсутствия статистических сведений по данной общности.

щества и сохраняющимся «цифровым разрывом»⁵ между различными социальными общностями, городами и регионами. Во-вторых, с проблемами развития гражданского общества, являющегося необходимым условием реализации нелинейных тенденций социокультурного развития и, соответственно, возможности альтернативного выбора жизненных стратегий. В-третьих, с инерционностью социокультурной системы, в которой время по-прежнему находится на периферии ценностных ориентаций большинства членов общества.

Согласно гипотезе, авторы предполагали увидеть в определенной части бизнес-сообщества, студенчества и волонтеров⁶ представителей авангардных общностей. Рассмотрим темпоральные стратегии поведения данных общностей (в начале — студентов и волонтеров) в соответствии с предложенными выше тремя структурными элементами (философия времени, поведенческий и эмоциональный блоки).

Философия времени. Мы исходили из предположения, что в повседневной жизни люди оперируют двумя основными ресурсами (одновременно противопоставляемыми и взаимосвязанными) — деньгами и временем. Взаимосвязь денег и времени и основополагающий характер этой ресурсной диады были доказаны Б. Франклином в формуле «Время — деньги!» [50], К. Марксом в «Капитале» [51], в «еще более прогрессивном кличе освобожденного советского рабочего класса: “Время дороже денег!”», звучащего в работах С. Г. Струмилина [52]. Проведенное исследование показало, что примерно одной трети студентов (32,9 %) не хватает ни времени, ни денег. Еще для 23 % студентов только время выступает дефицитным ресурсом, а для 27,1 % — исключительно деньги. Таким образом, становится очевидным, что для студентов (впрочем, как и для всех россиян) при вхождении в рыночные отношения проблема выбора «время/деньги» и конвертации их друг в друга оказывается острой и актуальной. В оценке названных ресурсов волонтеры несколько отличаются от студентов. Оценивая достаточность денег и времени как двух наиболее важных и взаимосвязанных ресурсов, волонтеры на первое место ставят дефицит времени (27,6 %), на второе — дефицит денег (18,5 %). Примерно четверти (25,4 %) не хватает ни того, ни другого, что придает фактору дефицита времени в жизни волонтеров еще большую остроту.

Опрос достаточно четко показал, в каких сферах жизни и для достижения каких целей (задач) студенты и волонтеры испытывают острый дефицит времени:

1) для отдыха (что легко объясняется двойной занятостью большинства студентов — учебой и одновременно — работой; у волонтеров — работой и общественными делами) — 39,4 и 37,6 % соответственно у студентов и волонтеров;

⁵«Цифровой разрыв» — это разрыв в развитии, освоении и внедрении в профессиональную, производственную, бытовую, досуговую и другие сферы цифровых технологий.

⁶ При анализе мы учитывали, что часть волонтеров составляют студенты, поэтому для достоверности выводов предварительно сравнивали данные по подгруппам — волонтерам в целом и волонтерам, не являющимся студентами.

- 2) для сна, еды и других физиологических потребностей — 31,8 % только у студентов;
 3) для личного развития — 30,0 % у студентов и 27,6 % у волонтеров.

Смысл времени и его место в иерархии ценностных ориентаций студентов и волонтеров определялись через оценку его значимости как ресурса. В этом плане время было конкретизировано через более дробные его характеристики (в таблице 1 они выделены курсивом).

Таблица 1

Оценка ресурсов, необходимых для достижения жизненного успеха

Что является наиболее важными ресурсами Вашего успеха в жизни?	Ранг у студентов	Ранг у волонтеров
<i>Деньги</i>	3	2
<i>Необходимое количество времени и возможность распоряжаться</i>	4	1
Родственные связи и поддержка	5	3
<i>Возраст</i>	11	4
Личные психологические качества	2	5
Профессиональные качества	1	6
<i>Умение быть в нужное время в нужном месте</i>	7	7
Удачливость, везение	8	8
Друзья	9	9
<i>Умение быстро адаптироваться к изменениям в окружении</i>	6	10
<i>Интуиция, предвидение</i>	10	11

Как видим, временные ресурсы (необходимое количество времени, возможность им распоряжаться, возраст, своевременность действий, скорость адаптации к изменениям, предвидение) не рассматриваются студенческой молодежью в качестве стратегического фактора, капитала, необходимого для достижения успеха в жизни. В отличие от студентов, у волонтеров единственно значимым временным ресурсом оказалась возможность иметь необходимое количество времени и распоряжаться им. В оценке остальных временных ресурсов разницы между студентами и волонтерами практически нет. Мы полагаем, что полученные данные — это отражение общей ценностной картины мира, характерной для российского общества, в которой время как ценность, как капитал, как ресурс еще не проявило себя в должной мере.

«Философия времени» как базовый элемент темпоральной стратегии поведения исследовалась нами также через подбор афористичных определений и метафор времени. Систему темпоральных метафор мы разбили на три смысловых блока: 1) время — деньги; 2) время — внешний фактор; 3) время — фактор развития личности.

В результате обнаружился парадокс: и студенты, и волонтеры на первое место поставили определение времени как ресурса личностного и профессионального развития (таблица 2), несмотря на то, что ответы на предыдущий вопрос, косвенно фиксирующий тот же самый смысл и функцию социального времени, показывают иное понимание. Все ме-

тафорические определения по результатам анкетирования были распределены по трем уровням, и оказалось, что на каждом из них присутствуют все три аспекта (время / деньги, время — внешний фактор, время — фактор развития личности).

Таблица 2

Определение сущности времени

Смысловой блок	<i>Подберите определение времени, которое соответствует Вашему мироощущению, или дайте свое</i>	Ранг у студентов	Ранг у волонтеров
3	это ресурс моего личного и профессионального развития	1	1
1	то, что дороже денег	2	2
2	это вечность, неподвластная человеку	3	3
3	это колесница, которая мчит в будущее	4	4
1	это деньги	5	5
2	это бремя которое нужно чем-то заполнять и на что-то тратить	6	6
9	ваш вариант ответа*	7	8
2	это сила, которая разрушает меня и мою жизнь	8	7
1	время дешевле денег	9	9

* В 2/3 ответов на открытый вопрос имели место определения, соответствующие 2 смысловому блоку: «время — это лекарство от душевной боли», «это дар, который надо научиться не тратить попусту», «учитель, врач, убийца», «то, чем человек должен наслаждаться», «мой путь в жизни».

Анализ данных таблицы показывает в целом конструктивное восприятие фактора времени (первые пять позиций заняли позитивно окрашенные метафоры, последние три — содержащие негативные характеристики). Вместе с тем, полученные данные свидетельствуют о том, что темпоральное сознание студенчества и волонтеров противоречиво: с одной стороны, они осознают и декларируют ценность времени, а, с другой — в реальной практике актуализируют и используют не менее важные, но традиционные ресурсы жизненного продвижения.

Особая задача исследования состояла в фиксации темпоральных режимов, в которых протекает жизнь представителей изучаемых социальных общностей. Большинство респондентов отметили преимущественно нелинейный характер своего времени: 56,6 % студентов и 60,0 % волонтеров выбрали 2 режим (см. выше), 23,2 % студентов и 16,1 % — 3 режим. 15,4 % студентов и 20,2 % волонтеров выбрали традиционную «стрелу времени» и только 4,8 % студентов и 4,1 % волонтеров представляют свое темпоральное существование как хождение по кругу. Это еще одна проблема, выявленная в нашем исследовании: с одной стороны, большинство опрошенных ощущают внешний, объективный мир

как нелинейную реальность с ее нелинейной темпоральностью, однако на уровне установок и поведения демонстрируют его традиционные стратегии.

Поведенческий компонент. Поведенческим показателем значимости времени выступает умение и желание его планировать. Примерно треть опрошенных студентов и волонтеров считает, что планирование обязательно для любого современного человека, но еще больше (48,7 % студентов и 46,7 % волонтеров) полагают, что оно не обязательно для всех людей (только для тех, кто особо ценит время). Почти 15 % студенчества и 13 % представителей волонтерского движения вообще считают, что планирование не обязательно («планируй — не планируй, жизнь все равно нарушит все планы»). Практически во всех сферах своей жизни больше половины опрошенных лишь прикидывают примерный план, а студенчество для общения и удовлетворения физиологических потребностей время вовсе и не планирует. Поэтому только немногочисленной группе студентов и волонтеров (13 % и 14,3 % соответственно) удастся всегда точно рассчитать время на осуществление различных дел, остальные же вынуждены ускорять их выполнение (59 % среди студентов и столько же среди волонтеров) или увеличивать сроки (23 % студентов и 25,0 % волонтеров). Невысокая ценность планирования, характерная для российской культуры, проявляется в темпоральном поведении студенчества и волонтеров и обуславливает отсутствие у большей части представителей данных общностей потребности в совершенствовании навыков тайм-менеджмента. Только 18,5 % опрошенных студентов и волонтеров заявили об острой потребности в этом, в то время как около четверти и той, и другой общности — о полном отсутствии таковой; большинство же дает неуверенный ответ («такие навыки и умения скорее могут пригодиться»).

Поведенческие тенденции проявляются в определенных темпоральных ситуациях. В ситуации дефицита времени дискомфорт ощущает большинство студентов (64,5 % против 34,5 % тех, кто чувствует себя, как «рыба в воде»). В ситуации вынужденного безделья хорошо себя чувствует несколько больше — 41,5 % ответивших. 44,2 % респондентов воспринимают переход к спокойной жизни без гонки с большим облегчением и расценивают данную ситуацию как нормальную (21,3 % ответивших).

Поведенческие реакции волонтеров на перечисленные темпоральные ситуации мало чем отличаются, однако ситуация дефицита времени, резких переходов от спокойной к чрезвычайно интенсивной жизни ими воспринимается более легко, спокойно. По нашему мнению, это связано с временной спецификой волонтерской деятельности, имеющей нерегулярный, ситуативный характер для большей части опрошенных.

Таким образом, проанализированный срез темпоральной стратегии поведения студентов и волонтеров показывает традиционную «проблему времени», характеризующуюся несформированностью умений управления ресурсами времени, а главное — отсутствием потребности в этом.

Эмоциональное переживание времени. В данном структурном блоке нас интересовало прежде всего восприятие характеристик нелинейного времени. Афористические и метафорические определения времени, представленные в таблице 2, одновременно содержали и оценочное отношение к времени.

Поскольку использовались устойчивые выражения, то в них, конечно, было отражено традиционное понимание времени. Первые пять позиций, как мы видим из таблицы 2, преимущественно занимают позитивно окрашенные высказывания («это ресурс моего личного и профессионального развития», «то, что дороже денег»), негативные же (например, «это сила, которая разрушает меня и мою жизнь») сдвинуты вниз.

Несмотря на сходство темпоральных стратегий поведения волонтеров и студенчества в рамках первых двух структурных блоков, различия между общностями имеются и проявляются в некоторых аспектах эмоционального восприятия времени. Это показывают оценки такой характеристики нелинейного времени, как высокая степень его неопределенности в представлениях членов данных общностей.

Темпоральная неопределенность спокойно и с надеждой на перемены к лучшему воспринимается 31,5 % волонтеров и только 12,3 % студентов. Данная ситуация переживается как обычная 16,6 % волонтеров и 11,8 % студентов. Различия между представителями двух рассматриваемых общностей свидетельствуют в целом о более позитивном, чем у студенчества, мировосприятии волонтеров, в том числе и в отношении нелинейного времени. Без такого позитивного мышления и самочувствия их добровольческая активность была бы в принципе затруднена.

Таким образом, темпоральные стратегии поведения большинства российских волонтеров и студентов можно отнести к линейному типу, поскольку доминирующими тенденциями является ориентация на традиционное время и линейный характер его динамики. Ценность времени декларируется ими, нелинейность времени фиксируется их сознанием, но в поведении на уровне общности наблюдается инерционность, т. е. сохранение традиционных паттернов использования временных ресурсов в повседневной жизни и в выстраивании жизненной перспективы. Этот расхождение между сознанием и реальным поведением, отраженное в понятии «парадоксального человека» [53], отражает особенности и противоречия развития современного российского общества и его культуры.

Немногочисленные слои студенческой молодежи и волонтеров находятся в ситуации перехода, поэтому их темпоральное сознание, поведение и самочувствие противоречивы. Неэффективное использование времени в силу отсутствия «культуры времени», неразвитых темпоральных навыков и потребностей и неудовлетворенность этим фактом, позитивное восприятие нелинейности времени и одновременно быстрое уставание, истощение от пребывания в его турбулентных режимах свидетельствуют о незрелости, несформированности новых темпоральных стратегий у данной части исследуемых социальных общностей.

Метод полужформализованного интервью, использованный в исследовании представителей бизнес-сообщества, позволил более глубоко проанализировать особенности, механизмы и факторы формирования их темпоральных стратегий поведения. В социологии накоплен небольшой опыт эмпирического исследования темпоральной организации жизнедеятельности предпринимателей, бизнесменов, фрилансеров [4; 54], опираясь на который мы смогли предположить достаточно высокую степень распространенности в данной общности новых темпоральных стратегий поведения.

Первые особенности проявились в анализе философии времени. По мнению самих информантов, время отнюдь не часто становится предметом их размышлений. Однако на самом деле, в ходе интервью выяснилось реальное значение темпоральной проблематики: время постоянно присутствует в обсуждении профессиональных задач и ситуаций, личной и семейной жизни. Оно заметно в двух конкретных формах — проектов и биографической.

Д. Б., 43 г., бизнесмен: *«О времени специально не думаю... Есть время абстрактное, есть время конкретное. Для меня это сроки выполнения проекта. Нет, о времени скорее не думаю».*

Биографическое время очень значимо для представителей бизнес-сообщества. Когда собеседникам предлагалось привести примеры темпоральных оценок или ситуаций, очень часто они были связаны с семьей — собственной или родительской.

В. П., 25 л., фрилансер: *«В один прекрасный момент ты понимаешь, как постарели родители, как выросли дети родственников, и порой думаешь, а так ли нужна мне эта работа, ведь за ней я не вижу, как живут мои близкие, ведь именно они самое мое дорогое на этой Земле...»*

Д. Б., 43 г., бизнесмен: *«Время я начал ощущать только недавно, когда родилась моя дочь. Свое время соотношу с ней: она растет, у нее впереди еще столько-то, а у меня уже меньше».*

Нелинейный характер времени отметили все информанты. Они не выбирали из предложенных рисунков, визуализирующих вектора линейного и нелинейного времени, какой-то один. Почти все предложили их объединить в один, который показывает, что в одной сфере время течет циклически (типичный офисный день), во взаимодействии с заказчиками время разнонаправленное и имеет разные скорости (параллельные проекты, долговременные и краткосрочные) и т. д.

Практически все информанты рассматривают время как важный ресурс личного и профессионального развития, хотя и не ставят его на первое место в иерархии факторов жизненного успеха. «Лидерами» в иерархии стали личные психологические и социальные качества — целеустремленность, трудоспособность, упорство, умение быть гибким. Необходимо заметить, что в оценках этих ресурсов успеха временные аспекты все равно

присутствовали. Кроме того, в интервью достаточно часто упоминались интуиция и умение «шагать в ногу с веком».

Обращает на себя внимание, что никто из респондентов не рассматривал деньги как ресурс первостепенного значения. Д. К., 45 л., бизнесмен: *«Важен опыт и желание работать. Деньги — не проблема. Их можно сейчас найти под хороший проект, обратившись в банк или к партнерам. Только вот сейчас в связи с кризисом пришлось пересчитывать стоимость нашего нового проекта. Потеряли время, да и стоимость увеличилась».*

В этом высказывании звучит типичная оценка соотношения времени и денег, сформировавшаяся в сознании «продвинутых» деловых людей. В ней подчеркивается их связь и, если не приоритетность, то равнозначность. Это подтверждается и выбором ими метафор и афористических определений времени: «время — деньги», «время дороже денег», «это вечность, неподвластная человеку».

В понимании времени у представителей исследуемой общности прослеживается его четкая дифференциация (об этом мы уже упоминали чуть выше, говоря о времени проектов и биографическом времени). Можно также говорить о макровремени, разворачивающемся во внешней среде (это время общественно-политических событий, развития экономической ситуации, время заказчиков, время предоставления госуслуг), и о микровремени, которым наши собеседники распоряжаются сами (это их собственное время внутри проекта, время их подчиненных, личное время). Законы и особенности макровремени, которое они описывают преимущественно как нелинейное (все опрошенные уверенно выбрали второй темпоральный режим), воспринимают позитивно, как объективную данность.

А. К., 45 лет, предприниматель, так оценивает свойства нелинейного времени: *«Плохо это или хорошо... трудно сказать. Действие законов физики или химии — это хорошо или плохо? Это есть. К этому надо приспосабливаться, подстраиваться. Иногда это не комфортно, иногда — позитивно. Вообще любые изменения — это хорошо, это возможности что-то сделать по-другому, лучше. Если изменения есть — значит, я еще живой, значит, еще могу что-то сделать».*

К макровремени представители бизнес-сообщества по необходимости адаптируются и воспринимают ее абсолютно спокойно. А вот возможность управлять микровременем рассматривается информантами как особая ценность и важная проблема. Именно в этой сфере проявляются конфликты между представителями бизнес-сообщества и социальным окружением. По мнению информантов, конфликтные ситуации по поводу отношения к времени, использования времени (опоздания, нарушение сроков выполнения работы, сопротивление инновациям, изменениям) — это повседневное явление.

О. Х., 36 л., менеджер: *«Примерно 3 % персонала каждый раз без восторга от моих предложений что-либо изменить... Я стараюсь менять что-то в своей работе, чтобы потом не было поздно, но каждый раз приходится уговаривать, переламывать».*

Результаты анализа микровремени оказались значимы для выявления особенностей темпорального поведения и реакций на различные темпоральные ситуации. Например, дефицит времени ощущается практически всеми информантами, но не воспринимается ими как катастрофа.

Е. Ш., 32 г., менеджер: *«Если кто-то говорит, что ему чего-то не хватает,— это слова неудачника. Это просто проблема, которую надо решить. Не хватает времени, значит, неправильно организовал работу, взял много на себя, не нашел помощников, которым можно делегировать».*

Информанты продемонстрировали разнообразие методов планирования — от традиционных записных книжек различных форматов и сеток до современных гаджетов и делегирования функций планирования отдельных сфер и направлений работы и жизни секретарям или родным. Помимо традиционных форм планирования они постоянно подчеркивали роль интуиции.

В. П., 25 л., фрилансер: *«Время я чувствую подсознательно всегда. Люблю, чтобы под руками всегда были современные гаджеты. И стараюсь делать все в свое время, не растягивая его на несколько дней, а то и недель».*

Д. Б., 43 г., бизнесмен: *«Делаю записи каких-то действительно важных дел (чтобы не «потерять» их в потоке), а так, знаю интуитивно, сколько времени нужно».*

Д. К., 45 л., бизнесмен: *«Отдых вообще сам не планирую, так же, как и бытовые дела. Это за меня делает моя жена (смеется)».*

Таким образом, данные, полученные в нашем исследовании, подтверждают гипотезу о сформированности новых темпоральных стратегий поведения в различных слоях бизнес-сообщества — у бизнесменов, менеджеров, фрилансеров, которых на этом основании можно назвать представителями авангардной общности. Их темпоральные стратегии поведения конструктивны и однозначно позитивно окрашены. Риски, связанные с изменениями, воспринимаются как естественные. В их сознании, поведении, мироощущении время, воспринимаемое как позитивная сила, выступает явной или латентной составляющей, организующей вокруг себя многие аспекты жизнедеятельности, образа жизни, взаимодействия с окружением. Исследование показало правомерность употребления термина «темпоральные стратегии поведения» во множественном числе в анализе данной социальной общности, поскольку в рамках одного типа стратегии формируются индивидуальные стили и варианты темпорального поведения. Необходимость их изучения и задает нашему дальнейшему исследованию новый вектор.

3.5. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: возможности управления

Социологическое исследование темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей актуализировано не только научными, но и практическими задачами: необходимостью создания условий для формирования позитивной направленности темпорального поведения социальных общностей, обеспечивающей их адаптивность и успешность в сложном, динамичном, турбулентно изменяющемся социуме.

Понимание возможностей, потенциала и особенностей темпорального поведения различных общностей служит залогом эффективности государственной политики, выступающей инструментом управления сложными социальными проблемами и процессами. Инновационные (авангардные) общности, которые рассматриваются государством как опора его намерений и решений, на самом деле не являются послушными марионетками и в своем поведении зачастую демонстрируют качества и цели, противоречащие особенностям системы управления в России.

Авангардные общности — саморегулирующиеся субъекты деятельности. Они функционируют относительно независимо от государства и различных его институций. Это означает, что темпоральные характеристики их поведения невозможно регулировать напрямую, поскольку они связаны не с внешними обстоятельствами, а с характером их деятельности. Например, предприниматели и бизнесмены самостоятельно определяют режим и график рабочего и свободного времени, сроки реализации своих бизнес-проектов и бизнес-планов и пр. Главная особенность их темпорального поведения — чрезвычайная динамичность и гибкость. Между тем, существует необходимость согласования их деятельности с органами власти — структурами неповоротливыми, «медленными», консервативными, ригидными, зачастую криминализованными, эффективность деятельности которых никак не коррелирует с фактором времени. Например, процесс разработки и принятия законов, регламентов иногда затягивается на годы, медленное оформление справок и разрешений порой приводит к тому, что бизнес-проект становится бессмысленным. Такая асинхронность функционирования субъектов бизнеса и управления объективно тормозит развитие предпринимательской инициативы. Во многом темпы экономического развития страны определяются скоростью принятия и реализации бизнес-решений, успех на международном рынке также связан со скоростью и своевременностью их принятия. Отсюда возникает парадокс: государство, которое должно быть заинтересовано в ускорении процессов развития и модернизации страны, само препятствует этому.

Под управлением темпоральными стратегиями поведения социальных общностей мы понимаем разновидность социального управления, заключающегося в создании темпоральных условий для жизнедеятельности и взаимодействия социальных общностей

как самостоятельных социальных субъектов. Эти условия включают: отсутствие препятствий в проявлении темпоральной активности; поддержание инновационных инициатив в отношении использования социального времени — как собственного для данной социальной общности, так и времени тех, с которыми она взаимодействует; создание устойчивых ориентаций по отношению к негативным сторонам нелинейной динамики социального времени [55].

Рассмотрим предпосылки внешнего управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей в условиях города.

1. Темпоральность деятельности различных социальных организаций и институтов, формирующих структуру города и влияющих на нее. Данный фактор действует в качестве социального регулятора, имеющего принудительный, общеобязательный характер. Темпоральные условия деятельности различных организаций (прежде всего, государственных, органов власти и управления), заключаются в режиме их работы, сроках исполнения услуг, установлении сроков обязательной отчетности, графика проверок и пр.

Создание таких временных рамок, обязательных для всех субъектов городского социума, синхронизирует, согласует, ограничивает, подчиняет темпоральное поведение индивидов и социальных общностей, делает его предсказуемым и по большей части единообразным. Например, темпоральный режим и ритм трудовой жизни в рамках большинства формальных организаций жестко предписывает не только распорядок трудового дня, но и определяет объемы и структуру других видов временных ресурсов — вне рабочего, в том числе свободного времени.

Например, у большинства преподавателей отпуск приходится на летнее время, что имеет как свои достоинства, так и недостатки. В лучшей ситуации находятся семьи преподавателей, поскольку время их отпусков совпадает. Хуже ситуация у тех, у кого в семье в образовательном учреждении работает кто-то один: время их отпусков различно и по длительности, и по срокам. Летнее время для отпуска воспринимается как одно из достоинств педагогической профессии (для представителей других типов организаций летний отпуск, как правило, является желаемой, но не всегда доступной, ценностью, что иногда используется как позитивная / негативная санкция по отношению к сотрудникам). Между тем, возможность взять отпуск в другое (нелетнее) время ограничена. Таким образом, образовательное учреждение в совокупности с особенностями темпоральной структуры педагогической профессиональной деятельности обуславливает объемы и режим свободного (в данном случае отпускного) времени. С одной стороны, это как бы «вознаграждает» преподавателей летним, достаточно большим, отпуском за напряженный труд в течение учебного года (социальная компенсация). С другой стороны, жестко предписывая режим труда и отдыха, практически не оставляет свободы выбора поведения.

Определяющее значение трудовой занятости в рамках формального учреждения для организации времени горожан подтверждают данные исследования А. Н. Кучеренко. По

результатам опроса, проведенного им в г. Ростове-на-Дону в 2008 г., работа оказалась фактором, создающим возможность распоряжаться временем современного горожанина, для 75,5 % мужчин и 66,7 % женщин [56].

Кроме того, организация запускает действие «социальных часов», т. е. темпорального конструирования профессиональной и личной биографии человека. «Социальными часами» продиктованы возраст трудоустройства (нижний и верхний пороги), возраст прекращения трудовой деятельности (в том числе выход на пенсию), возраст или сроки очередного шага в карьерном или профессиональном продвижении.

К важным факторам, влияющим на темпоральную структуру жизнедеятельности любой городской общности, относится транспорт. Режим работы городского, авиа- и железнодорожного транспорта подчиняет себе время горожан, либо серьезно ограничивая, либо, напротив, расширяя их возможности в осуществлении различных видов деятельности — работы, отдыха, путешествий, поездок на дачу, в гости и др. Значение транспорта как фактора социального развития (увеличения мобильности, изменения образа жизни, влияния на темпоральность общества) исследовал британский социолог Дж. Урри [57], который отмечал сокращение временных затрат на некоторые виды перемещений, обеспечение свободы и вариативности поведения при передвижении на автомобиле и др.

К организациям, темпоральные схемы и структуры которых выступают управляющими механизмами темпорального поведения социальных общностей, можно отнести не только экономические структуры, но и учреждения образования, органы власти, общественные объединения, НКО.

На наш взгляд, серьезное «управленческое» воздействие на время горожан — представителей различных городских социальных общностей — оказывает досугово-развлекательная индустрия и ее инфраструктура. Именно в ней ярко проявляется то многообразие управляющих механизмов, которое характерно для современного общества. С одной стороны, в этой сфере сохраняются достаточно жесткие темпоральные структуры, характерные для индустриального общества, с другой, появляются возможности свободного выбора времени для проведения досуга.

К первым относятся театры, с небольшими оговорками библиотеки (есть круглосуточные библиотечные он-лайн услуги, собственно он-лайн библиотеки), парки культуры и отдыха, традиционные досуговые центры с их жесткой регламентацией деятельности и, следовательно, пребывания в них горожан. Вторые включают в себя современные торгово-развлекательные центры, клубы, работающие круглосуточно и «поглощающие» время горожан без всяких ограничений. В торгово-развлекательном центре можно провести один час, а можно и целые сутки. Некоторые горожане так и поступают, проводя порой весь свободный день в стенах такого учреждения. В нем можно заниматься шопингом, выступающим для определенной части горожан формой не только потребления, но и времяпрепровождения; можно обедать, общаться с друзьями, развлекать детей, смотреть

кинофильмы и пр. При этом торгово-развлекательный центр не структурирует жестко время своих посетителей: магазины, кинотеатры, кафе, рестораны работают круглосуточно. Время в подобных учреждениях приобретает свойство текучести и характеризуется отсутствием жестких структур, переходов, регламентов, границ между различными видами занятий в нем, между временами суток.

Чтобы действительно конструктивно, рационально использовать часы, проведенные в торгово-развлекательном центре, требуется умение сопротивляться тем «пожирателям» времени, которые придуманы менеджерами и маркетологами торгово-развлекательных центров. По большому счету посетители тратят здесь два ресурса — время и деньги. При этом существует прямая связь между их количеством: чем больше времени проводится посетителем в центре, тем больше денег он тратит в нем, взамен получая определенные блага, отдельные из которых являются суррогатами (например, имитация разнообразия в отдыхе, совместно проведенного семейного досуга, покупок и т. д.). Таким образом, возникает новый феномен, который мы определяем темпоральный симулякр.

Современные тенденции в изменении темпоральности проявляются и в других сферах жизни города. Изменяется природа экономических структур и организаций. Наряду с традиционными, жестко регламентирующими рабочее время сотрудников, появились новые — с гибким графиком, предлагающие удаленную занятость (без временных затрат на передвижение к месту работы). Флексибилизация (гибкость) экономики достигается за счет появления совершенно новых форм трудовой деятельности — фрилансерства, предполагающего совершенно иной тип темпоральной организации всей жизни, включая выполнение профессиональных функций. Происходит отказ (полный или частичный) от коллективных темпоральных структур [56], а значит, от власти их времени, рамочного, ограничивающего свободу в распоряжении ресурсами времени как на индивидуальном, так и общественном уровне.

Определенную степень темпоральной свободы от времени общественного транспорта дает покупка личного автомобиля или альтернативного транспорта (велосипедов, скутеров и пр.), а порой и отказ от какого-либо транспорта в пользу пешеходного движения, реализующего особый стиль городской жизни.

Можно сделать вывод о том, что темпоральная структура современного города складывается под влиянием двух факторов: сохраняющихся формальных организаций и структур с их жесткой системой управления темпоральным поведением горожан и набирающей обороты тенденции к «освобождению» их времени благодаря изменению социальных, экономических, социокультурных отношений и переводу его в режим самоуправления. Этот режим требует от представителей социальных общностей особой культуры времени и особого отношения к данному ресурсу.

2. Механизмом управления временем горожан, их темпоральным поведением выступают *нормы, формально закрепленные в законодательстве, и неформальные нормы, бытующие в виде общественной морали и традиций.*

Историю общества интересно рассматривать с позиций темпорального подхода как историю «завоевания», или «отвоевывания», времени. Эта борьба шла (и продолжается по сей день) по поводу сокращения рабочего времени без потерь его денежного эквивалента (заработной платы) и роста свободного времени. По сути, это повышение валидности (стоимости, ценности) времени по отношению к деньгам. Борьба разворачивалась вокруг попыток одних социальных общностей или слоев приобретать и использовать при минимальных денежных затратах время представителей других общностей или слоев. Деятельность последних, в свою очередь, была направлена на сохранение своего права на время.

Результаты такой исторической «борьбы за время» закреплялись законодательно. Вспомним такие факты, как сокращение 14–16-часового рабочего дня в условиях развития капитализма в первой половине — середине XIX в. до 8-часового спустя 100 лет и, соответственно, законодательное закрепление данной нормы (40-часовая рабочая неделя); переход в СССР на 5-дневную неделю в 1960–1970 гг.; введение нормы неполного рабочего дня для некоторых льготных категорий граждан (например, работников вредного производства, матерей с малолетними детьми, студентов и школьников). Кроме того, это целый комплекс законодательных норм, касающихся длительности различных видов отпусков (ежегодного, учебного, по беременности и послеродового), дополнительных выходных дней (например, для матерей, имеющих несовершеннолетних детей) и т. д.

Еще одна линия исторической и социально-экономической «борьбы за время» разворачивалась по поводу возрастных ограничений в отношении совершеннолетия, брачного возраста, наступления того или иного вида ответственности, владения оружием, допуска к вождению автомобиля, способности к осуществлению того или иного вида профессиональной деятельности (врачебной, педагогической, военной, государственной службы и т. д.), границ пенсионного возраста (отметим, что борьба за данный темпоральный ресурс сегодня приобрела особую остроту).

Подчеркнем, что все перечисленные аспекты составляют формальные градации «социальных часов», закрепленные нормами национального законодательства. Несмотря на то, что они не всегда в полной мере отражают традиции и обычаи, бытующие в обществе, тем не менее они являются действенными темпоральными регуляторами поведения членов тех или иных общностей, поскольку устанавливают границы допустимых действий, выбор вариантов поведения, способов решения различных жизненных проблем.

3. *Способом внешнего управления темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей выступает календарь городской жизни.* Изобретение календаря в истории общества сыграло и продолжает играть роль социальной технологии, управляющей временем. Помимо общемирового и общенационального календаря, существуют

модификации календарей, отражающих время конкретной социальной общности, которые могут иметь традиционный печатный вид, а могут существовать в виде устойчивых, повторяющихся из года в год элементов планирования жизнедеятельности. Например, есть церковный календарь, календарь культурных событий города, календарь мероприятий конкретного учреждения, женский календарь и т. д.

У городского социума существует свой календарь — политических, культурных, экономических событий. Он формируется как результат деятельности органов власти, представителей бизнес-сообщества, политических, культурных, общественных организаций по планированию каждого направления жизни города. Такой календарь имеет как стратегические событийные «точки» (например, события и мероприятия, связанные с подготовкой международных, национальных или региональных выставок, форумов, саммитов и пр.), так и традиционные праздники, фестивали, выборы и т. д. Анализ контента нескольких городских сайтов г. Екатеринбурга показывает, что ключевые события года представлены на главных страницах и отражают специфику этой темпоральной структуры уральского мегаполиса [58; 59; 60; 61]. Многократное дублирование информации о событиях на страницах печатных и электронных СМИ, растяжках, рекламных щитах служит способом их закрепления в сознании горожан.

Вышеназванные механизмы управления темпоральными стратегиями поведения городских общностей можно отнести к универсальным, т.е. действующим на всех их представителей. Помимо этих универсальных механизмов, существуют и другие способы управления темпоральным поведением, которые обусловлены спецификой основного вида занятости тех или иных социальных общностей. В каждом конкретном случае эти способы несут на себе их печать. Темпоральные характеристики отдельных из них — студентов, волонтеров, фрилансеров, бизнесменов — рассмотрены в данной книге.

Литература

1. *Шабанова М. А.* Преуспевающие экономические акторы как модернизационная общность // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

2. ГеоРейтинг, 3–17 июня 2009 г., по 68 регионам России, 34000 респондентов, 1930 населенных пунктов.

3. Молодые предприниматели (исследование ФОМ, 2009) // Доминанты. 2009. № 28 от 15 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/az/%D0%B2/dominant2009/dom0928/d092813> (дата обращения: 10.04.2014).

4. *Паутова Л.* Молодых кризис только раззадорил // Огонек. 2009. № 4 от 8 июня 2009 г.

5. *Амбарова П. А.* Фрилансеры: темпоральные стратегии поведения авангардной социальной общности // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. памяти В. Т. Шапка (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.). В 4 т. Том I / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2014.

6. *Курносова Т. И.* Гибкая занятость в экономике развитых стран (причины, формы, эффективность): Дис. ... канд. экон. наук. М., 1998.

7. *Санкова Л. В.* Занятость инновационного типа: теория, методология исследования, управление: Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2008.

8. *Стребков Д., Шевчук А.* Фрилансеры в информационной экономике // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 24.

9. Результаты он-лайн опроса портала «Kadrof.ru» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kadrof.ru/news_id.php?id=1297868054 (дата обращения: 30.03.2014).

10. Результаты он-лайн опроса портала «Kadrof.ru» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kadrof.ru/news_id.php?id=1156848932 (дата обращения: 30.03.2014).

11. *Стребков Д. О., Шевчук А. В.* Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 49.

12. *Малоун Т. У.* Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006.

13. *Ходорковский М.* «Поколение М» // Ведомости. 2009. 21 октября.

14. Первый Всемирный доклад ЮНЕСКО по инженерным наукам: нехватка инженеров — угроза развитию [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/engineer_shortage_a_threat_to_development_underlines_unescos_first_global_report_on_engineering/#.U0YtQt7IPIU (дата обращения: 10.04.2014).

15. *Яминский А. В., Мышаков А. В.* Инженерная элита России: понятие, концепция и школа совершенствования // Наука и образование. 2011. № 10. [Электронное издание]. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/230463.html> (дата обращения: 27.02.2014).

16. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / под ред. Л. Н. Банниковой, Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2013.

17. *Лынный Н. В.* Изобретательство в России // Изобретательство. 2001 № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inventor.perm.ru/pages/today-invent-russia.htm> (дата обращения: 23.03.2014).

18. *Петренко Е. С., Иванова И. И.* Добровольческая активность авангардных групп как движущая сила преобразования социальной действительности (на примере исследований феномена добровольчества Фонда «Общественное мнение»). Аннотация выступления [Электронный ресурс]. URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/46/index-6217297.html> (дата обращения: 03.04.2014).

19. *Шевченко П. В.* Социальная роль московского волонтерства // Социологические исследования. 2013. № 8.
20. *Паутова Л. А.* Молодые «Люди XXI»: общие черты локомотивной группы и региональная специфика [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt4web.ru/okruzhajushhij-mir/molodye-ljudi-i.html> (дата обращения: 05.04.2014).
21. *Грекова О.* Молодежь московская особая (Интервью с Л. Паутовой) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/article/2011/06/01/594099-molodezh-moskovskaya-osobaya.html> (дата обращения: 05.03.14).
22. *Дзись-Войнаровский Н.* Где инноватору на Руси жить хорошо? [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/business/gde_innovatoru_na_rusi_zhit_horosho-475715.xhtml (дата обращения: 25.05.2014).
23. *Бурмистров П., Жутаев Д., Великовский Д., Хестанов Р., Тарасевич Г.* 1968: год великого перелома // Русский репортер. 2008. № 16 от 1 мая 2008 г.
24. *Ротмистров А. Н.* Сравнительный анализ факторов студенческого протестного движения в России на рубеже XIX–XX веков и в начале XXI века // Интернет-издательство «Контрольный листок» [Электронный ресурс]. URL: http://contrlist.ucoz.ru/index/protestnoe_dvizhenie_studentov/0-105 (дата обращения: 19.09.2014).
25. *Гаранин О. Ю.* Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010.
26. *Зернов Д. В., Луконина Е. С.* Содержание и тенденции политической активности студенчества (на примере выборов 2011–2012 гг.) // Социологические исследования. 2013. № 11.
27. *Забелин П. В., Федцов В. Г.* Создание общероссийского центра молодежного (студенческого) предпринимательства // Российское предпринимательство. 2003. № 5 (41). С. 108–111 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/8730/> (дата обращения: 19.09.2014).
28. *Иванова А. В.* Отношение студентов к предпринимательству: научный доклад. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2011.
29. *Резник Г. А., Пономаренко Ю. С.* Студенческое предпринимательство как важный фактор формирования инновационной экономики // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 2.
30. *Бауман З.* Текущая современность. М.: Питер, 2008.
31. *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
32. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI века. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012.
33. *Анисов А. М.* Свойства времени [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/anisov_svoistva/ (дата обращения: 20.05.2014).

34. *Кравченко С. А.* Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5).
35. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: Комкнига, 2011.
36. *Можейко М. А.* Идея нелинейности и феномен неопределенности: методологический поворот в современной науке // Социология. 2012. № 2.
37. *Румянцева М. Ф.* Линейная / нелинейная темпоральность в истории // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. М.: Кругъ, 2010.
38. *Шкунденков В. Н.* Одиночество и пепел. (Нелинейность времени). Тула: Репроцентр, 2009.
39. *Крючков В. Н.* Нелинейность времени в менеджменте (или чем стратегическое планирование отличается от долгосрочного?). Омск: ОмГУ, 2009.
40. *Стребков Д. О.* Инновационный потенциал агентов новой экономики // Форсайт. 2010. Т. 4. № 2.
41. *Казанский Б. А.* Формализация событийности: бутстрап-системы в биологии, биосферологии, кибернетике и физике // Экогеософский альманах «Мудрость дома Земля»: О мировоззрении XXI века. Донецк, 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.evol.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc (дата обращения: 25.10.2013).
42. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
43. *Енькова Л. П.* Структура и содержание временной компетентности в контексте психолого-педагогического образования // Вектор науки ТГУ. 2001. № 4 (7).
44. *Горюнова Л. В.* Ориентированность содержания профессионального образования на подготовку мобильных специалистов // Психолого-педагогические исследования в системе образования: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф.: В 7 ч. Ч. 4. Челябинск: «Образование», 2008.
45. *Абульханова-Славская Л. К.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
46. *Шмерлина И.* Свободное время — навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 8.
47. *Талалаева Г. В., Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.* Наркомания: аномальная форма адаптации молодежи. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2007.
48. *Иноземцев В. Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.
49. Городской средний класс в современной России / Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2006.
50. *Франклин Б.* Время — деньги! М.: АСТ, 2014.
51. *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. 46, ч. 2. М.: Изд. полит. лит-ры, 1969.

52. *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.
53. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
54. *Харченко В. С.* Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2013.
55. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Темпоральные стратегии поведения профессиональных общностей: проблемы и возможности управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 5.
56. *Кучеренко А. Н.* Культура времени современного горожанина: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-Н/Д, 2009.
57. *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012.
58. Сайт Екатеринбургского Экспоцентра <http://www.ekaterinburgexpo.ru/events.aspx>.
59. Официальный портал Администрации г. Екатеринбурга <http://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/administration/administration-gorod/>.
60. Городской портал г. Екатеринбурга <http://gorodskoyportal.ru/ekaterinburg/>.
61. Информационный портал Екатеринбурга <http://www.ekburg.ru/>.

4. СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ВОЛОНТЕРОВ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

4.1. Теоретические основания анализа социальной общности волонтеров

В современном информационном пространстве все чаще звучат высказывания о развитии волонтерства в городах, в стране, в мире. Все больше пишут о тех масштабах, которые охватывает это явление, о той пользе, которую несет данное общественное движение человеческому обществу. Становится понятным, что за каждым таким официальным и неофициальным признанием стоит определенное понимание значимости волонтерства, несмотря на специфические отличия в содержании и характере его развития, которые проявляются при разных социально-экономических, культурных и политических условиях.

Рассмотрим теоретические основания анализа волонтерства как социальной общности. В качестве первого основания обозначим трактовку понятия «волонтерство», направленную на выявление сущности этого социального феномена посредством выделения его признаков. Вторым основанием выступает общностный подход, концептуально заложенный в наше исследование. Применительно к волонтерству он состоит в изучении структуры общности волонтеров — через оценку ее сложной многоуровневой модели, выделение типов и видов волонтерства, анализ ресурсов, которыми обладает сама общность и ее члены. Третьим значимым основанием является классификация общностнообразующих признаков, которая открывает возможности понимания природы возникновения и существования волонтерской общности. Четвертое основание анализа составляет применение деятельностного подхода. Суть его заключается в рассмотрении волонтерской деятельности в системе образа жизни волонтеров, которая осуществляется членами волонтерской общности. Этот вид деятельности может характеризовать рождающееся в его рамках специфическое отношение волонтеров к окружающему миру и самим себе.

Следует отметить, что на уровне повседневного дискурса в России чаще употребляется термин «добровольчество». Однако на этимологическом уровне значения понятий «волонтерство» и «добровольчество» синонимичны. По существу, они включают в себя обозначение общности добровольцев или волонтеров, реализующих определенный вид деятельности, направленный на достижение конкретных целей и задач. Сами термины «волонтерство» и «добровольчество» имеют следующие характеристики: 1) в основе понятия лежит деятельность, которой акторы (волонтеры) занимаются по доброй воле, по своему желанию, по собственному выбору; 2) люди, выполняющие такого рода деятельность (работу), не ожидают какого-либо материального вознаграждения за результаты своего труда; 3) данная деятельность обнаруживает признаки институционально закреплённой.

Анализ источников и научной литературы показывает, что до середины XIX в. понимание добровольчества и соответственно его трактовки сопрягаются с основами христи-

* Социологическое исследование осуществлялось в рамках гранта РГНФ, проект № 14-03-00072.

анского вероучения, идеей «служения государству», в середине XX в. суть понятия связывается со значением «служение Родине», к концу XX в. терминологическое значение добровольчества смещается в область социальной поддержки и защиты. Но в любом случае речь идет о равнозначности употребления понятий «волонтерство» и «добровольчество».

Общественный интерес обусловил пристальное внимание к волонтерству со стороны российских и зарубежных ученых, специалистов в области социальной работы, психологии, культурологии, педагогики, юриспруденции, социологии. В наибольшем числе исследований волонтерство характеризуется как деятельность. Однако ключевые акценты авторы ставят либо на характеристиках субъекта-объекта этой деятельности, ее содержании, формах и методах, либо целях и результатах. В этой связи можно говорить об определенных отличиях в подходах российских и зарубежных исследователей. Представим некоторые из них.

Американские исследователи Х. Анхер и Л. Саламон провели анализ дефиниций волонтерства в различных странах и доказали, что английский и американский концепт «volunteering», французский «voluntariat», итальянский «voluntariato», шведский «frivillig verksamhet» и немецкий «ehrenamt», несмотря на однотипный перевод, имеют разную историю возникновения и разное культурное и политическое значение. Очень важно, что в результате кросс-культурного анализа была показана разница в определениях волонтерства в зависимости от уровня его рассмотрения: международного, национального, локального [1, с. 5]. С точки зрения выше названных авторов, в основе всех определений волонтерства лежит значимость волонтерского труда, которая включает в себя сочетание ряда характеристик: измерение времени (занятость волонтера полный или неполный рабочий день); экономический аспект (получает волонтер оплату за свою работу или нет), а также социальный аспект (волонтер работает в организации или самостоятельно). Например, частичная занятость без какой-либо оплаты в сфере некоммерческого сектора характеризует суть определений волонтерства в Европе и США; частично оплачиваемая занятость и неполный рабочий день характерны для трактовок волонтерства во многих развивающихся странах.

В зарубежных концепциях большую значимость имеет ценность волонтерства для самих волонтеров. Так, К. Бидерман отмечает: «В последнее время в сфере волонтерской работы в Великобритании обнаружилось значительные изменения, в частности, альтруистическая помощь другим перешла в добровольную, убежденную активность, в которой собственные интересы совмещаются с помощью другим» [2, с. 39]. Интересен концептуальный подход канадского социолога Р. Стеббинса, в рамках которого волонтерство рассматривается как содержание серьезного досуга, обладающего рядом отличительных качеств [3]. Безусловно, речь идет лишь об одной из форм волонтерской деятельности, которая носит регулярный характер. Однако аксиологический смысл для субъекта волонтерского труда здесь все равно остается определяющим.

Исследователи американского университета имени Д. Хопкинса, которые более 20 лет изучают волонтерский труд по всему миру, определяют волонтерство «как комплекс мероприятий, как реализованный в свободное время вид работы без всякой денежной компенсации...» [4, с. 224]. С точки зрения европейских исследователей, «волонтерство — это сумма действий, которые граждане осуществляют друг для друга безвозмездно по своей доброй воле» [5, с. 7]. Определяющими здесь являются система взаимосвязанных действий и гражданское взаимодействие.

Крайне важен в зарубежных исследованиях волонтерской деятельности акцент на ее социальном и экономическом эффекте. С одной стороны, он обозначен как «...пробуждение потенциала членов общества для улучшения качества их жизни» [6, с. 104], с другой стороны, — выражается через определение волонтерства «как одного из видов продуктивной деятельности, ...как труда, который добавляет ценность использованию товаров и услуг, чем повышает существенно свою рыночную стоимость» [7, с. 694].

Российские исследователи рассматривают волонтерство как форму общественной благотворительной деятельности, которую характеризует отсутствие жесткой регламентации и вовлечение широкого круга субъектов. Как нам кажется, большинство концепций отечественных ученых объединяют следующие положения: 1) волонтерство как деятельностьная форма благотворительности; 2) альтруистическая направленность деятельности без материальной выгоды, без принуждения; 3) субъект волонтерской деятельности мотивирован гуманистическими ценностями; 4) объект деятельности — социальные группы, которым требуется социальная поддержка.

И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон характеризуют «добровольчество (волонтерство) как бескорыстную индивидуальную или коллективную деятельность на благо других людей или общества, как разновидность филантропических практик» [8, с. 10]. Подчеркнем, что речь идет о деятельности как благотворительности, как о помощи неимущим, нуждающимся.

Для российского подхода характерно также сужение поля волонтерства до сферы социальной работы. Авторы часто сводят его к альтруистическому характеру деятельности, к проявлению гуманности и милосердия. Л. Е. Сикорская пишет: «Мы рассматриваем волонтерство как форму социального служения, осуществляемого по свободному волеизъявлению граждан, направленного на бескорыстное оказание социальных услуг людям, их поддержку, защиту, личностное развитие» [9, с. 53]. По нашему мнению, тематика российских исследований характеризуется подчеркиванием процессуального характера волонтерской деятельности; выделением таких функций волонтерства как: направленная социализация молодежи, сохранение и передача культурных ценностей, духовных традиций, а также интерес к изучению ключевых мотивов волонтеров, носящих альтруистический и, вместе с тем, прагматический характер.

Еще один интересный подход к определению волонтерства позволяет рассмотреть этот феномен через категорию профессии как деятельности, характеризующейся специфическими навыками, знаниями и практиками [10]. При этом выделяются существенные отличия деятельности волонтеров, заключающиеся в формировании особой идеологии, системе норм, свободе от ограничений, которые есть у профессионалов сферы социальной работы. В анализе подходов к определению волонтерства через профессиональную деятельность и деятельность, осуществляемую в свободное время, объединяющим началом выступает реализация трудовой функции.

Как нам кажется, выше названные авторские позиции не противоречат, а существенно дополняют друг друга. В качестве ключевых сущностных характеристик волонтерства можно выделить и аксиологический, и социальный его смыслы. Они заключаются в объективно существующей значимости феномена для общества, в субъективном понимании социальной ценности волонтерской деятельности среди членов этой социальной общности, а также в субъективных оценках самими волонтерами ценности деятельности через удовлетворение ее процессом и результатами.

Переходя к рассмотрению нашей точки зрения на волонтерство в зеркале социологии, отметим, что в первую очередь мы рассматриваем его сквозь призму общностного подхода. Важным методологическим основанием для нас выступает типология социальных действий М. Вебера. Поскольку волонтерство содержит черты ценностно-рационального и целерационального типов социальных действий, мы используем их характеристики в его трактовке.

Согласно идеям классика немецкой социологии, в основе целерационального типа лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели», тогда как ценностно-рациональный тип основан «на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового» [11, с. 628]. В нашем случае выделенные М. Вебером «чистые типы» действия находятся в определенном сопряжении. Волонтерская деятельность может по сути своей иметь осознанную направленность, определенную гуманистическими ценностями и идеалами, и в то же время рационально поставленную цель, ориентирующую поведение индивида. На стыке целерационального и ценностно-рационального типов действий актуализируется суть самой волонтерской деятельности в ее социальном и аксиологическом смысле, выраженных в прагматической пользе для общества, для людей, на которых направлена эта деятельность, в ценности для самих волонтеров.

Наше понимание сущности волонтерства основано на выявлении его принципов и признаков, которые необходимо разделять, но ни в коем случае не отождествлять, как это можно сегодня встретить в отдельных работах. Как отмечается в научной литературе, в

рамках социологического дискурса чаще всего волонтерство рассматривается с позиции системного и деятельностного подходов. Мы предлагаем дополнить и расширить концептуализацию феномена с позиции общностного подхода и рассмотреть *его в качестве реально существующей, относительно единой и самостоятельной взаимосвязи (социальной общности) людей как субъектов добровольческой деятельности, которая основана на принципах сочетания целерационального и ценностно-рационального типов деятельности, свободы от внешнего принуждения, возможности выбора варианта действия, альтруизма, деятельности за пределами семейных и дружественных отношений. Целью общности волонтеров является формирование собственной идентичности, общественное признание их труда, приносящего конкретную практическую пользу объектам добровольческой деятельности.*

Исходя из классификации общностных признаков [12, с. 109], применительно к волонтерской общности можно выделить следующие из них: включенность волонтерства в широкий социальный контекст, систему общественных отношений; наличие у членов волонтерской общности значимого основания действовать сообща, либо находиться в данной общности; наличие в общности волонтеров взаимодействия разных уровней — от сильного (в рамках ситуативно самоорганизующихся групп) до весьма слабого (уровень международного движения), обеспечивающего функционирование социальных связей внутри общности; наличие у волонтеров схожих характеристик условий жизни и деятельности; наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик социальной общности; наличие определенных правил, традиций, ценностей, установок и образцов поведения, характерных для большинства членов общности волонтеров; признание данной общности социальным окружением в социальной среде (учебного учреждения, производственного коллектива, некоммерческой организации, семьи и т. д.), формирующее ее идентичность.

Общностный подход открывает перспективы в рассмотрении проблемы раздвижения границ объективного и субъективного понимания природы возникновения и стабильного существования волонтерской общности. Он направлен на изучение социальной общности волонтеров как сообщества действующих людей, способных в локальных условиях решать конкретные социальные проблемы, достигать поставленные цели. Исследование волонтерства сквозь призму общностного подхода позволяет: обозначить особенности структуры волонтерской общности в условиях свободы коммуникации, когда в постоянной динамике расширяется и сужается число взаимодействующих людей; дать оценку волонтерству как ресурсу, который необходимо привлекать и который привлекается в заданных условиях для решения конкретных проблем.

На наш взгляд, одним из ключевых системообразующих признаков волонтерской общности является наличие у нее определенных ресурсов — социальных, политических, культурных и символических. Это позволяет получить научные представления о том, ка-

ким капиталом обладает общность волонтеров, как она способствует тому, чтобы ее члены наращивали свой культурный капитал (повышали уровень образования, развивали профессиональные и личностные компетенции); формировали социальный капитал (использовали социальные связи общности на рынке труда, в образовательной и политической сферах, формировали социальные сети); аккумулировали символический капитал (приобретали статусные характеристики, престиж, доверие).

4.2. Ключевые аспекты рассмотрения волонтерской общности как ресурса социального управления в мегаполисах

При изучении значимости волонтерской общности как ресурса социального управления в городской среде обозначим следующие аспекты методологии его исследования. Во-первых, в нашей работе мы рассмотрим само понятие «ресурс» в его амбивалентном значении по отношению к рассмотрению волонтерства. Во-вторых, обозначим специфику социального управления волонтерством в городской среде, что в итоге позволит выделить в работе ключевые характеристики волонтерской общности как ресурса социального управления.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что мы не рассматриваем общность волонтеров как объект только государственного управления. Нашей целью не является поиск возможных путей для манипулирования членами данной общности. Мы исследуем волонтерскую общность в качестве ресурса социального управления как фактора общественного развития, в основу понимания которого положены принципы эффективного взаимодействия и согласования интересов всех его участников.

В нашем исследовании находит свое отражение теоретическое осмысления дуальности понятия «ресурс». С одной стороны, мы рассматриваем волонтерство как ресурс общества, в первую очередь, гражданского, а также структур власти государственного, регионального и муниципального уровней, органов местного самоуправления. С другой стороны, волонтерская общность сама обладает существенным социальным ресурсом. Именно потому, что данная общность обладает определенным ресурсом, ее и используют или хотят использовать как ресурс для решения каких-либо проблем.

Социальный ресурс общности волонтеров могут характеризовать как объективные, так и субъективные аспекты. Волонтеры обладают определенными умениями и навыками для того, чтобы оказывать помощь другим людям. Волонтеры объективно не могут рассматриваться вне наличия ресурса своей общности, связанного с оказанием реальной помощи тем, кто в ней нуждается. Наряду с этим, у них есть ресурсные признаки субъективного плана, связанные с их ценностными ориентациями, жизненными планами, мотивацией поведения. Когда совпадают объективные аспекты с субъективным пониманием

социального ресурса, которым обладают волонтеры, тогда можно говорить о настоящих волонтерах и «идеальных примерах» волонтерства.

Частичное несовпадение, иногда даже расхождение объективных характеристик ресурса общности и его субъективных аспектов у волонтеров приводит к появлению различных типов подобщностей, члены которых обладают ресурсом лишь частично и соответственно реализуют его не в полной мере, либо фрагментарно. Эти волонтеры требуют к себе и своей работе особого отношения со стороны тех, кто с ними взаимодействует. Кроме того, другие типы взаимодействия членов данных подобщностей на вертикальном (с институтами власти, образования, политики, культуры) и горизонтальном (с другими городскими общностями) уровнях выстраиваются по иным принципам. По нашему глубокому убеждению, это влечет за собой отличие в ресурсных характеристиках таких подобщностей.

Относительно трактовки социального управления отметим, что в работе оно рассматривается как «форма информационного взаимодействия людей, характеризующаяся тем, что одна из сторон вырабатывает решения, доводит их до исполнителя, контролирует их исполнение, а другая сторона эти решения исполняет... Социальное управление выступает “сквозным” видом всех уровней управления в обществе» [13, с. 392].

На государственном уровне оно реализуется посредством создания нормативно-правовой базы, регулирующей волонтерскую деятельность. Объективно на уровне регионов и муниципальных образований создаются конкретные условия для непосредственной организации деятельности членов волонтерской общности. На региональном уровне осуществляется распределение ресурсов, регулирующее включение труда волонтеров в государственный и некоммерческий сектора экономики, сама же деятельность волонтеров реализуется непосредственно в отдельных городах. Именно на данном уровне реализуется программа конкретных действий, направленных на взаимодействие управляющих субъектов в государственных социальных учреждениях и некоммерческих организациях с волонтерами. Именно в городском пространстве появляются различные формы стихийного объединения волонтеров для самостоятельного решения социальных проблем и оказания помощи конкретным людям.

Применительно к анализу волонтерства следует отметить, что государство в лице чиновников односторонне воздействует на его отдельные группы. Вырабатываемая государством программа деятельности (информационный образ волонтерской активности) не всегда соотносится с потребностями и видением своих возможностей самими волонтерами. Кроме того, большинство волонтерских инициатив воплощается добровольцами на основе самостоятельно выработанных ими программ и реализуются на принципах самоуправления. В итоге, в современной России нет единства управления волонтерской общностью и процессов самоуправления в ней. Попытки абсолютизации управленческого

воздействия на волонтеров со стороны государства встречают неоднозначную реакцию самих волонтеров в России.

В рамках границ РФ как определенной территории, на которую распространяется юрисдикция российского государства, закрепляющая систему норм, органов власти, различных учреждений, реализующих властные функции, складывается определенная картина, отражающая развитие волонтерского движения на национальном уровне. В России центры волонтерской активности сосредоточены в городских пространствах. По-нашему мнению, это связано с тем, что городского населения в РФ значительно больше, чем жителей сельской местности. Кроме того, существенные отличия имеет и характер социальных связей в мегаполисах. Так как сельское население малочисленно и локализовано в пространствах малых населенных пунктов, практически все жители знакомы друг с другом. В этих условиях, за редкими исключениями, соседская взаимопомощь одних селян другим носит традиционный характер. В дополнение отметим, что уровень жизни населения в крупных городах значительно выше, чем в российских деревнях и селах.

Активность членов волонтерской общности нашей страны в большей мере локализуется в городской среде, волонтеры взаимодействуют, пересекаются и проникают в другие городские общности. По самым последним замерам социологов, наибольший удельный вес волонтеров сегодня отмечается именно в городах. По данным ФОМ, число волонтеров в них варьируется от 16 % до 11,4 % от числа всех жителей данных территорий [14].

Чем больше тип поселения, тем с объективной точки зрения в нем больше условий для развития волонтерства. Подтверждения этому можно найти в исследованиях Левада-центра, которые показывают, что «непосредственно добровольчеству, волонтерству, работе в общественных организациях и инициативах более-менее регулярно отдают свое свободное время не более 5 % москвичей, 4 % жителей городов-миллионеров и 2 % респондентов городов с числом жителей от 500 тысяч до миллиона человек. Средний показатель по России составляет порядка 2 %» [15, с. 28].

Таким образом, во всех смыслах наиболее развитыми ограниченными социальными пространствами являются современные города. Е. Н. Заборова отмечает, что города сегодня являются центрами цивилизации, так как они концентрируют промышленность, культуру и науку, выступают источниками всех социальных инноваций [16, с. 191]. Крупные российские города, как правило, являются региональными центрами, в которых сосредоточены экономические, политические, образовательные и культурные ресурсы отдельных регионов. Согласно данным массовых опросов, именно в крупных городах (проведем аналогию с Москвой как федеральным центром, где уровень развития добровольчества является одним из самых высоких) можно выделить нереализованный, но крайне перспективный потенциал для развития волонтерства.

«Город как социально-территориальная общность имеет материально-вещественную и личностную компоненты, где вторая оказывается доминирующей» [16, с. 194]. Город

как материально-вещественная среда порожден трудом человека, и без участия людей он обречен на вымирание. Городские пространства оживляются деятельностью различных общностей, активность горожан придает городу определенные отличия, сохраняет его самобытность, формирует его «собственное лицо». Общность горожан включает в себя общность волонтеров, занимающихся разными видами волонтерской деятельности. Еще раз подчеркнем, что чем больше размер города, тем больше поводов у его жителей для пересечения с другими людьми. «Чем больше город, тем в большем количестве ассоциаций, организаций, общественных кампаний заняты активисты. Важно, что в городах-миллионерах, впрочем, как и в столице, по сравнению со страной в целом наблюдается другое качество общественной жизни. Здесь больше поводов для общения с другими людьми» [17].

Сам город выступает объектом преобразования, в котором деятельность волонтеров создает определенную среду, где живут и работают его жители. Мегалополисы, как правило, сосредотачивают в своих границах больше ресурсов, необходимой для реализации волонтерской деятельности инфраструктуры, тем самым создают благоприятное поле для реализации добровольцами своих возможностей. Кроме того, исследователи Левада-центра предположили, что в крупных мегалополисах постепенно появляется все больше оснований для позитивной солидарности, которая не основана на протесте, недовольстве, невозможности терпеть невыносимые условия существования. Коллективная деятельность, целью которой являются сами отношения между людьми, радость от общения, является поводом для образования новых общественных связей [17].

Немаловажную роль в организации коллективной деятельности волонтеров играют организации третьего сектора, в работе которых волонтеры как социальный ресурс просто необходимы. Востребована и технологизация работы с волонтерами. По этому поводу Г. П. Бодренкова отмечает, что «внедрение методов управления добровольческими ресурсами в практику деятельности организаций позволяет значительно повысить эффективность их работы, увеличить объёмы предоставляемых услуг, снизить их себестоимость, обеспечить наиболее полное удовлетворение потребителей услуг» [18, с. 320].

Однако, на наш взгляд, такой подход к волонтерству как социальному ресурсу управления в некоммерческом секторе несколько ограничен, так как совершенно нивелирует инициативы и планы самих волонтеров. Такая постановка вопроса отражает, в первую очередь, государственные интересы. При условии того, что совпадение интересов власти, представляемой государством, и общества признают только 25,6 % россиян, а 74,4 % респондентов из числа ответивших на вопрос исследователей Левада-центра не признают [19].

На фоне выше обозначенного проблемного поля ключевой задачей социального управления должно являться достижение баланса между рычагами внешнего управления и самоуправления волонтеров, приводящее к успешному преобразованию общества и территорий — городов, где проживают волонтеры. По нашему мнению, это возможно и

достижимо, если на различных уровнях управления, наряду с учетом потребностей городского населения, запросами органов местного самоуправления и городских властей, будут также учтены желания и возможности, определяющие потребности и интересы волонтеров, проживающих в этих городах.

В этом плане общность волонтеров имеет специфическую особенность, она выступает одновременно в роли как субъекта, так и объекта социального управления. Важно не ограничивать свободу действий членов волонтерской общности. Волонтерами нельзя директивно управлять, членам волонтерской общности можно только создавать благоприятную среду для осуществления их деятельности в городском пространстве, ориентируясь, в первую очередь, на характеристики их ресурсов.

Таким образом, для составления и реализации сбалансированной программы действий следует управлять (регулировать) деятельностью волонтеров с учетом особенностей социальной структуры данной общности, рассматривать активность ее членов в контексте социальных процессов отдельных городских пространств.

Волонтерскую общность как субъект и объект управления на различных его уровнях можно рассматривать как ресурс, возникающий в ходе деятельности людей. Взаимоотношения волонтерства и власти, волонтеров и чиновников представляют собой живое противоречие. Это своеобразное столкновение намерений чиновников, которые пытаются решать свои бюрократические проблемы, использовать волонтеров как средство исполнения власти, а волонтеры хотят оставаться автономными и независимыми в своих действиях. Место общности волонтеров и в обществе, и в городе определяется их борьбой за сохранение своей самобытности, независимости.

Современное состояние городского волонтерства характеризует множественность волонтерских подобщностей с разным направлением векторов ориентации их членов — от интересов власти до потребностей конкретных нуждающихся в этой помощи людей. В итоге это приводит к разному уровню развития этих подобщностей. Волонтерская общность может рассматриваться как «парадоксальная» общность, состоящая из «парадоксальных» людей. С одной стороны, у всех членов волонтерской общности есть объективные основания для их объединения, с другой — волонтеры настолько разные, что они могут объединиться только на уровне отдельных подобщностей. Там, где решаются задачи государства, развиваются одни типы волонтерства. В это же время там, где отсутствуют интересы чиновников, развиваются другие типы добровольцев.

Итак, с нашей точки зрения, актуализируется необходимость в изучении среды, порождающей волонтерскую активность, в исследовании объективных и субъективных характеристик структуры общности волонтеров крупных российских городов. Важно проанализировать организацию разных видов взаимодействия городских волонтеров, обозначить принципы взаимодействия внутри общности волонтеров с теми, кому они оказы-

вают помощь, волонтеров с государством, властью и профессионалами. Необходимо дать оценку жизненным планам добровольцев и мотивации их поведения.

Согласно специфике волонтерской общности как ресурса социального управления легче всего выстраивать и развивать систему для регулирования деятельности ее членов в крупных городах как региональных центрах политической, экономической и социальной активности россиян. Поэтому рассмотрим волонтерскую общность в социологическом ракурсе, сопоставим данные федеральных опросов общественного мнения, отдельных всероссийских проектов, проанализируем результаты региональных исследований, сопоставим исследование волонтеров г. Екатеринбурга как российского мегаполиса и столицы Уральского региона с результатами других исследований.

4.3. Волонтеры в российском социологическом информационном пространстве

Социологические исследования сегодня показывают различные аспекты репрезентации волонтерского труда и самих волонтеров, их отражение в средствах массовой информации и в общественном сознании россиян. Рассмотрим саму реальность развития волонтерства и уровень рефлексии этой реальности в общественном мнении россиян. Соотнесем реалии деятельности членов волонтерской общности соотношением российского населения к их активности. Осуществим вторичный анализ данных всероссийских репрезентативных опросов и научных проектов.

Одна из ключевых проблем в изучении волонтерской общности в России сопряжена с целым рядом трудностей в идентификации волонтерства как социального явления в формальном и неформальном контекстах. По нашему мнению, это связано с *несформированностью в современной России национальной традиции волонтерства*. Закономерные последствия ее отсутствия мы видим в общественном мнении россиян, что во многом объясняет противоречивость их оценок и суждений относительно тех или иных аспектов волонтерства. В дополнение ко всему выше сказанному, отсутствие исторически сложившейся в обществе традиции оказывает существенное влияние на самоидентификацию самих волонтеров.

Безусловно, в историческом разрезе волонтерство в России существовало всегда, но принимало различные формы и виды общественной деятельности, реализовывалось в тех практиках, которые были актуализированы в ту или иную историческую эпоху. Элементы волонтерства можно выделить практически при любом политическом строе в различающихся социально-экономических условиях, однако только в гражданском обществе оно получает признанный статус и активное развитие.

Религиозное добровольчество, получившее широкое распространение и развитие до 1917 г., в советский период не могло развиваться по политическим причинам. Авторитет

русской православной церкви в СССР был значительно подорван, как были утрачены и те нормы, стереотипы поведения, которые она формировала в обществе не одно столетие. Немногочисленным остается число «воцерковленных» россиян (поданным ФОМ в 2013 г. из 64 % наших сограждан, причисливших себя к православным, таковыми являются лишь 12 %) [20]. По данным других исследований число истинно верующих в стране еще меньше, так как самооценка, положенная в основу многих социологических исследований религиозности населения, не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческой позиции россиян, которые в своих религиозных общинах готовы заниматься волонтерской и благотворительной деятельностью.

Международная идея светского волонтерства была привнесена в нашу страну «извне» и не успела стать социальной нормой, так как возрождение добровольчества начинается только со времен перестройки. Прообразы «квазиволонтерства» советского периода, как правило, носили обязательно-принудительный характер и привели к формированию негативного отношения населения к инициативам государства. На разных исторических этапах в России можно найти целый ряд примеров, когда в той или иной форме проявлялись различные добровольческие практики. Резкий разрыв в условиях их реализации наложил определенный отпечаток не только на формирование традиций волонтерской деятельности, но и на традиционные представления у населения о волонтерстве.

Отсутствие четкой определенности в представлениях о нем населения проявляется и в опросах общественного мнения. В различных исследовательских проектах волонтерство определяется и изучается как один из видов гражданской активности населения (ФОМ), либо как направление или форма благотворительности (ВЦИОМ, Левада-центр, Циркон). Эти методологические установки, по нашему мнению, не противоречат, а существенно дополняют друг друга. Они являются следствием, точнее отражением реального положения волонтерства в российском обществе, фиксирующим развитие относительно новых для нашей страны форм благотворительности, а также представляющим естественное разделение волонтерской общности на две условные подгруппы: регулярно работающих «настоящих волонтеров» (в терминологии исследователей ФОМ) и тех, кто время от времени оказывает помощь незнакомым людям вне институциональных структур.

По нашему мнению, рассмотрение волонтерства в контексте благотворительности населения, включая различные виды гражданской активности, намного ближе к современным реалиям. Кроме того, исследователи с определенной регулярностью фиксируют не только благотворительную активность россиян, но и замеряют изменения в отношении населения к благотворительности. Например, данные опросов Левада-центра показывают позитивную динамику в субъективных оценках значимости для России многих форм благотворительности (табл. 1).

**Распределение ответов россиян на вопрос:
«Какие формы благотворительности являются сегодня для россиян наиболее
действенными и эффективными?»**

(в процентах от общего числа опрошенных) [21]

<i>Формы благотворительности</i>	сентябрь 2006 г.	ноябрь 2012 г.
Адресная помощь («из рук в руки»)	62	59
Распределение помощи через государственные органы социальной защиты	15	17
Работа на добровольных началах, волонтерство	13	20
Распределение помощи через специальные благотворительные фонды, организации	13	12
Поддержка разовых благотворительных акций или участие в них	8	11
Другое	<1	<1
Затрудняюсь ответить	14	16

Интересно отметить, что каждый пятый респондент, принявший участие в опросе, отмечал работу на добровольных началах как наиболее действенную форму благотворительности. За шесть лет (2006–2012 гг.) согласных с этим утверждением россиян стало на 7 % больше, и волонтерство по уровню своей эффективности, по мнению населения, в рейтинге значимости переместилось на второе место, потеснив на третью позицию такую форму благотворительной деятельности как «распределение помощи через государственные органы социальной защиты».

Несмотря на выявленные положительные тенденции, число россиян, дающих хорошую оценку дееспособности волонтерства, значительно меньше по сравнению с теми, кто верит в эффективность помощи нуждающимся «из рук в руки». На наш взгляд, это может быть связано не только с распространенностью волонтеров в обществе, но и с уровнем информированности населения об их деятельности, который, по данным ряда исследований, остается достаточно низким.

Отсутствие у большинства россиян реалистичных представлений о конкретных волонтерах и том, что они могут делать и делают, может быть охарактеризовано как наличие низкой степени «когнитивной вовлеченности» индивидов в данную проблему или явление. Согласно аксиоме восприятия, сформулированной Д. Цаллером, «чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, то есть обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом» [22, с. 91]. Как нам кажется, выводы, сделанные исследователем в процессе изучения реакции людей на политическую информацию, могут обоснованно быть перенесены на рассмотрение волонтерства в русле социальной политики.

Согласно данным опроса ФОМ, большинство жителей российских городов выглядят не слишком информированными о деятельности добровольцев. Хорошо знают о них

только 15 %, «что-то слышали» — 35 % респондентов. Впрочем, уровень такой информированности несущественно изменился и через год. В 2013 г. среди всего населения что-то знали или что-то слышали о волонтерах 47 % россиян [14]. По результатам опроса ФОМ в 2012 г., неинформированных граждан больше среди людей старше 55 лет (53 %), против 44 % респондентов среднего возраста.

Исследователи приходят к интересным выводам. Во-первых, люди среднего возраста и молодежь, а также лица с высшим образованием информированы о деятельности активистов лучше представителей старшего поколения. Во-вторых, информированность или неинформированность о добровольцах является важным различительным признаком респондентов, позволяющим говорить не просто об «информационном эхе добровольчества», но о социальной среде добровольческой деятельности [23, с. 40].

В процессе эмпирической идентификации различных стилей жизни респондентов, по результатам содержательной интерпретации кластеров, построенных с помощью процедур факторного и кластерного анализа, исследователи ФОМ выделили ряд типологических групп, члены которых отличаются друг от друга разной степенью вовлеченности в социальное взаимодействие. В группу «реальных активистов» вошли: подгруппа «активистов» — неинституционализированных добровольцев, включенных в помогающее поведение, самоорганизацию по месту жительства (38 %); подгруппа «волонтеров»-добровольцев, включенных в деятельность тех или иных НКО, благотворительных фондов, обществ самопомощи и т. п. (4 %).

В дополнение аналитики выделили сравнительно большую по своей численности группу «аутсайдеров». В нее включили респондентов, замкнутых на личных проблемах и не включенных ни в реальную добровольческую активность, ни в виртуальную активность (38 %). Именно по этим выделенным группам наблюдаются существенные отличия в степени информированности их членов о волонтерстве. Данные опроса российского населения, проведенного ФОМ в 2013 г., свидетельствуют о том, что степень информированности о волонтерстве и волонтерских объединениях напрямую зависит от уровня социальной активности или степени вовлеченности респондентов в социальное взаимодействие. Другими словами, знают те, кому это интересно или кто с этим сталкивался.

Самый высокий уровень информированности отмечается среди тех, кто сам реально был задействован в каких-либо добровольческих практиках. Знают или что-то слышали о волонтерах в своем городе 66 % тех, кого исследователи отнесли к активной части волонтерского сообщества, также информированы 57 % респондентов, для которых характерны различные примеры помогающего поведения. Лишь 35 % социально неактивных горожан владеют какой-либо информацией о деятельности добровольцев.

Интересно отметить, что среди тех, кто что-то слышал или хорошо знает о волонтерстве в своем городе, достаточно много респондентов, осведомленных о деятельности конкретных волонтерских объединений. Закономерно, что среди выделенной группы во-

лонтёров отсутствуют те, кто не информирован о таких группах, практически каждый третий (31 %) из числа опрошенных не захотел отвечать на заданный вопрос. В группе «активистов» не знает о волонтерских сообществах в своем городе каждый пятый (19 %) из числа опрошенных. Не информирована о деятельности локальных волонтерских групп половина респондентов, отнесенных к группе социально-неактивных граждан. В целом, 7 % россиян, принявших участие в опросе ФОМ, не смогли точно сказать, есть ли у них знакомые люди, которые занимаются волонтерством или добровольчеством. Среди тех, кто имеет какое-либо представление о волонтерстве, 23 % респондентов затруднились дать ответ на вопрос о том, есть ли в их городе какие-либо добровольческие, волонтерские группы или объединения.

Исследование Левада-центра показывает, что жители крупных городов осведомлены о существующих объединениях граждан существенно больше остальных (особенно по отдельным видам организаций и инициатив). Не смогли назвать никакие общественные инициативы лишь 22 % жителей крупных городов. «Чаще всего респонденты в крупных городах могли назвать товарищества собственников жилья (53 %), благотворительные инициативы (38 %), объединения наблюдателей (38 %) и защитников архитектурного наследия (28 %), экологические, правозащитные и профсоюзные организации (40 % и 32 %). Хуже всего известна респондентам работа местных отделений политических партий (18 %), движения патриотического толка (16 %), антикоррупционные расследования (13 %)» [15, с. 38].

Данные различных опросов фиксируют характерную черту общественного мнения россиян относительно волонтерства, заключающуюся в отсутствии четкого представления о волонтерах и добровольцах. Например, отвечая на вопрос «Как называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учёбы) время делают общественно-полезные дела, либо помогают нуждающимся — гражданам, животным и т. п.?», 38 % респондентов, принявших участие во всероссийском опросе населения, затруднились дать какой-либо ответ, 38 % назвали их волонтерами, 6 % — добровольцами, 13 % — добрыми, хорошими милосердными людьми, альтруистами и т. д. [14].

Аналитики ФОМ пришли к выводу, что не только люди, наблюдающие за волонтерами со стороны, часто плохо понимают, что такое добровольчество, но и «внутри сообщества нет общепринятых представлений даже о таких, например, фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры» [24, с. 68].

Эти особенности обозначили и руководители НКО Свердловской области, привлекающие к своей деятельности волонтеров.

«У нас люди очень часто вообще не понимают слово само «волонтер», т. е. они его никогда не слышали и не знают, кто это такой — доброволец...» (Сотрудник НКО, 25 лет).

«Слово “волонтер” многих просто иногда пугает — не пугает, но растерянность появляется. Люди спрашивают: а кто это, а что это, а что нужно сделать и что за это будет?» (Руководитель благотворительной организации, 28 лет).

Таким образом, в массовом сознании российского населения *отсутствует четкое представление об общности волонтеров, о значении, важности и последствиях их работы, о сфере их деятельности.* По нашему мнению, ключевым фактором, определяющим сложившуюся ситуацию, является то, что деятельность добровольцев остается незамеченной. В связи с последними событиями информационной повестки дня, когда работа волонтеров в Казани, Сочи, Крыму нашла должное отражение в СМИ, заняла особое место в телевизионном новостном контенте, постепенно ситуация должна начать меняться.

Отсутствие волонтерской традиции порождает отсутствие социальной нормы волонтерской деятельности. Как следствие, возникают затруднения в идентификации волонтеров и определении их деятельности, хорошо объяснимые отсутствием стереотипных представлений о волонтерстве или добровольчестве в российском обществе. Еще У. Липпман писал: «Стереотипы последовательно и авторитетно передаются из поколения в поколение, что кажутся присущими физиологии индивида» [25, с. 95].

Специфика формирования стереотипов сознания россиян относительно волонтерства заключается в том, что при явном присутствии социального феномена волонтерства в российской истории в тех или иных проявлениях из дискурса исключался сам термин «волонтерство», либо использовалось понятие «добровольчество» исключительно в ограниченных смыслах. Таким образом, на протяжении достаточно длительного периода отсутствовала возможность выделять ключевые элементы самого восприятия, так называемые «ключевые слова», в которых в концентрированном виде выражается суть целого образа, представления или суждения» [26, с. 149].

Все явления социальной жизни отражаются в информационном пространстве. Они имеют определенный сознательный аспект, преломляются в восприятии и людей, нагружаются определенными смыслами и приобретают конкретные значения, важные для индивидуального и коллективного понимания и оценки этих явлений не только в настоящем, но и в будущем. В обыденном сознании россиян представления о современном волонтерстве только начинают складываться. Однако, *сегментированность волонтерской общности в России и отсутствие единых оснований, которые позволяли бы в обществе идентифицировать саму общность, а внутри нее открывали бы возможность ее членам идентифицировать друг друга, являются не только реальной проблемой волонтерства, но и методологической сложностью в его исследовании как ресурса социального управления.* Обратимся к анализу типологии волонтеров крупного российского города.

4.4. Типология городских волонтеров

Обратимся к нашим региональным исследованиям: материалам опроса волонтеров г. Екатеринбурга (2014 г., N=604; результатам экспертных интервью руководителей ведущих некоммерческих организаций Свердловской области различных типов (добровольческого движения, благотворительных фондов, регионального представительства международной благотворительной организации, региональных некоммерческих организаций), государственных социальных учреждений и служб (2013 г., N=22).

В логике уже существующих в России подходов к рассмотрению волонтерства (как формы благотворительности и как вида гражданской активности) мы провели опрос волонтеров г. Екатеринбурга, включив в выборочную совокупность тех горожан, кто по собственному желанию за последний год оказывал какую-либо безвозмездную помощь незнакомым людям. Основные задачи исследования заключались в необходимости изучения общности волонтеров российского мегаполиса, в выделении и описании ее структуры, в выявлении проблем развития волонтерства в городской среде и поиске возможных путей их решения. Модель выборочной совокупности волонтеров построена, исходя из данных всероссийского опроса ФОМ (данные по числу волонтеров в городах с населением более 1 млн человек), и отражает следующие критерии генеральной совокупности: возраст, пол, опыт работы в некоммерческих организациях.

Представим данные опроса волонтеров г. Екатеринбурга. В выборку включены 56 % женщин и 44 % мужчин. Удельный вес молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет среди опрошенных волонтеров составляет 31,5 %, людей в возрасте от 21 до 45 лет — 30,3 %, от 46 до 60 лет — 27,5 %, старше 61 года — 13,7 % от числа всех принявших участие в опросе. Высшее образование имеют 57 % респондентов, неполное высшее — 19 %, среднее профессиональное — 16 %, среднее общее — 8 %.

Распределение направлений волонтерской деятельности, в которых принимают участие волонтеры г. Екатеринбурга, представлено в таблице 2.

Таблица 2

Направления деятельности волонтеров, работавших и не работавших в НКО

(в процентах от ответивших в группе)

Направления деятельности	Все волонтеры*	Работали в НКО		Не работали в НКО	
		в процентах	ранг	в процентах	ранг
Помощь людям, нуждающимся в чужой помощи, находящимся в трудной жизненной ситуации	60	54	1	66	1
Помощь в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий	43	53	2	33	2
Профессиональная помощь (правовая, психологическая, бухгалтерская и т. д.)	28	32	3	23	4

Помощь сотрудникам НКО (фандрайзинг, работа с документами, реклама и т. д.)	18	28	4	8	8
Помощь в проведении предвыборных кампаний, политических акций	18	20	5	10	6–7
Помощь в экологических проектах	17	18	6	16	5
Помощь в охране общественного порядка	15	11	7	10	6–7
Помощь бездомным животным, зоопаркам и заповедникам	11	10	8	26	3
Помощь в поиске пропавших людей, животных	5	4	9	5	9
Помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий	2	-	10	3	10

** Сумма составляет более 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа.*

Наше исследование выявило существенную *проблему диспропорции в структуре социальной общности волонтеров по направлениям деятельности*. Чаще всего волонтеры г. Екатеринбурга оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (60 %). Вторую позицию по популярности среди волонтеров уральского мегаполиса занимает «событийное» волонтерство — помощь в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий (43 %). С нашей точки зрения, такое распределение объясняется двумя причинами. Во-первых, данные направления наиболее активно поддерживаются государством и освещаются в СМИ (создание государственных порталов о наборе волонтеров к определенным мероприятиям, Федеральный закон № 310–ФЗ от 01.12.2007 г. «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи»). Во-вторых, они наиболее привлекательны как для потенциальных доноров (поддерживаются спонсорами, заявлены в конкурсах и грантах), так и для государственного финансирования деятельности некоммерческих организаций.

Среди опрошенных волонтеров меньше всего тех, кто помогал ликвидировать последствия стихийных бедствий. Это объясняется спецификой временного периода проведения исследования (зимнее время, отсутствие стихийных бедствий, засухи, лесных пожаров, весеннего паводка и т. д.).

Среди респондентов г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 30 лет 66 % помогали в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий. Полученные нами данные разнятся с данными ВЦИОМ, где наиболее популярным видом добровольческой деятельности для молодых россиян является посадка цветов, деревьев, газонов, благоустройство (27 %), а помощь социально незащищенным категориям граждан располагается на третьей позиции рейтинга (21 %) [27]. В остальных возрастных категориях (31–45, 46–60, старше 60 лет) наиболее популярным видом волонтерской деятельности являлась помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, детям-сиротам, пожилым людям и т. д. Однако волонтеры в возрасте от 46 до 60 лет чаще остальных ока-

зывали профессиональную помощь (правовую, психологическую, бухгалтерскую и т. д.), что объясняется профессиональной зрелостью и богатым жизненным опытом респондентов данной возрастной группы.

Рассмотрим особенности распределения видов волонтерской деятельности среди волонтеров, работавших в НКО и вне каких-либо институционализированных структур (см. табл. 2).

Волонтеры, работавшие в НКО, чаще оказывают помощь как профессионалы и помогают сотрудникам некоммерческих организаций. Они включены в институциональные структуры и чаще всего ориентированы на реализацию профессиональной карьеры в данной сфере. Согласно данным опроса ФОМ «О помогающем поведении и добровольческой деятельности» в 2013 г., наиболее популярными направлениями деятельности среди респондентов, работавших в качестве волонтеров в составе каких-либо групп или организаций, являлись социально-бытовое (4 %) и экологическое (уборка территорий, посадка деревьев и т. д.) (3 %) [14]. Среди тех, кто безвозмездно помогал нуждающимся вне каких-либо организаций, более популярными являлись такие направления как «помощь бездомным животным, зоопаркам и заповедникам» и «помощь людям, находившимся в трудной жизненной ситуации». Реже среди них встречались те, кто помогал в организации и проведении культурно-досуговых и спортивных мероприятий.

Мы уже писали, что из-за отсутствия официальных статистических данных о реальной численности российских волонтеров целесообразно обращаться только к данным опросов общественного мнения и на основании самоидентификации граждан лишь примерно обозначать границы волонтерской общности. Однако результаты исследований не позволяют дать объективные ответы на следующие вопросы: кого сегодня можно считать волонтером при отсутствии формального (в нормативно-правовых документах) и неформального (в зеркале общественного мнения) закрепления характеристик членов волонтерской общности? все ли, кто себя называют волонтерами, таковыми являются? сколько тех, кто себя не идентифицирует как волонтер, но по своей сути им является?

Согласно концепции нашего исследования, волонтеры как члены одной общности осуществляют деятельность, имеющую социальный и экономический эффект. Эта деятельность характеризуется отсутствием или минимизацией оплаты труда и наличием выгоды для людей, не являющихся волонтеру близкими родственниками. Волонтеры всегда имеют выбор работы без принуждения и внешних обязательств. Характер их труда в рамках организации вне каких-либо организованных форм деятельности одинаков. Ценность волонтерства заключается в первую очередь в значимости волонтерской деятельности для самих волонтеров, в возможности реализации своих идей и убеждений, исходя из соотнесения ими своих возможностей и потребностей с потребностями других людей.

В методологии опроса горожан г. Екатеринбурга были сформулированы следующие критерии отнесения индивида к социальной общности волонтеров: 1) самоидентификация респондента как члена данной общности; 2) планы, намерения индивида заниматься во-

лонтерством в будущем; 3) моральное удовлетворение от волонтерской деятельности, являющееся эмоциональным критерием значимости волонтерства для самого волонтера.

На основе результатов опроса волонтеров-екатеринбуржцев приведем ряд их характеристик. Всех тех, кого можно отнести к членам волонтерской общности крупного мегаполиса, характеризуют моральное удовлетворение от волонтерского труда, планы продолжать волонтерскую деятельность как при условии их самоидентификации в качестве добровольцев, так и при ее отсутствии.

Наши данные позволяют условно выделить следующие подобщности внутри волонтерской общности крупного мегаполиса.

Первая подобщность — *«настоящие волонтеры»* (45,9 %). К ней мы отнесли добровольцев с наиболее высокой степенью гражданской активности, которую они реализуют как в некоммерческих организациях, так и вне их. Они идентифицируют себя в качестве волонтеров, получают от волонтерской работы моральное удовлетворение, рассматривают других волонтеров как единомышленников и планируют продолжать ее в будущем.

Вторая подобщность — *«потенциально активные волонтеры»* (17,5 %). Ее члены наиболее приближены к «настоящим волонтерам», окружают ядро активистов, являясь его периферией, резервом и потенциалом роста. Они далеко не всегда могут идентифицировать себя в качестве волонтеров, однако планируют продолжать волонтерскую деятельность в будущем.

Третья подобщность — *«потенциально пассивные волонтеры»* (17,8 %). К ней мы отнесли тех, кто не идентифицирует себя в качестве волонтера и не планирует продолжать волонтерскую работу в будущем. Однако члены данной подобщности остались удовлетворены своей волонтерской работой, что по разным причинам может служить «защепкой» для их возвращения к добровольчеству и включению в число членов социальной общности волонтеров.

Четвертая подобщность (примыкающая к «потенциально пассивным волонтерам») — *«полуволонтеры»* (12,5 %), члены которой также не планируют продолжать волонтерскую работу, не всегда получают от нее моральное удовлетворение, однако идентифицируют себя в качестве волонтеров.

Мы выделили подобщность *«случайных волонтеров»* (6,3 %), к которой были отнесены все, кто не идентифицирует себя в качестве волонтеров, не планируют продолжать волонтерскую работу и не испытали от результатов своей безвозмездной работы никакого морального удовлетворения (рис. 1).

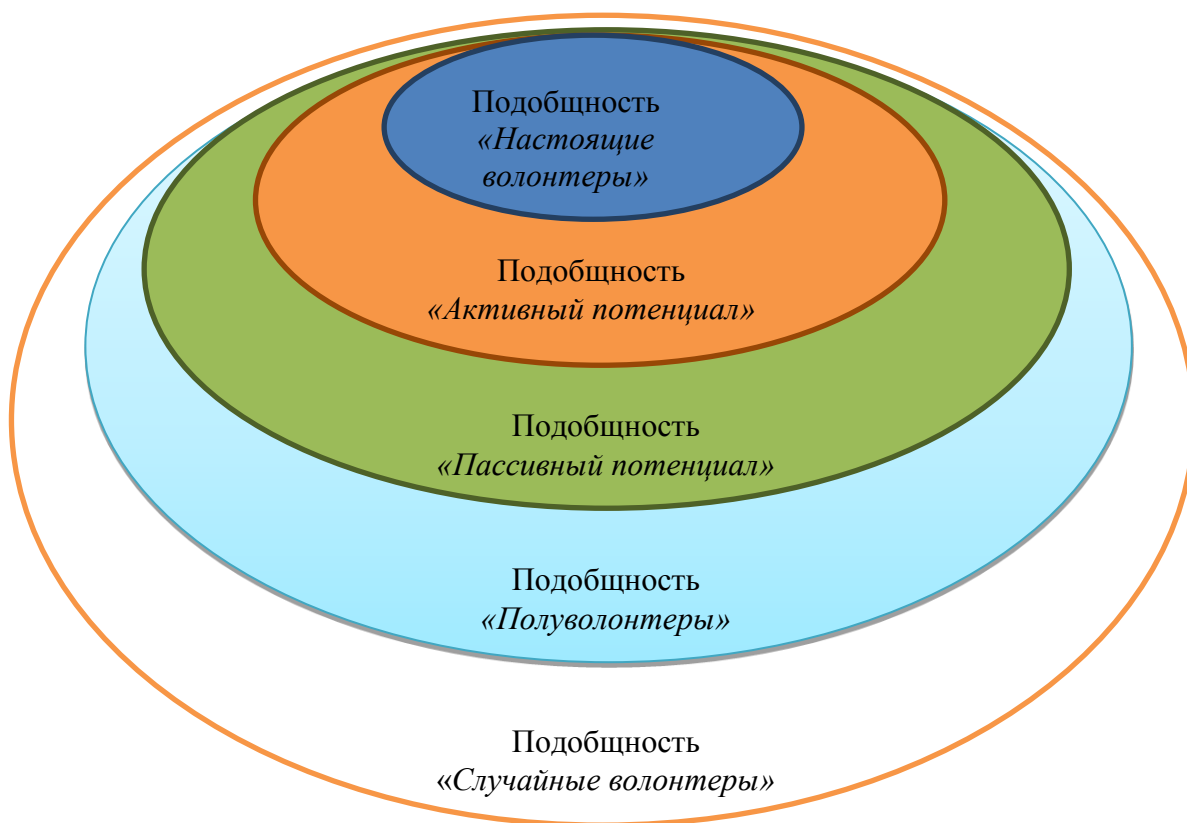

Рис. 1. Типология волонтеров г. Екатеринбурга по характеру самоидентификации, эмоциональным оценкам и планам

Рассмотрим каждую из подобщностей более подробно, для чего выделим и опишем их отличительные черты и особенности.

Подобщность «настоящих волонтеров» составляет чуть менее половины всей выборочной совокупности. Описывая социальный портрет ее типичного члена, можно сказать, что это ответственный, неравнодушный человек, чаще всего женщина (70 %) с высшим образованием, регулярно оказывающий(ая) безвозмездную помощь людям (40 % членов данной подобщности работают в качестве волонтеров не реже двух раз в месяц, 47 % — несколько раз в год). Большинство из них работали на добровольных началах в каких-либо некоммерческих организациях (78 %). Средний возраст «настоящих волонтеров» — 40 лет. Каждый второй респондент данной подобщности планирует продолжить работать в НКО.

Для «настоящих волонтеров» при доминировании альтруистических устремлений определяющими являются условия комфортной в коммуникативном плане среды для реализации каких-либо интересных направлений волонтерской работы. «Возможность помогать другим» мотивирует 57 % респондентов, «возможность общения с интересными людьми и интересная работа» важны для каждого третьего респондента (33 % и 32 % соответственно). На четвертом и пятом местах по значимости для «настоящих волонтеров» стоят «возможность найти друзей» (29 %) и «полезные знакомства» (27 %).

По мнению большинства (68 %) «настоящих волонтеров», основными барьерами развития волонтерства в нашей стране выступают «социальная апатия населения», «отсутствие у большинства россиян активной гражданской позиции и интереса к жизни других людей», «безразличие и потребительское отношение к жизни». Указанные нашими респондентами проблемы-ограничения отражают неоднозначное состояние социально-психологического климата, являющегося, по мнению исследователей ФОМа, следствием негативных экономических процессов [23].

Каждый второй волонтер выделенной подобщности считает необходимым компенсировать сопутствующие волонтерской работе затраты на проезд, питание и т. д. По мнению «настоящих волонтеров», повлиять на развитие волонтерства в нашей стране в большей степени может государство, большинство респондентов одобряют создание единой базы возможных вакансий для волонтеров (93 %) и государственную поддержку некоммерческих организаций (92 %).

В подобщности «потенциально активных волонтеров» практически равное число мужчин и женщин, в ней отсутствует значимая гендерная диспропорция (51 % — мужчины, 49% — женщины). Большинство «потенциально активных волонтеров» — это работающие люди (62 %) с высшим образованием (58 %). Средний возраст по группе — 36 лет. Из числа потенциально активных волонтеров 25 % — молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. В подобщности примерно равная численность тех, кто работал волонтером в НКО и кто помогал нуждающимся вне институциональных структур (51 % и 49 % соответственно). Существенным отличием данной подобщности является то, что 70 % ее членов допускают возможность работать на добровольных началах в организациях третьего сектора, что, на наш взгляд, характеризует их потенциал. Эти волонтеры периодически трудятся на добровольных началах, большинство (65 %) — 2–5 раз в год и чаще, они помогают людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В отличительных характеристиках мотивации потенциально активных волонтеров можно обозначить «возможность помогать людям» (64 %), а также рядоположенность по значимости мотивов общения и заинтересованности в профессиональном саморазвитии. Например, для каждого третьего волонтера ключевыми мотивами его деятельности являются «общение с интересными людьми» (33 %) и «определенный опыт работы» (34 %). «Значимость опыта общественно-политической деятельности» в качестве ведущего мотива волонтерства отметили 26 % респондентов.

Как ведущие стимулы развития волонтерства 45 % членов этой подобщности выделили «посещение культурно массовых и спортивных мероприятий» и «наличие медицинской страховки» (42 %). По мнению большинства «потенциально активных волонтеров», основными барьерами развития волонтерства в нашей стране являются «озлобленность людей» (43 %) и «недоверие в обществе в целом» (30 %).

В данной подобности примерно равное количество тех, кто уверен, что повлиять на развитие волонтерства в нашей стране в большей степени могут сами волонтеры (57 %), и тех, кто верит в результативность помощи волонтерам со стороны государства (55 %). Большинство потенциально активных волонтеров (94 %) одобряют создание единого информационного ресурса для добровольной регистрации, поиска вакансий и оформления заявок на участие в различных волонтерских программах.

В подобности «потенциально пассивных волонтеров» существует небольшая диспропорция по гендерным характеристикам, женщины составляют 60 % от числа всех волонтеров группы. Средний возраст этих волонтеров — 43 года. Потенциально пассивные волонтеры безвозмездно помогают людям реже, чем иные, описанные нами выше. Половина из них работала на добровольных началах время от времени (50 %), другая половина принимала участие в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год. Существенная характеристика данной подобности заключается в том, что большинство ее членов (91 %) работало вне институциональных структур и не допускают для себя возможность проявлять активность в НКО в будущем.

«Потенциально пассивные волонтеры» чаще остальных оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (74 %), и нередко делают это как профессионалы (30 %). Эти волонтеры являются единственной подобностью, где мотив «возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе» оказался на втором месте по значимости; его выделили 37 % респондентов.

Стимулировать добровольческую деятельность, по мнению «потенциально пассивных волонтеров», следует через налоговые льготы на доходы и компенсацию сопутствующих затрат. Среди «потенциально пассивных волонтеров» больше, чем среди других, тех, кто считает барьером, препятствующим развитию волонтерства в нашей стране, «отсутствие информации»; его назвали 37 % волонтеров. Возможно, именно поэтому каждый третий из данной подобности отмечает, что в большей степени повлиять на развитие волонтерства в России могут средства массовой информации.

Подобность «полуволонтеров» включает 48 % мужчин и 52 % женщин. Средний возраст — 32 года, каждый третий ее член (33 %) относится к возрастной группе от 18 до 24 лет. Большая половина волонтеров (55 %) была задействована на добровольных началах в организации и проведении культурно-досуговых и спортивных мероприятий, практически каждый четвертый привлечен к проведению политических акций и мероприятий. В выделенной подобности 71 % волонтеров работали безвозмездно 2–5 раз за последний год. Большая часть так называемых «полуволонтеров» (62 %) была вовлечена в деятельность каких-либо некоммерческих организаций. Их отличительная особенность заключается в том, что большинство волонтеров в своих планах на будущее не допускают возможность работать в третьем секторе (79 %).

По нашему мнению, феномен «полуволонтерства» — это нормальное, в некотором смысле даже позитивное явление, сопровождающее добровольчество со времен СССР. Во второй половине XX в. в СССР получили развитие различные формы общественной деятельности молодого поколения, которые, на наш взгляд, сегодня можно рассматривать как прообразы «квазиволонтерства» и «полуволонтерства». В первом случае можно говорить о деятельности студенческих отрядов, в которых молодежь работала в добровольно-принудительном порядке и частично получала за это оплату своего труда. По мнению О. В. Щупленкова, государство через систему студенческих отрядов приобщало молодое поколение к труду, прививало базовые ценности, воспитывало чувство высокой гражданской сознательности и патриотизма [28].

Примером «полуволонтерства» можно считать деятельность в рамках общественных молодежных и детских организаций октябрят и пионеров, где по прообразу «тимуровских команд» советские школьники помогали ветеранам, собирали макулатуру и металлолом, принимали участие в общественных мероприятиях и т. д. Мы относим эти виды деятельности именно к «полуволонтерству», так как основным принципом включения детей и подростков в данные общности являлась обязательность. Но по сути в одном коллективе могли состоять те, кто оказывал помощь другим людям по собственному желанию, в соответствии с убеждениями, и те, кто делал это формально или по принуждению.

Именно в ситуации, которая порождается «полуволонтерской деятельностью», человек понимает, своим ли делом он занимается. В качестве еще одной особенности данной подобщности необходимо отметить большую ориентированность ее членов на реализацию карьерных установок. Ключевыми мотивами наших «полуволонтеров» являются карьерные мотивы: «полезные знакомства» выделили 39 % респондентов. В качестве необходимых для волонтеров стимулов по трети из них (по 34 %) обозначили «получение льгот на оплату обучения» и «важность формального учета отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики». В качестве ключевой меры государственной поддержки 91 % «полуволонтеров» указали «выделение бюджетных средств на развитие волонтерства».

Так как в данной подобщности молодых людей от 18 до 30 лет (18–25 лет — 32 %, 25–30 лет — 15 %) существенно больше, чем в других выделенных нами подобщностях, можно говорить о характере их вовлеченности в добровольчество созданными для этого условиями внешней среды. Сегодня в России массово привлекается молодежь (как правило, на базе образовательных учреждений) к общественно-значимым формам деятельности, волонтерские практики артикулируются (на уровне общественной пропаганды, в масс-медиа) как возможные механизмы самопродвижения. Выделенный нами возрастной период — это время старта личного и профессионального развития молодых людей. Устремленность к карьере, внутренняя мотивация в созданных условиях заставляет пробовать все возможные механизмы роста, которые предлагает внешняя среда. Кто-то по-

нимает суть волонтерской деятельности и переходит в первую и вторую подобности нашей типологии, кто-то разочаровывается, но уже «из песни слов не выкинешь».

Кроме того, среди «полуволонтеров» больше тех, кто в качестве барьера отмечает «сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности» (32 %), что, возможно, связано с расхождением представлений о волонтерстве как проявлении альтруизма и реальными эгоистическими, карьерными мотивами таких «полуволонтеров».

Большинство «случайных волонтеров» — мужчины (73,7 %), которые работали в качестве волонтеров 1–2 раза в году (84,2 %) вне каких-либо НКО. В целом эта подобность достаточно малочисленна и в дальнейшем была исключена из анализа.

Таким образом, ключевыми отличительными чертами каждой из подобностей являются: специфика мотивации их членов, характеристики регулярности деятельности, самоидентификация волонтеров и их вовлеченность в деятельность некоммерческих организаций. При этом важно отметить, что волонтеры, работавшие в НКО и вне каких-либо структур гражданского общества, присутствуют в каждой из обозначенных выше общностей. Однако наибольшая концентрация тех, кто работал и работает добровольцем в некоммерческих организациях, выявлена в подобности «настоящих волонтеров». Те же волонтеры, кто не вовлечен в деятельность третьего сектора (реализуют модель «помогающего поведения»), доминируют по своей численности среди «потенциально пассивных волонтеров».

Общность российских волонтеров имеет свою специфику. Стихийно формируется ее структура, включающая в себя отличные друг от друга подобности волонтеров, занимающихся добровольческой деятельностью по разным направлениям. Однако главная особенность общности волонтеров заключается в том, что в российских городах независимо друг от друга, практически параллельно существуют и работают две большие условно выделенные структуры волонтеров. К первой («формальные волонтеры») относятся те добровольцы, которые осуществляют безвозмездную помощь другим людям в рамках деятельности каких-либо некоммерческих организаций, как правило, имеющих связь с социальными организациями, исполнительными органами власти, образовательными учреждениями. Ко второй структуре («неформальные волонтеры») отнесем тех, кто оказывает безвозмездную помощь вне каких-либо институциональных структур. Они могут осуществлять свою волонтерскую деятельность в одиночку или объединяясь с другими людьми на неформальной основе.

Материалы наших исследований позволили выделить по разным основаниям и охарактеризовать различные подобности волонтеров. Благодаря этому мы можем не только рассмотреть структуру самой общности, но и понять характер внутренних и внешних связей ее членов, специфику взаимодействия с другими городскими общностями. Выстроенная в работе типология может быть в дальнейшем использована для дифференци-

рованного подхода к решению проблем управления волонтерским движением с учетом особенностей и многообразия волонтерских подобщностей внутри него.

4.5. Структура волонтерской общности и взаимодействие городских волонтеров

Сопряженность признаков регулярности волонтерской деятельности и включенности волонтеров в деятельность организаций третьего сектора является одним из тех оснований, которое позволяет дать характеристику наиболее распространенных в городской среде типов волонтеров. Специфика их функционирования определяется характером разных видов взаимодействия городских волонтеров как внутри общности между ее членами, так и с теми, кому волонтеры оказывают помощь, с различными общностями и группами горожан, с которыми им приходится пересекаться по роду своей деятельности, с чиновниками и профессионалами.

Наряду со спецификой волонтерской деятельности, главным, что, с одной стороны, объединяет «формальных» и «неформальных» волонтеров, а, с другой стороны, дает возможность говорить об их отличии, является ресурс времени, который они могут, хотят и тратят на волонтерскую деятельность. Результаты опроса волонтеров г. Екатеринбурга продемонстрировали существенную разницу по показателю «регулярность волонтерской работы» (коэффициент корреляции Крамера — 0,407) в двух выше обозначенных нами подобщностях (см. табл. 3).

Таблица 3

Регулярность волонтерской деятельности в подобщностях «формальных» и «неформальных» волонтеров (в процентах от числа ответивших в группе)

Альтернативы	Подобщности волонтеров		Общность в целом
	Формальные	Неформальные	
Не реже двух раз в месяц	32	5,5	19
2–5 раз в год и более	48,5	43,5	46
1–2 раза в год	19,5	51	35
Всего	100	100	100

Практически каждый третий (32 %) доброволец из числа «формальных волонтеров» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5 %). Каждый второй респондент (48,5 %) первой подобщности безвозмездно помогает другим время от времени, каждый пятый (19,5 %) участвовал в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таких 51 % от числа всех респондентов данной подобщности. Результаты ис-

следований ученых НИУ «Высшая школа экономики», которые реализовали крупный федеральный проект по изучению благотворительности в российских регионах, показывают, что россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной некоммерческой организации, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36 % против 5 и 15 % среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал) [29, с. 48]. Хотя наши данные также демонстрируют резкое отличие между выделенными подобщностями, важно отметить, что в Екатеринбурге число тех, кто редко занимается волонтерством, среди всех волонтеров значительно меньше, чем в целом по России. Таким образом, можно заключить, что *благоприятная институциональная среда способствует повышению регулярности деятельности волонтеров*.

В целом для большинства «неформальных волонтеров» характерна ограниченная регулярность волонтерского труда. На наш взгляд, это может быть связано с ситуативным объединением людей для решения каких-либо трудностей, затрагивающих их личное пространство. Решение этих проблем (например, уборка двора, очистка реки, лесопарка, тушение пожара и т. д.) не влечет за собой формирование тесных отношений между большинством горожан, работавших вместе волонтерами на неформальной основе. Исчезновение проблемы означает потерю основы для их объединения. Например, по заключению исследователей Левада-центра, ситуация «беды» устойчивые связи между людьми не создает. «Решение проблемы часто означает распад наскоро сложившихся сообществ» [17].

В том случае, когда остается личный интерес к какой-либо проблеме и возникает определенный уровень солидарности добровольцев, тогда желание заниматься этой деятельностью заставляет их искать имеющиеся, либо создавать новые институционализованные структуры в третьем секторе для реализации своих намерений. Речь идет об определенном состоянии личности волонтера как активиста, когда жизненная коллизия, с которой человек непосредственно столкнулся, становится стимулом его гражданской активности. «Это могут быть “материальные” события, случившиеся с ним самим, с родственниками, друзьями, соседями. Или это могут быть “духовные” изменения, случившиеся под влиянием каких-либо обстоятельств, и осознаваемые как личный интерес» [30, с. 20]. При этом условии регулярная добровольческая работа «неформального волонтера» в определенный момент способствует тому, что он примыкает к тем, кто реализует свою гражданскую активность в определенных институциональных рамках. Такие люди, как правило, ищут единомышленников в третьем секторе, чтобы присоединиться к ним, либо способствуют тому, чтобы к ним присоединялись другие «неравнодушные».

Рассмотрим наиболее популярные подобщности «неформальных» волонтеров. Среди объединяющихся добровольцев, работающих время от времени или достаточно редко, наиболее популярными, на наш взгляд, являются стихийные объединения людей для создания благоприятной среды своего проживания. Согласно данным ФОМ, среди горожан городов-миллионников на субботники, на мероприятия по благоустройству дома, приле-

гающей территории выходили 32 % горожан. Участвовали в ремонте, уборке подъезда силами жильцов 18 % респондентов [24, с. 22].

Исследователи центра «Грани» предлагают интересную типологию неформальных волонтеров, члены которых реализуют «городское гражданское творчество» [30, с. 30]. Опишем лишь некоторые, наиболее интересные и распространенные из них. Достаточно обширной подобщиностью «неформальных» волонтеров можно считать стихийно объединяющихся родителей. Исследователи центра «Грани» маркируют их как *«устойчивые самоорганизованные сообщества активных родителей»*. Еще одна подобщиность названа ими *«новыми добровольцами»*. В нее оказались включены волонтеры добровольных поисково-спасательных отрядов, добровольные пожарные, участники массовых субботников, волонтеры, осуществляющие поиск пропавших детей, занимающиеся больничной клоунадой и т. п. Достаточно распространены сегодня *«защитники животных»*, т. е. те волонтеры, которые организуют содержание и поиск новых хозяев для брошенных и подвергшихся жестокому обращению домашних животных, а также *«стрит-практики»*, объединяющие создателей новых городских художественных объектов в мегаполисах. Интересна подобщиность *«городская культура и образование»*, члены которой проводят по личной инициативе городские просветительские и культурные мероприятия.

Мы представили далеко не полный перечень возможных подобщиностей «неформальных» волонтеров, однако следует обозначить два важных момента, объединяющие практически все существующие стихийно сложившиеся сегодня волонтерские сообщества. Во-первых, для всех без исключения подобщиностей «неформальных» волонтеров характерна определенная специфика — они объединяют для волонтерства людей, имеющих какие-либо общие интересы. Во-вторых, им свойственна очень тонкая грань между формальными и неформальными условиями реализации их деятельности. Практически все члены данных подобщиностей в городской среде могут работать волонтерами, как с участием некоммерческого сектора, так и без него. Однако, по нашим данным, именно «формальные волонтеры» несут в себе ключевой потенциал волонтерства.

Рассмотрим волонтеров, имеющих опыт работы в НКО, как наиболее реальный ресурс развития добровольческих практик. В зависимости от вовлеченности волонтеров в деятельность третьего сектора, отталкиваясь от характеристик регулярности осуществляемого ими добровольческого труда, можно выделить и описать наиболее распространенные в городской среде группы или типы «формальных волонтеров», тем самым раскрыть еще один срез внутренней структуры волонтерской общности в целом. Причем важно отметить, что мы не говорим о полной представленности возможных объединений, но выделяем и анализируем наиболее типичные сообщества среди «формальных» волонтеров (см. рис. 2).

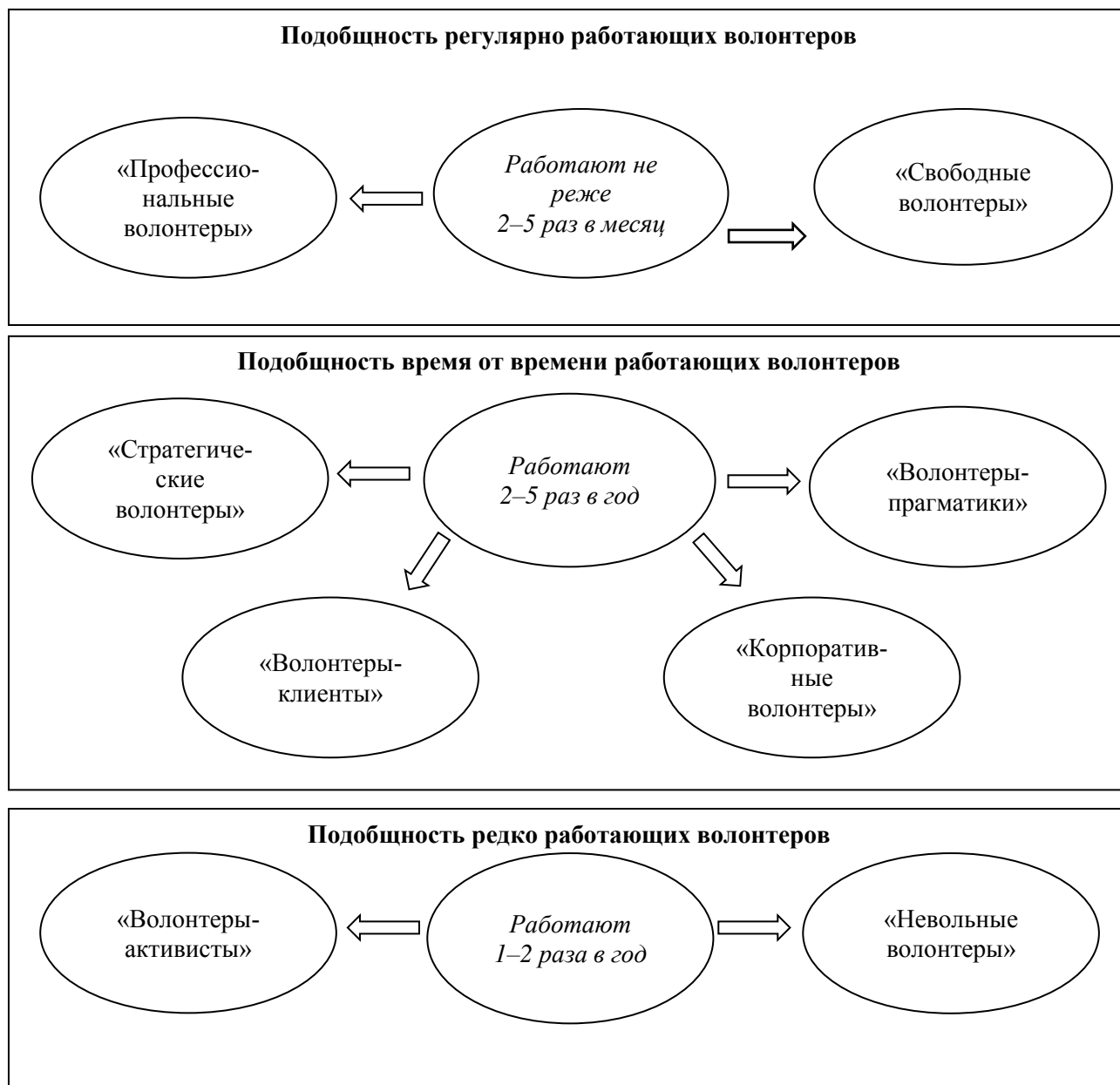

Рис.2. Доминирующие группы «формальных волонтеров» с разным уровнем регулярности волонтерской деятельности

По критерию регулярности волонтерской деятельности всех членов волонтерской общности, вовлечённых в деятельность НКО, условно можно разделить на три подобности, выделив при этом внутри каждой ряд доминирующих в ней групп. Первая подобность включает в себя «*профессиональных волонтеров*» — добровольцев, имеющих непосредственное отношение к сфере социальной работы, а также «*свободных волонтеров*» — тех, кто регулярно работает в организациях третьего сектора, но при этом имеет постоянную занятость в других секторах экономики. В последнюю группу, обозначенную нами выше, включены те волонтеры, которые с определенной регулярностью работают в НКО и социальных учреждениях, исходя из своих потребностей и убеждений. Жизненные обстоятельства очень часто приводят к тому, что наименьшая часть таких

добровольцев становится «профессиональными волонтерами» и работает в третьем секторе, наибольшая — постепенно переходит во вторую, выделенную нами и описанную ниже подобщность.

Вторая подобщность волонтеров, оказывающих безвозмездную помощь нуждающимся в ней людям, работая в различных организациях, объединяет тех представителей общности, которые могут включаться время от времени в какие-то проекты, приходить на помощь в том случае, если в них будут нуждаться и их позовут. Один из наших экспертов назвал таких волонтеров «*стратегическим запасом НКО*», пояснив, что в силу жизненных обстоятельств эти люди не всегда могут работать волонтерами в том же режиме, как они это делали ранее (до рождения детей, устройства на новую работу и т. д.). Однако на этих людей всегда можно рассчитывать. Еще одна группа — это «*волонтеры-прагматики*» или карьеристы. Большинство из них — молодые люди, которые целенаправленно приходят в третий сектор работать на добровольных началах, чтобы решать свои личные задачи.

Следующая специфическая группа волонтеров — те, кто время от времени работает в государственных учреждениях. Это — сами «*волонтеры-клиенты*» данных учреждений, включаемые в различные социальные проекты с целью их (клиентов) реабилитации или рекреации. Как в государственных социальных учреждениях, так и в некоммерческих организациях сегодня время от времени на добровольных началах трудятся немногочисленные коллективы из группы «*корпоративных волонтеров*», состоящие из людей, трудоустроенных в какой-то одной организации.

Подобжности, включающей в себя волонтеров, которые 1–2 раза принимали участие в волонтерских проектах, труднее всего дать оценку. Как правило, она состоит из «*волонтеров-активистов*», которые могут одновременно включиться в какие-то проекты организаций, прийти на помощь в том случае, если им это будет интересно. Так называемые «*невольные (случайные) волонтеры*», как правило, приходят работать в организации и учреждения добровольцами «за компанию» и очень быстро уходят.

Первоначально опишем ядро волонтерского сообщества крупных городов, которое можно охарактеризовать как часть общности по ряду характеристик, схожую с профессиональной или полупрофессиональной общностью. П. В. Шевченко в своем исследовании московского волонтерства дал очень важную характеристику добровольчеству как «модусу жизни», подчеркнув особую значимость времени как ресурса общности и личности волонтера [31, с. 63].

Участие в волонтерской деятельности, кроме желания, требует времени. Главным ограничением в регулярности волонтерской работы сами волонтеры считают именно отсутствие или недостаток свободного времени. Как правило, для таких людей волонтерство — это часть образа жизни, в котором профессиональная деятельность переплетается с добровольчеством, рабочее время не имеет границ и пересекается с временем для от-

дыха. Наши данные показывают, что среди тех, кто регулярно занимается волонтерством, достаточно значительная часть — 18 % респондентов — не разграничивают по содержанию и по своему отношению к работе профессиональную и добровольческую занятость, тогда как среди волонтеров других групп число таких людей значительно меньше (4 % и 8 %) соответственно.

Если описывать регулярно работающих волонтеров, можно отметить, что по интенсивности труда и показателю вложенного в добровольческие практики времени на первом месте находится большинство сотрудников организаций третьего сектора и специалистов государственных социальных учреждений. Объединяющим в одну общность началом для этих профессионалов и волонтеров является не только суть и социальная значимость их деятельности, но и самоидентификация. На наш взгляд, в этом состоит еще одна особенность специфики формирования общности волонтеров в нашей стране, где наиболее значимой оказывается роль «профессиональных волонтеров». В этом смысле «профессиональные добровольцы» при отсутствии условий для своей самореализации (в отличие от других развитых стран, где волонтерством можно профессионально заниматься, работая в организациях и получая ресурсы для удовлетворения первичных нужд, обучения и т. д.) создают эти условия в некоммерческом секторе, либо реализуют себя в социальной сфере, где проявляют активность, вовлекая в эту деятельность свое ближайшее окружение.

Интересно отметить, что сотрудники НКО, также как и специалисты по социальной работе в государственных учреждениях, сами идентифицируют себя как членов волонтерской общности. Они не только ощущают, но и называют себя волонтерами. При этом во многом данная самоидентификация связана не только с уровнем оплаты за проводимую работу, но и с добровольностью сделанного выбора, эмоциональной нагрузкой и спецификой деятельности.

В российских НКО в условиях дефицита ресурсов очень часто постоянные сотрудники работают наравных с волонтерами, которых они привлекают к своей деятельности. Например, про свою работу в НКО один из наших экспертов сказал следующее: *«Мы же сюда осознанно пришли. Мы же не пришли, потому что нам некуда деваться... Если можно так сказать, я сам волонтером был, когда все это начинал, ими остался...»* (руководитель НКО, 38 лет). Такое тесное взаимодействие сотрудников НКО и волонтеров во многом объясняет трудности в статусном и функциональном разграничении деятельности исполнителей и организаторов тех или иных работ, поддерживает содержательное единство труда профессионалов и добровольцев, формально способствует единству восприятия самой деятельности, формированию общности волонтеров как профессиональной.

Несколько схожая ситуация проявляется и в государственных учреждениях социальной политики, где специалисты *«за пределами государственного задания»* выполняют много работы, помогая нуждающимся во вне рабочее время.

«Особая категория волонтеров — это наши сотрудники. Они, естественно, бывают в разных ситуациях, не все прописано, что мы должны делать. Допустим, что-то не входит в обязанности моих сотрудников, но мы приходим, и делаем, и помогаем» (руководитель участковой службы, 41 год).

«Добровольчеством мы и занимаемся всю свою профессиональную жизнь практически. Мы сегодня разговаривали, что на нормальной работе люди все с работы домой тащат, а мы из дома на работу.... Бывает, лица без определенного места жительства приходят, которым кушать надо. Грубо говоря, мы пошли купили что-то, приготовили, накормили, принесли, одели. Это тоже добровольчество. Это не прописано в наших должностных обязанностях. Мы делаем и не уходим из профессии. Либо ты такой, либо ты у нас не выживешь» (сотрудник Центра помощи пенсионерам и инвалидам, 45 лет).

Таким образом, российские НКО и многие социальные учреждения выступают центрами сосредоточения и локализации профессиональной части общности волонтеров. Подтверждение этому можно найти не только в результатах нашего опроса, но и в научных работах других исследователей. В частности, относительно сотрудников НКО Д. Волков в своем исследовательском отчете приводит следующую цитату, характеризующую практически всех членов данной общности: *«Это просто энтузиасты, про таких в армии говорят "с пулей в голове". Т.е. это люди, просто решившие себя посвятить этому делу, этому интересу, не приносящему доходов. У них благая цель, чтобы мир стал лучше из-за того, что именно они вот будут в этом процессе участвовать»* [32, с. 25].

По нашему глубокому убеждению, в современной России большую часть волонтеров, которую можно отнести к подобщности регулярно работающих добровольцев, составляют люди, имеющие непосредственное отношение к сфере социальной работы, постоянно работающие в организациях третьего сектора или государственных социальных учреждениях.

Также к активно работающим волонтерам или к группе, которую мы маркировали как *«свободные волонтеры»*, наши эксперты отнесли тех, кто с определенной регулярностью в силу своих устойчивых, непоколебимых убеждений и возможностей, как правило, временных, оказывают какую-либо безвозмездную помощь в любых направлениях деятельности НКО. По оценкам экспертов, эти волонтеры — активные, деятельные молодые люди, имеющие профессию и основную трудовую занятость, с различным уровнем дохода (главная их характеристика — ощущение его достаточности), с определенной регулярностью включающиеся в деятельность НКО. Наши данные подтверждают выводы исследователей ФОМ, которые отмечают: *«Добровольцы — вне зависимости от выбора сферы применения своей активности — являются (или, по крайней мере, ощущают себя) в целом обеспеченными людьми»*. Лидеры НКО, принимавшие участие в исследовательском проекте ФОМ, определили своих волонтеров как *«благополучных»*, *«состоявшихся»*, *«достаточно успешных»* и *«материально устойчивых людей»*, но и *«не супер бога-*

тых», так как высоко ресурсные группы предпочитают денежные пожертвования волонтерским практикам [23, с. 23].

Характер взаимодействия внутри подобщности регулярно работающих волонтеров во многом определяется тем, что в отдельных организациях (как некоммерческих, так и государственных) имеются достаточно тесные внутренние связи между волонтерами и сотрудниками, организующими волонтеров и привлекающими их к своей деятельности. Это взаимодействие позволяет отношения внутри локальной волонтерской общности сравнивать с семейными.

«...Потом, если волонтеры, которые, ну, вот остаются с нами, остаются там постоянно ходить в больницу, либо помогают нам в профессиональной деятельности, мы приглашаем их на наши праздники в качестве участников, просто в качестве там гостей, своих уже и т. д.» (психолог НКО, 25 лет).

«Мы периодически общаемся, созваниваемся, узнаем, как у кого дела, кто куда ходил, какие у кого проблемы и т. д.» (руководитель НКО, 44 года).

Высокий уровень взаимопонимания между регулярно работающими волонтерами обеспечивается схожестью их взглядов, мыслей и убеждений. В итоге, чем выше регулярность добровольческой активности, тем психологически комфортнее взаимодействие волонтера с другими волонтерами как единомышленниками. Среди тех, кто регулярно работал на добровольной основе, 83 % респондентов ощущают себя в кругу единомышленников, когда общаются с другими волонтерами. Всего 71 % таких добровольцев входят в число тех, кто занимается волонтерством время от времени. Еще меньше (34 %), чувствующих себя комфортно во взаимодействии с другими волонтерами, выявлено в группе опрошенных, принимавших участие в волонтерских проектах всего один или два раза за год.

Основную часть подобщности волонтеров, помогающих незнакомым время от времени, можно назвать «волонтерами-прагматиками» или карьеристами. Волонтеры данного типа целенаправленно и осознанно работают в некоммерческих организациях определенный период времени, готовы выполнять любые обязанности. Их главная цель — получить практический опыт, либо рекомендации, необходимые для дальнейшего трудоустройства.

«В последние буквально три года идут волонтерами те, кто хочет, чтоб им записали, сделали запись, желательно в трудовой книжке, что они являются, работали волонтерами... Вопросов и претензий к их работе каких-то особенно нет» (сотрудник НКО, 42 года).

«...Это поколение молодежи, оно совершенно другое. У них совершенно другие цели и задачи, они идут в волонтерство, чтобы получить какой-то опыт в профессии или рекомендации» (руководитель НКО, 45 лет).

Жизненные обстоятельства очень часто приводят к тому, что наименьшая часть волонтеров подобщности регулярно работающих добровольцев начинают сотрудничать в

НКО, наибольшая постепенно переходит в подобность волонтеров, занятых на добровольных началах время от времени.

В государственных социальных учреждениях достаточно широко представлена группа «волонтеры-клиенты». Как правило, членами данной, во многом специфической группы, являются люди, сами нуждающиеся в поддержке, чаще всего профессиональной, специализированной помощи. В эту группу целесообразно включить таких социально незащищённых людей как: пенсионеры, инвалиды, лица без определенного места жительства, граждане, освободившиеся из мест лишения свободы. Все они в той или иной форме на добровольной основе оказывают безвозмездную помощь другим людям. Практики социальной работы, где подобное вовлечение в социальное взаимодействие клиентов социальных служб из числа депривированных или даже маргинализированных социальных групп, рассматриваются как «инновационные методы социальной работы». Если в зарубежных странах такие социальные технологии получили широкое распространение, то в современной России это направление социальной работы только возникает и реализуется по принципу «инициативы на местах».

При этом в социальных центрах крупных городов (в частности, речь идет о столице Урала) регулярно проводятся мероприятия по активизации и вовлечению клиентов в различные виды добровольческой деятельности. Например, подобная работа ведется среди инвалидов.

«Вот наши инвалиды — это получатели социальных услуг. И тут же они ходили костюлы относили своим, газетки покупали таким же инвалидам, кому хуже еще. Я считаю, что это высшая степень добровольчества по большому счету» (руководитель Комплексного центра социального обслуживания населения – КЦСОН, 51 год).

«Еще одна категория волонтеров-добровольцев — это лица без определенного места жительства и те, кто освободился из мест лишения свободы, бывшие наркоманы. Они у нас ходили к участникам ВОВ, они сажали картошку, полы красили...» (руководитель участковой службы, 41 год).

Еще к этой категории специалисты относят одиноких, нуждающихся в помощи пенсионеров, которые являются клиентами КЦСОН.

«У нас очень много пенсионеров, сначала мы с ними организовали досуговый клуб, теперь они самостоятельные, ходят к детям в дома ребенка, садики, школы, спектакли показывают. Они тоже ведь добровольцы?» (руководитель КЦСОН, 51 год).

Характерной чертой волонтеров данной группы является потребность в курировании или сопровождении их деятельности со стороны. Само же добровольчество для этой категории лиц имеет определенный терапевтический эффект, оно выступает механизмом ресоциализации личности, открывает клиенту-волонтеру возможность оказаться в новой социальной роли.

«Как правило, эти люди нацелены, они сами хотят это сделать. Дашь какой-то шанс человеку и не ждешь от него чего-то особенно. Как правило, он выложится на 100 %» (руководитель участковой службы, 41 год).

Включение волонтеров с ограниченными возможностями в добровольческие практики является одним из способов устранения последствий проблемы «блазированности в крупных городах — взаимоотношений людей в пространстве города, характеризующихся обезличиванием людей и города, взаимной замкнутостью и безразличием» [33, с. 26]. В качестве ожидаемых результатов такого вида добровольчества можно прогнозировать сокращение социальных дистанций между инвалидами и их окружением, включение в систему повседневности тех людей, которые на протяжении многих лет из нее вытеснялись.

Как в государственных, так и в некоммерческих социально-ориентированных организациях на добровольных началах время от времени работают группы людей, которые являются сотрудниками одного учреждения. *«Корпоративных волонтеров»*, как правило, характеризует ответственное отношение ее членов ко всему, за что они берутся.

«С банками у нас договор о социальном партнерстве заключен, по праздникам они приходят, подарки приносят, конкурсы организуют...» (сотрудник КСЦОН, 42 года).

«Корпоративные волонтеры» полностью обеспечивают ресурсами те направления деятельности, которые они реализуют. Работа таких добровольцев носит проектный характер и обычно привязана к определенным значимым датам. Сотрудники коммерческих компаний организуют мероприятия, обеспечивают их реализацию не только человеческими кадрами, но и материальными и информационными ресурсами. Однако говорить о том, что этот вид волонтерства сегодня массово распространен, а сама группа «корпоративных волонтеров» многочисленна, не представляется возможным.

В подобность редко работающих волонтеров, как правило, эксперты включают тех, кто готов одновременно поддержать какие-то социальные инициативы и откликается на обращения различных некоммерческих организаций и социальных учреждений. Наиболее распространенными типами волонтеров в этой подобности являются *«волонтеры-активисты»* и *«невольные (случайные) волонтеры»*. Волонтеров-активистов характеризует спонтанное желание поучаствовать в чем-либо массовом (в новом, интересном, незнакомом и т. д.), эпизодическое участие в какой-либо деятельности без особой подготовки, низкий уровень осознания целесообразности самой деятельности, непонимание целей и смысла участия в ней.

«...Вдруг появилось желание, появилось время, он провел какую-то акцию, поучаствовал в каком-то деле... да, почему бы и нет? Ведь таких большинство» (психолог НКО, 25 лет).

«Невольные волонтеры», как правило, приходят работать в организации и учреждения добровольцами случайно. Многие присоединяются к ней в эмоциональном порыве, быстро сгорают, не справляются и уходят.

«Те, кто не может, и те, кто понимает, что это не его, они сами отсеиваются. Т. е. они уходят, они просто пропадают почти сразу (руководитель НКО, 40 лет).

«Ну и вообще, к нам периодически приходит народ... Другое дело, что вот они прошли эту школу, они приходят в детские больницы и через неделю, через две, остается, в лучшем случае 1 человек...» (психолог НКО, 24 года).

Примерно схожим образом характеризуют членов данной группы и сотрудники государственных социальных учреждений.

«Большинство студентов не готовы работать серьезно и надолго. А те люди, которые делают это разово, ну, пришел, поигрался... Это люди, которые вроде бы и делают, но с другой стороны, они не нацелены на результат. Отбывают...» (руководитель участковой службы, 41 год).

Отметим, что сотрудники российских НКО неоднозначно относятся к массовому привлечению волонтеров в свои организации в силу их текучести, больших и, как правило, не всегда оправданных ресурсных затрат на обучение и подготовку новичков. Исследователи ФОМ также отмечают, что отношение лидеров общественных организаций к добровольцам неоднозначно: для них добровольцы — это и ресурс, и обуза [23, с. 64.]. Согласно их мнению, добровольцы — безусловный ресурс, который помогает в деятельности НКО, работает на имидж третьего сектора. С другой стороны, работа с добровольцами требует больших усилий, чтобы эффективно управлять ими, постоянно их мотивировать, обучать и контролировать их деятельность.

Существенной причиной увеличения числа волонтеров данного типа можно считать внешнее принуждение, институциональное псевдостимулирование горожан к позитивным практикам.

«...Когда администрация организации сказала, что надо сходить и сделать доброе дело. И все пошли, чтобы там не лишили премии, например...» (сотрудник НКО, 41 год).

«...В отчетности учебных заведений важно количество, мало кого волнует качество и результат, печально...» (руководитель добровольческого движения, 39 лет).

Например, молодые волонтеры этой подобности отличаются тем, что попадают под влияние определенных молодежных трендов. Они включаются в модные движения, в случае с настоящим волонтерством сталкиваются с трудностями, о которых они ранее даже не предполагали, и уходят.

Встает закономерный вопрос: насколько правомерно волонтеров этой подобности относить к членам всей волонтерской общности? По нашему мнению, это достаточно дискуссионная тема, однако рассматривать данную подобность в качестве потенциала роста общности, реально действующих волонтеров можно и нужно, так как уровень осознания смысла волонтерской деятельности и формирования ответственного отношения с их стороны к работе, к тем, кому они помогают, и к другим волонтерам — это вопрос времени, зависящий от личного выбора и стечения определенных обстоятельств.

Сделаем некоторые промежуточные обобщения. Городская общность волонтеров состоит из целого множества волонтерских подобностей, включающих в себя людей, решающих разные задачи, актуальные как для города и людей, проживающих в нем, так и для них самих. Отличия во взаимодействии волонтеров внутри самой общности и за ее пределами приводят к разному уровню развития и состояния этих подобностей. Для них характерны различия во внутриобщностных показателях социальной дистанции между волонтерами, в силе внутренних связей между людьми, реально входящими в отдельные волонтерские сообщества и искусственно объединённые нами в подобности и группы. Проявляется существенная разница и в субъективных аспектах ресурса самих волонтеров.

4.6. Жизненные планы и мотивация волонтеров в городской среде

Дадим характеристику субъективной составляющей ресурсов волонтеров, проявляющейся с отличиями в их жизненных планах и мотивации поведения. Проанализируем ключевые мотивы тех, кто с разной степенью регулярности занимается волонтерской деятельностью (см. табл. 4).

Таблица 4

Мотивация волонтерства в подобностях с разной регулярностью волонтерской деятельности

(в процентах от числа ответов в группе)

Регулярность волонтерской деятельности	Не реже 2–3 раз в месяц		2–5 раз в год		Участвовал (а) 1–2 раза в год	
	<i>В процентах</i>	<i>Ранг</i>	<i>В процентах</i>	<i>Ранг</i>	<i>В процентах</i>	<i>Ранг</i>
Возможность помогать людям	49	1	56	1	48	1
Любимое дело, хобби	41	2	17	10–11	10	12
Общение с интересными людьми	39	3	23	5	27	2
Друзья	31	4	24	4	20	7
Интересная работа	30	5	21	8–9	10	12
Полезные знакомства	27	6–7	33	2	21	5–6
Новые знания, умения, квалификация	27	6–7	17	10–11	11	9–10
Опыт работы	26	8	30	3	24	3
Возможность улучшить жизнь вокруг	23	9	21	8–9	21	5–6
Уважение окружающих	19	10	22	6–7	22	4
Возможность повысить самооценку	12	11	7	13–14	9	14–15
Опыт общественно-политической деятельности	8	12	22	6–7	18	8
Перспективы профессиональной карьеры	5	13	4	16	1	17
Доступ к нужной информации	4	14–15	5	15	10	12
Продвижение своих идей	4	14–15	9	12	11	9–10
Связи с влиятельными людьми	3	16	7	13–14	6	16
Возможность защитить свои права	1	17	3	17	9	14–15

В пятерку наиболее значимых мотивов, наряду с «возможностью помогать людям», регулярно работающие волонтерами респонденты включили «любимое дело, хобби», «общение с интересными людьми», «друзей» и «интересную работу». Идентифицируют волонтерство с любимым делом 41 % волонтеров этой подгруппы. Число регулярно работающих добровольцев, обозначающих занятие им как один из ведущих мотивов для себя, существенно выше (среди тех, кто работает волонтером 2–5 раз в год, таковых 17 %, среди тех, кто работал 1–2 раза — всего 10 %), чем в других, выделенных нами подгруппах. Все обозначенные выше мотивы характеризуют регулярно работающих волонтеров как коллективистов, чья активность ориентирована на других людей. В большей мере ценность для них представляет сам процесс помощи и взаимопомощи людей друг другу, который, видимо, органично вписывается в их образ жизни.

В подгруппе тех, кто работает добровольцами время от времени, существенные отличия наблюдаются в приоритетности для них мотивов, косвенно демонстрирующих рациональный расчет при выборе волонтерского труда. В этой подгруппе волонтеров на втором месте по своей значимости оказывается мотив «полезные знакомства», на третьем — «опыт работы». Выше значимость для них и опыта общественно-политической деятельности, в качестве важного его указали 22 % респондентов данной группы. Для тех волонтеров, которые принимали участие в волонтерских проектах не более чем 1–2 раза за год, кроме «возможностей помогать людям» важными оказались такие мотивы как: «общение с интересными людьми», «опыт работы», «уважение окружающих», «полезные знакомства» и «возможность улучшить жизнь вокруг себя».

Одной из ключевых проблем, выявленных при рассмотрении мотивации волонтеров, является *противоречие между альтруистическими и эгоистическими мотивами добровольцев*. Постоянная демаркационная линия проходит между сутью самого феномена волонтерства, безвозмездностью, добровольностью труда волонтеров без каких-либо очевидных выгоды их стремлениями к самореализации. Обозначенное противоречие становится очевидным при анализе мотивации волонтеров разных возрастных групп (см. табл. 5).

Таблица 5

Мотивация волонтеров разных возрастных групп

(в процентах от числа ответов в группе)

Возрастные группы	18–34 года		35–54 лет		55 и старше	
	В процентах	Ранг	В процентах	Ранг	В процентах	Ранг
Возможность помогать людям	52	<u>1</u>	42	<u>1</u>	62	<u>1</u>
Полезные знакомства	42	<u>2</u>	19	<u>5</u>	22	6
Опыт работы	39	<u>3</u>	16	8	27	<u>3</u>
Общение с интересными людьми	30	<u>4</u>	22	<u>4</u>	20	8
Опыт общественно-политической деятельности	29	<u>5</u>	18	6–7	13	10–11
Интересная работа	22	7	14	9	21	7
Доступ к нужной информации	4	15	6	15–16	10	13

Новые знания, умения, квалификация	18	9–10	13	10	13	10–11
Связи с влиятельными людьми	9	13	9	12	2	15
Уважение окружающих	10	12	8	13–14	29	<u>2</u>
Друзья	24	6	18	6–7	25	<u>5</u>
Любимое дело, хобби	21	8	30	<u>2</u>	12	12
Перспективы профессиональной карьеры	2	17	-		6	14
Возможность защитить свои права	3	16	8	13–14	-	
Продвижение своих идей	13	11	12	11	1	16
Возможность повысить самооценку	8	14	6	15–16	16	9
Возможность улучшить жизнь вокруг	18	9–10	24	<u>3</u>	26	<u>4</u>

Для волонтеров любого возраста на первом месте по значимости оказывается «возможность помогать другим людям». Однако молодое поколение одновременно ориентировано на профессиональное и карьерное развитие. Практически одинаково волонтеры оценивают важность для себя таких мотивов, как «полезные знакомства» и «опыт работы», их выделили 42 % и 39 % соответственно из числа респондентов 18–34 лет. Более альтруистически направленная мотивация характерна для добровольцев 35–54 лет, 30 % из их числа выбрали «любимое занятие, хобби» как один из ведущих мотивов. Для каждого четвертого из них (24 %) значима «возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе», 22 % респондентов этой возрастной группы выделили в качестве мотива «общение с интересными людьми». Волонтеров пенсионного возраста, наряду с ресурсом помощи незнакомым людям, мотивирует «уважение окружающих» (29 %), «возможность получить опыт работы» (27 %) и «возможность улучшить жизнь в своем доме улице, районе, городе» (26 %). Такой набор приоритетных альтернатив, характеризующих мотивацию волонтеров старшей возрастной группы, отражает характеристики их социальных, статусных позиций. Большинство людей в этом возрасте уходят с основного места работы. Они оказываются в новом для себя состоянии, когда ослабевают их социальные связи, появляется достаточное количество свободного времени, когда начинает ощущаться на физическом, технологическом уровнях отставание от молодого поколения. Именно в этих условиях очевидна необходимость уважения со стороны окружающих людей, востребованность со стороны пожилых людей новых знаний, умений и навыков.

Следует отметить, что среди всех волонтеров г. Екатеринбурга точно планируют заниматься добровольчеством 28 % респондентов, почти каждый третий (35 %) скорее планирует, чем нет. Скорее не планируют продолжать работать волонтерами 17 % опрошенных, точно не видит волонтерство в своих личных планах каждый десятый (10 %) из числа всех, кто принял участие в нашем опросе. Желание продолжать волонтерство тесно коррелирует с оценкой волонтерами своих возможностей безвозмездно работать в какой-либо некоммерческой организации (коэффициент Крамера 0,609), а также с уже имеющимся опытом работы в третьем секторе (коэффициент Крамера 0,407). Среди тех, кто работал волонтером в некоммерческом секторе, 76 % респондентов планируют продол-

жать эту деятельность, среди «неформальных» волонтеров таковых на 28 % меньше. Среди тех, кто планирует не бросать волонтерство, 75 % респондентов допускают возможность работать в НКО, 17 % — не допускают, 8 % — затруднились ответить. Среди волонтеров, не имеющих желания продолжать волонтерскую деятельность, только 16 % допускают возможность работать в третьем секторе, 78 % респондентов не рассматривают это в своих планах, 6 % затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Наши данные доказывают, что *поле деятельности некоммерческих организаций наиболее благоприятно для стимулирования развития волонтерства в городской среде*. Именно НКО сосредотачивают ресурсы, воплощают в жизнь нестандартную логику решения многих социальных проблем, выступают механизмом объединения неравнодушных единомышленников, оказываясь тем самым достаточно привлекательными для потенциальных и реальных волонтеров. В процессе нашего опроса было установлено, что среди тех волонтеров, которые планируют продолжить свою работу добровольцем, число рассматривающих некоммерческий сектор как институт, который в большей степени может повлиять на развитие волонтерства, составляет 36 % респондентов. Среди волонтеров, в чьи будущие планы не входит волонтерство, таковых в три раза меньше (13 %).

Проанализируем отличия в мотивации тех, кто планирует и не планирует в будущем заниматься волонтерством (см. табл. 6).

Таблица 6

Мотивация волонтеров, планирующих и не планирующих продолжать волонтерскую работу в будущем (в процентах от числа ответов в группе)

Планы продолжения волонтерства	Планируют	Не планируют
Мотивы		
Возможность помогать людям	57	41
Опыт работы	20	27
Перспективы профессиональной карьеры	5	1
Интересная работа	26	6
Полезные знакомства	20	37
Доступ к нужной информации	4	13
Опыт общественно-политической деятельности	17	24
Новые знания, умения, квалификация	20	15
Связи с влиятельными людьми	2	23
Уважение окружающих	24	17
Друзья	26	22
Любимое дело, хобби	31	10
Общение с интересными людьми	33	19
Возможность защитить свои права	6	1
Продвижение своих идей	8	7
Возможность повысить самооценку	9	10
Возможность улучшить жизнь вокруг	25	20

Возможность оказывать помощь незнакомым людям приоритетна для большинства волонтеров, независимо от их планов продолжать или не продолжать заниматься волон-

терством. Наряду с этим, практически для каждого третьего волонтера, в чьи будущие планы входит добровольчество, ведущими мотивами являются «общение с интересными людьми» (33 %) и «любимое занятие, хобби» (31 %). Для каждого четвертого из их числа значимы «интересная работа» и «друзья» (по 26 %). Важность тесных социальных связей с единомышленниками и содержание волонтерского труда для этих добровольцев являются основой их мотивации. В то же время для тех опрошенных, кто не планирует продолжать волонтерство, ведущими мотивами являются: «полезные знакомства» (37 %), «опыт работы» (27 %), «опыт общественно-политической деятельности» (24 %) и «связи с влиятельными людьми» (23 %).

Возможно, именно мотивация, которая привела горожан, в дальнейшем не планирующих продолжать заниматься добровольчеством, в ряды волонтеров, может объяснить их дальнейшие планы. По нашему мнению, либо они при участии в волонтерской деятельности нашли решение рационально поставленных для себя задач, достигли того, чего реально хотели от волонтерского участия, либо, наоборот, испытали разочарование в своих ожиданиях. Метод «сравнения двух групп» позволил нам выявить статистически значимое отличие — среди планирующих продолжать волонтерство только 21 % тех, кто принимал участие в волонтерских проектах 1–2 раза за год, 13 % из них тщательно планируют свое время для личного развития. Среди респондентов, не планирующих заниматься волонтерством в будущем, работавших волонтером 1–2 раза за год больше половины (54 %), число планирующих свое время для личностного развития среди них составляет 39 %.

Попробуем рассмотреть *отказ от продолжения волонтерской работы в будущем как проблему общности волонтеров*. Дадим характеристику тех, кто не видит в своем будущем занятий волонтерством. Как правило, не планируют работать волонтерами те, кто в большинстве своем не идентифицирует себя в качестве волонтера, таковых 65 % респондентов. Отсутствие комфортной среды взаимодействия с другими волонтерами также можно отметить в качестве причины отказа от волонтерской работы. Среди тех горожан, у кого нет в планах волонтерства, 23 % признались, что добровольная работа не приносит им морального удовлетворения, 15 % из их числа просто затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Каждый второй (49 %) ответил, что в кругу других волонтеров он не чувствует себя единомышленником, тогда как среди планирующих продолжать волонтерство такие оценки дали только 16 % опрошенных.

Волонтерская работа конкурирует с другими видами деятельности, она не вписывается в образ жизни добровольцев, в чьих планах на будущее нет волонтерства. Каждый четвертый респондент отметил, что занимался волонтерством в ущерб своей основной деятельности, досугу, домашней работе. Мы не выявили существенных отличий в социально-демографических характеристиках волонтеров, не планирующих в дальнейшем заниматься волонтерством. Поэтому логично предположить, что отказ части волонтеров

от продолжения заниматься волонтерством в будущем есть следствие внутриличностных процессов респондентов, оценивавших свои потребности и возможности.

4.7. Взаимодействие общности волонтеров и государства

Рассмотрение волонтерства как ресурса социального управления делает очевидными желания федеральной, региональной и муниципальных властей использовать его на уровне максимальных возможностей. Для «удержания» действующих волонтеров и расширения границ данной общности в государственном и третьем секторах экономики востребованы системная поддержка и стимулирование волонтерской активности. В основе такой программной деятельности необходимо рассматривать активное взаимодействие государства и третьего сектора. Актуальность поддержки волонтеров со стороны государства, по нашему мнению, обоснована и на теоретическом уровне.

Прежде всего, рассмотрим мнения россиян в целом относительно роли и назначения государства во взаимодействии с волонтерами [34]. Почти третья часть населения (29 %) затруднилась дать ответ на вопрос о том, как государство должно относиться к деятельности добровольцев, 42 % респондентов уверены в том, что государство должно поощрять некоторые виды деятельности волонтеров. Регулирующую роль государства, поощряющего одни направления волонтерства и ограничивающего ряд других, признали 11 % респондентов. Незначительно число (4 %) тех граждан, кто отметил только ограничительные функции государства по отношению к волонтерам. Независимость деятельности волонтеров от государства и невмешательство власти в их дела отметили 14 % из числа опрошенных. Следует отметить, что в крупных российских городах полностью проявились общероссийские тенденции. Отклонения в оценках жителей мегаполисов от общероссийских показателей не значительны.

Проанализируем наиболее популярные ответы респондентов (по данным опроса «ФОМнибус»), помогающие понять, почему россияне придерживаются той или иной точки зрения, когда дают оценки взаимодействия власти и волонтеров.

Среди согласных с необходимостью поощрения государством волонтеров каждый десятый (11 %) пояснил, что волонтеры приносят пользу конкретным людям, а *«всё хорошее заслуживает благодарности и наград»*; 7 % респондентов связали это с необходимостью в стимулировании людей и привлечении их к волонтерству (*«люди должны быть стимулированы»*); *«привлекать этим самым людей делать добрые дела»*; *«для приобщения других людей»*; *«чтобы как можно больше людей занялись волонтерством»*); 5 % отметили необходимость в удовлетворении первичных нужд людей в условиях постоянного недостатка денежных средств (*«всякий труд должен оплачиваться»*); *«без денег не должны трудиться»*); *«люди едут помогать — им надо на что-то жить»*); *«на что-то они должны есть и одеваться»*); *«зарплаты маленькие»*); 4 % полагают, что это важно в

связи с тем, что государство не всегда справляется с реализацией своих функций (прежде всего, социальных) и привлечение волонтеров необходимо (*«государство не везде успевает»; «где не хватает специалистов, там работают добровольцы»; «в хосписах, больницах — работа санитаров»; «сколько волонтеров помогают вытаскивать детей, пропавших или заблудившихся в лесу»*).

К основным доводам полагающих, что государство должно ограничивать волонтеров в связи с конкретными видами деятельности, относятся мнения 3 % респондентов (*«разные деятельности бывают — и во благо, и аферы»; «к простым видам работ допускать, к тяжелым и опасным — ограничивать»; «добровольцы, которые делают добрые дела, должны поощряться, а которые могут нанести вред — ограничиваться»; «ограничить там, где должны работать профессионалы»*). Еще 3 % уверены в том, что государство должно вести контроль повсеместно (*«нужен контроль — много попыток злоупотреблений»; «любая деятельность должна контролироваться»; «их иногда надо контролировать, а то могут натворить делов»; «нужно проверять, от души эта помощь или по другим причинам»; «все люди разные. Некоторые бабушкам помогают, чтобы потом ограбить»*).

При ответе на вопрос «Почему Вы считаете, что государство не должно вмешиваться в деятельность добровольцев?» 5 респондентов поясняли, что это добровольный бесплатный труд (*«добровольцы — они и есть добровольцы. Они сами должны решать свои вопросы»; «на то они и волонтеры — сами организуются и работают не за деньги»; «если поощрить, то это уже не добровольная работа»; «добровольно, их право. Зачем поощрения?»; «они же свободные люди. Вот и делают, что совесть подсказывает»*), 4 % из числа данной группы указывали, что это прерогатива каждого волонтера (*«это личное дело каждого человека»; «пусть работают, раз у людей есть энтузиазм»; «пусть трудятся люди, раз есть силы и время»; «хотят работать в свободное время — пусть работают»; «пусть трудятся, раз умеют и хотят без оплаты»; «помощь этих людей необходима и всегда своевременна»; «они жизнь делают добрее»; «пусть помогают людям»*).

Таким образом, свое отражение в зеркале общественного мнения россиян находят различные проявления гражданского общества. При этом роль государства, выделяющего ресурсы для поощрения волонтерства, признает чуть менее половины населения нашей страны. Еще раз подчеркнем, что сегодня в российском обществе существенно число тех, кто придерживается убеждения о независимости деятельности волонтеров от каких-либо инициатив власти. Больше всего таких людей проживает именно в мегаполисах.

Интересно проанализировать, что же думают об этом сами волонтеры. В опросе волонтеров г. Екатеринбурга каждый второй респондент отметил, что в большей степени повлиять на развитие волонтерства в нашей стране могут государство (54 %) и сами волонтеры (добровольцы) (43 %). Таким образом, можно рассматривать отношения между

волонтерами и государством как партнерские, при которых каждый из субъектов взаимодействия практически в равной степени оказывает влияние на развитие добровольчества в нашей стране.

Важно отметить, что, в отличие от оценок всего населения, большинство волонтеров (93 %) признают необходимость помощи государства и стимулирования добровольческой активности населения «сверху». Около 81 % волонтеров одобряют выделение целевых бюджетных средств на развитие волонтерства для третьего сектора, а также считают необходимой поддержку некоммерческих организаций со стороны государства.

При этом волонтеры, указывая на необходимость государственной поддержки и стимулирования добровольчества, одновременно претендуют на независимость и свободу своих действий. Они выступают против чрезмерного регулирования и контроля своего труда со стороны государства. Они не одобряют ряд мер, имеющих бюрократический характер и направленных на регулирование деятельности волонтеров. Государство же сегодня, напротив, стремится реализовывать патерналистскую модель отношений, регулировать, контролировать как самих волонтеров, так и некоммерческий сектор как поле реализации гражданских инициатив населения. По нашему мнению, данное противоречие затрудняет формирование партнерских отношений. Именно оно привело к тому, что весной 2013 г., когда Совет Федерации разработал законопроект о добровольчестве (волонтерстве), обострились противоречия между позицией общественных деятелей, социальных активистов, волонтеров и позицией чиновников.

Однако публичная дискуссия по данному поводу не затронула интересы большинства населения. На наш взгляд, именно на этом фоне проявилась еще одна черта отношения россиян к волонтерству и волонтерскому сообществу — безучастность и бездеятельность большинства. В то время, когда среди специалистов третьего сектора, членов общественных советов, волонтеров и представителей законодательной власти шло острое обсуждение новой законотворческой инициативы, получившее широкое освещение в средствах массовой информации, уровень информированности населения об этом оставался незначительным. О том, что Совет Федерации разработал данный документ, знали только 3 % респондентов, принявших участие в ФОМнибусе. Что-то слышали об этом 12 % россиян, ничего не знали — 83 % из числа всех опрошенных [34].

Одной из причин низкого интереса россиян к тому, что происходит сегодня в сфере деятельности институтов гражданского общества, можно считать отсутствие определенных условий, способных обеспечить возможности реализации гражданских инициатив «снизу». Отметим также непродуманность принципов вовлечения в разнообразные добровольческие практики различных городских общностей с учетом их потребностей, возможностей и желаний.

Результаты опроса екатеринбургских волонтеров демонстрируют их желание получить поддержку со стороны власти в следующих формах: «компенсация необходимых

затрат на проезд, питание» важна для 39 % городских волонтеров; «возможность посещать культурные и спортивные мероприятия» значима для каждого третьего опрошенного (33 %); «учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики» востребован со стороны 26 % волонтеров-екатеринбуржцев; «гарантированную медицинскую страховку» хотел бы получить каждый четвертый респондент (26 %) (см. табл. 7).

Таблица 7

Мнение волонтеров о стимулах добровольческой деятельности
(в процентах от ответивших)

Альтернативы ответов	В процентах
Компенсация необходимых затрат на проезд, питание и т. д.	39
Возможность посещать культурные и спортивные мероприятия	33
Учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики	26
Гарантированная медицинская страховка	26
Налоговые льготы на доходы	24
Публичное признание и поощрение	18
Дополнительные дни к ежегодному оплачиваемому отпуску	16
Возможность получить льготы на оплату обучения	14
Возможность льготного кредитования	12

* Сумма составляет более 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа

«Компенсация сопутствующих волонтерской деятельности затрат» и «посещение культурных и спортивных мероприятий» как стимулы добровольческой деятельности предусмотрены действующим законодательством. Такая форма поддержки, как «учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики», наиболее актуальна для респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. Многим молодым людям для успешного трудоустройства и реализации карьерных мотивов необходим не только диплом, но и практический опыт с трудовым стажем. Каждый четвертый респондент в возрасте от 30 до 45 лет выделил в качестве стимула «наличие гарантированной медицинской страховки». А каждый третий респондент из возрастной группы от 45 лет и старше хотел бы, наряду с «гарантированной медицинской страховкой», получить «налоговые льготы на доходы». Возрастные отличия в оценках возможностей стимулирования волонтерства со стороны государства очевидны.

В качестве оценки перспективы развития институциональных условий, создаваемых государством для волонтеров, городским добровольцам в опросе было предложено обозначить свое отношение к ряду мер, направленных на поддержку и развитие волонтерства. Все предложенные меры были оценены респондентами положительно.

Наибольшее одобрение получили следующие меры: «создание единого портала регистрации волонтеров» (94 %), «создание единого информационного ресурса для добро-

вольной регистрации, поиска вакансий и оформления заявок на участие в различных волонтерских программах» (93 %).

Противоречивое отношение со стороны респондентов вызвали такие меры, как «введение личной книжки волонтера» в качестве официального документа и «создание федерального органа исполнительной власти, который координировал бы работу волонтеров по всей стране и за рубежом»: 29 % респондентов высказались против подобных инициатив. Такое неоднозначное отношение волонтеров обусловлено процессами бюрократизации и излишней формализации свободного выбора добровольческой деятельности со стороны самих волонтеров. Наши эксперты тоже выделили негативное влияние, которое оказывает введение в повседневные практики образовательной среды таких формальных атрибутов, как «книжка волонтера». Отметки о «наличии добрых дел» в документе, не имеющем какой-либо юридической силы и значимости, не мотивируют, а демотивируют современную молодежь.

«Часто это делается просто для галочки. Вот, например, волонтерская книжка. ... Вы должны прийти сделать отметочку за то, что ты что-то сделал полезное. Неужели ты за отметочку что-то полезное делаешь? Конечно, если есть такие люди, которые делают для галочки, для отметочки, я считаю, что это не наши люди» (руководитель НКО, 48 лет).

Хотелось бы отметить, что проблема отсутствия дифференцированной политики поддержки волонтеров со стороны государства и проблема формирования партнерских отношений между государством и добровольцами, выявленные в рамках нашего исследования и рассмотренные нами выше, имеют общенациональное значение и требуют решения, прежде всего, на федеральном уровне. Однако деятельность волонтеров сосредоточена и непосредственно реализуется в городах на муниципальном уровне, наиболее приближенном к самим добровольцам. В этой связи считаем необходимым отметить перечисленные далее проблемы взаимодействия органов местного самоуправления и социальной общности волонтеров (на примере города Екатеринбурга): отсутствие нормативно-правового поля, четко регулирующего труд волонтеров; отсутствие не формально заявленных, а реально действующих центров работы с волонтерами; отсутствие программ поддержки и стимулирования волонтеров на уровне города; недопуск городских общественных организаций к ресурсам, выделяемым государством и распределяемым на региональном уровне; нехватка специалистов по взаимодействию с волонтерами в администрациях города и отдельных его районов.

ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» предусматривает общественное участие в решении вопросов местного значения. В рамках стратегического плана развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 года в качестве одного из стратегических направлений выделено развитие гражданского общества и местного самоуправления, предполагающее «подъем активности

граждан во всех сферах жизни города». Показатели эффективности деятельности муниципальных властей включают такой индикатор, как «количество привлеченных к решению проблем волонтеров и добровольцев». В официальных документах концептуально заложено, что во многом работа с добровольцами и сам волонтерский труд должны обеспечить потенциал конкурентоспособности муниципальных образований (в соответствии с методикой оценки потенциала конкурентоспособности муниципальных образований в Свердловской области). Однако реально в этом направлении на уровне города мало что делается.

Таким образом, на муниципальном уровне нет стратегии взаимодействия и стимулирования развития городской общности волонтеров, отсутствует нормативно-правовое поле, регулирующее это взаимодействие, не существует системы распределения ресурсов, а также не реализованы координация деятельности и анализ потребностей как социальных, культурных, образовательных учреждений в городском пространстве, так и волонтеров из числа активных горожан.

Анализ структуры типичной городской общности волонтеров, реализованный в наших исследованиях, оценка самоидентификации, планов, мотивов волонтеров, а также результаты изучения различных аспектов внутреннего и внешнего взаимодействия членов самой общности могут способствовать совершенствованию социального управления волонтерством на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Обратим внимание на тот факт, что, несмотря на осуществление волонтерами своей деятельности, прежде всего, в городских пространствах, стимулировать, поддерживать и развивать добровольчество необходимо на всех уровнях управления (включая федеральный и региональный).

Литература

1. *Anheier H. K., Salamon L. M.* Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. Civil Society Working Paper 10. 2001.
2. *Бидерман К.* Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. М., 1999.
3. *Стеббинс Р. А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга // Социологические исследования. 2006. № 7.
4. *Salamon M., Sokolowski S., Haddock M.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates, and a roadmap to the future // *Annals of Public and Cooperative Economics* 82:3 2011: Johns Hopkins University. USA.
5. *Involving of third country nationals in volunteering: final project report.* 2006.

6. *Beigbeder Y.* The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organisations: The Right and Duty to Humanitarian Assistance. Dordrecht, Boston, London: Martinus Nijhoff, 1991.
7. *Wilson J, Musick M.* Toward an integrated theory of volunteer work // *American Sociological review.* 1997. Vol. 62.
8. Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
9. *Сикорская Л. Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // *Социологические исследования.* 2007. № 9.
10. *Клетикова А. А.* Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // *Журнал исследований социальной политики.* 2011. Т. 9. № 3.
11. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
12. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
13. *Зборовский Г. Е.* Общая социология. 3-е изд. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2003.
14. Данные опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10927> (дата обращения: 10.06.2014).
15. *Волков Д., Гончаров С.* Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М.: Левада-центр, 2014.
16. *Заборова Е. Н.* Феномен города с точки зрения социального пространства // *Вестник Южно-Уральского госуниверситета.* 2006. № 2 (57).
17. Пресс-выпуск «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/09-09-2014/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (дата обращения: 19.09.2014).
18. *Бодренкова Г. П.* Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: учеб.-метод. пособие. М.: АНО «СПО СОТИС», 2013.
19. Пресс-выпуск «Интересы власти и общества в представлениях россиян» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/28-01-2014/interesy-vlasti-i-obshchestva-v-predstavleniyakh-rossiyan> (дата обращения: 20.09.2014).
20. *Кожневникова К.* «Верит — не верит»: особенности российской религиозности [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/blogs/10955#> (дата обращения: 08.06.2014).
21. Данные всероссийского опроса Левада-Центра от 23–26 ноября 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval-blagotvoritelnyu-pomoshch-khotya-raz-za-poslednie> (дата обращения 28.06.2014).

22. *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. А. А. Петровой. М: ИФ «Общественное мнение», 2004.
23. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». М.: ФОМ, 2012.
24. Ресурсы российского добровольческого движения: аналитический доклад по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / Под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М.: Фонд «Общественное мнение, 2014.
25. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: ИФ «Общественное мнение», 2004.
26. *Меренков А. В.* Социология стереотипов. Екатеринбург: УрГУ, 2011.
27. Пресс-выпуск ВЦИОМ. Добровольчество в России: потенциал участия молодежи. № 1785. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713>(дата обращения: 28.06.2014).
28. *Щупленков О. В.* История молодежного движения в России в исследовательском поле // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15).
29. *Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е.* Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2013. Выпуск VIII.
30. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя: отчет о результатах исследования активизма в России. М.: Грани, 2012.
31. *Шевченко П. В.* Социальная роль московского волонтерства // Социологические исследования. 2013. № 8.
32. *Волков Д.* Перспективы гражданского общества в России: аналитический доклад. М.: Левада-центр, 2011.
33. *Неберушкина Э. К.* Мобильное гражданство инвалидов: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2013.
34. Данные опроса «ФОМнибус» 17 марта 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10871> (дата обращения: 05.10.14).

5. УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

5.1. Взаимодействие городских социальных общностей в региональном пространстве культуры: управленческий аспект

В данном параграфе будут рассмотрены управленческие проблемы социокультурного взаимодействия городских социальных общностей в регионе. Понятие пространства культуры как совокупности социальных отношений, проявления структурности, соотнесенности и координации взаимодействующих субъектов в сфере культуры, смысловой нагруженности их социальной организации имеет выраженный управленческий аспект. В первую очередь, он связан с типом социокультурного взаимодействия и характером взаимодействующих субъектов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Определяя культурные координаты последних, имеющих региональную специфику и присущих Свердловской области, выделим две плоскости: по горизонтали и вертикали. По горизонтали — это субъекты сферы культуры, территориально размещенные и взаимодействующие в системе центр-периферия или территориальные общности как производителей, так и потребителей, локализованные в крупных, средних и малых городах. Характер и результативность их деятельности здесь не сводится к дихотомии «столичность — провинциализм», поскольку культура — феномен универсальный, хотя муниципальная (городская) и областная культурная политика использует именно эту оптику, имея дело с очевидными территориальными культурными различиями. Кроме того, деление на производителей и потребителей в области культуры достаточно условно. Это касается, прежде всего, последних, наиболее современных тенденций культурного развития, когда две эти социальные общности не только взаимопересекаются, но и меняются местами, выступают как взаимозаменяемые.

Другая культурная координата — это управленческая вертикаль областных и муниципальных организационных структур, т. е. социальная общность управленцев в сфере культуры разного уровня. Это поле культуры определяется взаимодействующими субъектами управления, учреждениями культуры и потребителями социокультурных услуг.

Управление культурной сферой в городах области определяется законодательством РФ и Свердловской области, структурой органов областной и муниципальной власти и их управленческими полномочиями и компетенциями, а также особенностями политики вышестоящих властных инстанций: Губернатора и Правительства области, и в этом плане оно не зависит от конкретных ее руководителей. Осуществляющее общее руководство сферой культуры Министерство культуры и туризма детерминировано и ограничено не только законодательно, но и финансово: размерами доли областного бюджета, выделяемого на культуру. Управление культурой на территории входящих в состав области территориальных образований по законодательству РФ осуществляют муниципальные

органы власти — кроме объектов культуры, непосредственно относящихся к ведению государства в лице областной власти.

Динамика развития социальной и культурной сфер российского общества определила и новые субъекты культурной деятельности, без взаимодействия с которыми у культурной сферы нет достойных перспектив: сообщества–производители культурного продукта в негосударственном секторе, их роль становится все более значимой в культурном процессе; бизнес-структуры и представители предпринимательского сообщества (партнерство с ними отражает реалии современной жизни и стало необходимым); структуры гражданского общества (городские сообщества как субъекты самоуправления и самоорганизации).

Выделение субъектов взаимодействия в «горизонтальном» и «вертикальном» поле позволит определить комплекс проблем, характерных для каждого узла взаимодействия культурного пространства в целом.

Проблемное поле межсубъектного взаимодействия выявлено и проанализировано нами на основе комплекса исследований, реализованных в рамках создания проекта концепции развития культуры Свердловской области 2012–2020 гг., а также осуществленных автором мониторингов качества социокультурных услуг театров, концертных организаций, учреждений среднего профессионального образования, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области [7; 8]. Характер этих исследований позволил проанализировать стратегии развития и функционирования в поле культуры, прежде всего, городских общностей, а также выявить основные проблемы их взаимодействия, которые стали основой для разработки направлений проекта концепции развития культуры Свердловской области в 2012–2020 гг.

Фиксируя блоки проблем, определим, что для «горизонтальной плоскости» пространства культуры характерны, прежде всего, проблемы, связанные с территориальной дифференциацией субъектов культурной деятельности, ставшей фактором их социального неравенства. Главная, определяющая большинство других, *проблема нехватки финансовых средств* — основное препятствие для сохранения и умножения культурного потенциала области в целом и ее отдельных территориальных объединений. С ней тесно связаны *проблемы материально-технической базы* производства, сохранения, распространения и потребления культурных ценностей, ее несоответствия функциональным целям: старение зданий, оборудования, транспортных средств, их количественная недостаточность и качественная непригодность, необходимость оснащения современной техникой и технологиями. Эта проблема, как и первая, являясь общей для всей сферы культуры, в большей степени обостряется в зависимости от территориального размещения учреждений культуры, находящихся в неравных материально-финансовых условиях.

Проблемы кадров (руководителей и работников) учреждений культуры — это: их старение, отток; уровень общей культуры, профессиональные способности, квалифика-

ция и самосознание, отношение к делу и производительность труда; дефицит кадров в отдельных территориях и учреждениях; дефицит современных кадров, владеющих идеологией современной культуры, передовыми технологиями. Все это особенно касается малых городов. *Проблемы функциональной инфраструктуры* культурной сферы, ее количественных и качественных характеристик — это: закрытие и / или отсутствие учреждений культуры в ряде таких городов, дефицит посадочных мест и трудности доставки потребителей из отдаленных территорий к местам потребления; неразвитость и необеспеченность форм нестационарного культурного обслуживания населения и гастрольной деятельности художественных коллективов; недостаточность и затрудненность институционального развития (новообразований) различных организационно-правовых форм; неразвитость форм институционального взаимодействия и сотрудничества (партнерства) в рамках отрасли и на межотраслевом уровне.

Проблемы распространения и потребления культурных ценностей — это, конечно, прежде всего *проблемы ассортимента, количества, качества и доступности* предлагаемых культурных услуг и культурных ценностей. Все проблемы данного круга наиболее остро стоят для периферии, удаленной от культурных центров (Екатеринбурга, прежде всего, где сосредоточен основной объем творческого потенциала области), особенно для малых городов. Совершенно очевидна, на сегодняшний день, неудовлетворительность уровня реализации всех аспектов культурного потребления в провинции области: и ассортимента, и количества (частоты, интенсивности), и качества, и доступности культуры. Она закрепляет социокультурное неравенство жителей центров и периферийных городов, предопределяя низкий (сравнительно с первыми) уровень личностного развития последних, качества их жизни и социальной конкурентоспособности [9].

Еще одной узловой проблемой межсубъектного взаимодействия является *уровень востребованности услуг культурно-досуговой сферы конечным потребителем*. Он является базовым фактором развития культуры. Его выраженная неоднородность по социальным группам, территориальному распределению и региональным особенностям, а также динамике потребностей в зависимости от направлений и видов культурно-досуговой деятельности ставит проблему целесообразности комплексного мониторинга культурных потребностей и предпочтений городов (да и всего населения) Свердловской области.

Спектр проблем, связанных с неравенством в области производства социокультурных услуг (неравномерности распределения финансирования, материально-технического оснащения учреждений культуры, кадрового распределения и др.) и их потребления (доступности, уровня востребованности услуг культурно-досуговой сферы конечным потребителем и др.) отчетливо виден на примере функционирования театрального искусства в Свердловской области. Так, среди субъектов Российской Федерации Свердловская область занимает третье место по количеству профессиональных театров и предложению театральных услуг: на 1 млн. жителей действует 7 театров (в целом по России функцио-

нирует 3,2 театра на 1 млн. жителей). Производство театральных услуг в Свердловской области сравнимо с западноевропейскими странами, будучи несколько выше, чем в Италии (5,9 театров на 1 млн. жителей) и немного ниже аналогичного показателя в Японии (8,7 театров на 1 млн. жителей). Вместе с тем, из 30 профессиональных театров 20 находятся в Екатеринбурге и только 10 — в других городах области. Только 8 из 47 городов региона имеют свои театры. Поскольку территория области составляет почти 2000 кв. км., то в силу географических и инфраструктурных особенностей жителям северных городов (например, Пелыма, Ивделя) территориально доступны театры, расстояние до которых исчисляется сотнями километров.

Если в целом предложение театральных услуг в Свердловской области отличается необходимым жанровым разнообразием: драма, опера, балет, музыкальная комедия, современная хореография и др., то для жителей северных городов оно предельно сужено. В распоряжении жителя города с одним театром имеется сравнительно редко обновляемый репертуар из 10–15 названий. Для жителей населенных пунктов, не имеющих своих театров, театральные услуги практически недоступны. При этом среди публики государственных театров и концертных организаций, расположенных в г. Екатеринбурге, жителей области немного — 17,4 % и 3,7 % соответственно.

Анализ обеспеченности доступности театрального искусства для населения области сквозь призму административного деления на управленческие округа показывает, что неравномерность в доступности услуг между округами может достигать различий в 8–10 раз (см. табл. 1).

Таблица 1

**Уровень доступности театрального искусства
для населения Свердловской области**

Округ Свердловской области	Количество муниципальных образований	Численность населения (тыс. чел.)	Количество театров	Число жителей, обслуживаемых в год	
				тыс.чел.	В процентах от жителей округа
Восточный	31	487,3	1	19	4
Западный	20	603,2	1	18	3
Северный	15	519,2	2	75	14
Южный	11	676,4	1	120	18
Горнозаводской	12	742,4	5	210	28

Финансово обеспеченная практика обязательных гастролей крупных государственных театров по малым городам и районным центрам, способствовавшая в советский период повышению уровня доступности услуг, в настоящее время сменилась устойчивой тенденцией к свертыванию гастрольной деятельности. Если в 2007 г. выездные и гастрольные показы составляли 10 % деятельности государственных областных театров, то в 2011–2012 гг. этот показатель снизился до 2 %. Муниципальные театры гастрольной дея-

тельности практически не ведут. Управленческое решение данной проблемы, связанное с обеспечением равномерности распределения услуг учреждений культуры по территории области, зависит не только от финансирования, но и от развития инфраструктуры гастрольной деятельности, поскольку адаптированные сценические площадки, предназначенные для гастролей, в области практически отсутствуют (лишь 7 городов региона способны обеспечивать технические условия для спектаклей Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии и спектаклей большой сцены Свердловского государственного академического театра драмы).

Значимой детерминантой культурного производства и потребления области является сфера профессионального образования в области культуры. *Проблемы в области профессионального (художественного и музыкального) образования* напрямую связаны с неблагоприятным состоянием материально-технической базы образовательных учреждений: недостаточной укомплектованностью штатов и квалификацией их педагогических кадров; ростом доли платных услуг и стоимости обучения; несовершенством механизмов поиска одаренных детей и форм специальной работы с ними; недостаточным присутствием художественного образования и воспитания в образовательных учреждениях общего среднего, начального и среднего профессионального (нехудожественного) образования; неэффективностью и/или отсутствием просветительской и воспитательной работы с детьми и молодежью в учреждениях культуры (библиотеки, музеи). Эти проблемы на территории области в целом и в отдельных образовательных учреждениях порождают и обостряют социальное неравенство в образовании, влияют на уровень его востребованности, доступности, качество, результативность [10].

Более того, для образовательных учреждений так называемого полного цикла, когда среднее профессиональное (музыкальное, художественное) образование совмещено с допрофессиональным, встают проблемы неразрешимых противоречий между министерствами образования и культуры. Возникает *межведомственное неравенство в сфере художественного и музыкального среднего профессионального образования*, когда учащиеся, получающие общее полное образование в музыкальных, художественных профессиональных колледжах (подведомственных Министерству культуры), не имеют соответствующего нормативам системы общего полного образования аудиторного фонда, спортивных залов, компьютерного оснащения и даже учебников.

Межведомственные диспропорции и разногласия приводят к тому, что нарушаются права ребенка в получении качественного общего полного среднего образования, в равенстве его доступа к нормативно установленному спектру образовательных услуг.

Сформулируем базовые проблемы для межсубъектного взаимодействия в «вертикальной плоскости» культурного пространства. Вызовы времени и тенденции изменения культурной политики как в глобальном мировом, так и общероссийском масштабе ставят проблему *готовности Свердловской области к смене управленческой парадигмы* в сфере

культуры. Дискуссионным является вопрос об оптимальной модели управления сферой культуры в Свердловской области, базовых принципах управления, сочетании наиболее актуальных методов (программно-целевого, проектного, сценарного и пр.) управления. Особо актуальной становится проблема оценки эффективности существующей управленческой модели и практики ее реализации.

Другой важной проблемой является *определение приоритетных направлений развития культуры в Свердловской области*, выявление доминирующих позитивных и негативных факторов, влияющих на сферу культуры. Здесь необходима также постановка вопроса об *ориентации на инновационное развитие всей культурно-досуговой сферы*. Степень сформированности потребности в нем неоднородна для выделенных нами субъектов в Свердловской области. На «вертикальной плоскости» пространства культуры основными субъектами культурно-досуговой сферы, иницирующими инновации, выступают отдельные учреждения культуры и образования в сфере культуры, а также отдельные социальные группы (кластеры) потребителей социокультурных услуг. Сфера управления характеризуется скорее выраженным традиционализмом. Вместе с тем, для ее эффективного функционирования чрезвычайно актуальной является задача оценки уровня инновационного развития культурной сферы в Свердловской области, определения тенденций инновационного развития как в отдельных направлениях культурно-досуговой деятельности, нуждающихся в управленческом воздействии и поддержке, так и по вопросам, связанным с инновациями в управлении и культурной политике. Рассмотренная проблематика, бесспорно, является источником межсубъектных конфликтов (и явных, и латентных).

При этом мы понимаем, что условия и возможности оптимизации этих межсубъектных взаимодействий имеют не только региональную природу, многие уходят далеко за пределы области, региона, будучи напрямую связанными с особенностями социальной политики на федеральном уровне и правовой регламентацией сферы культуры. Более того, идеологические матрицы российской политической вертикали накладывают прямой отпечаток на характер инновационного развития культуры.

Свердловская область, имея мощный культурный, образовательный и социальный потенциал, тем не менее, сталкивается с *проблемой регионального культурного провинциализма как формы проявления социального неравенства не только у себя в области, но и на федеральном уровне*. Во многом это связано с *творческими проблемами культурного производства*: неравномерностью развития различных видов культурного и художественного творчества; слабым развитием некоторых современных видов, жанров и направлений искусства, дефицитом современной, в том числе екатеринбургской, драматургии и музыки в репертуаре наших театров и музыкальных исполнителей; ограниченным характером кинопроизводства (в особенности игровых и анимационных фильмов); несоответствием художественного качества (ценности) отдельных произведений искус-

ства и творческого уровня отдельных учреждений культуры уровню мировых критериев и достижений, а также собственному культурному потенциалу как в содержательном (глубина, сложность и убедительность осмысления жизни и ценностно-мировоззренческого отношения к ней, утверждения и защиты ее гуманистических начал), так и в формально-языковом отношении; слабым уровнем овладения современным мировым художественным опытом; дефицитом новаторских поисков в традиционных искусствах; низким качеством актуализации традиций народного искусства и их творческого освоения.

Не менее актуальны для Свердловской области *проблемы формирования культурных потребностей населения в целом и отдельных социальных общностей*, являющиеся функционалом целого спектра социальных институтов, а также конкретных учреждений культуры. Эффективность существующих стратегий формирования культурных потребностей — традиционная проблемная зона и сфера для дискуссий. В современных условиях чрезвычайно актуализируются вопросы *продвижения услуг культурно-досуговой сферы, брендинга, их информационной поддержки*, что становится условием и выступает важным средством налаживания взаимопонимания и оптимизации межсубъектных взаимодействий. Какие-то из этих инструментов диалогичны, какие-то монологичны, важно понимание их возможностей и ограничений, необходимости их комплексного целевого использования, а также целесообразности, уместности, допустимых границ применения.

Возрастание *роли СМИ и интернет-коммуникации в формировании культурных потребностей и продвижении услуг культурно-досуговой сферы*, использование возможностей социальной и коммерческой рекламы ставит чрезвычайно сложные проблемы в регулировании этой сферы. Здесь налицо широкий спектр диспропорций между потребностями активного использования средств массовой коммуникации учреждениями культуры федерального, областного, муниципального и частных форм собственности, их готовностью и возможностями применять существующие современные технологии коммуникативного взаимодействия с населением. С другой стороны, слишком многое зависит от готовности разных социальных групп использовать современные СМИ, воспринимать актуальные средства продвижения.

Проблемы формирования позитивного имиджа Свердловской области и его территориальных образований средствами культуры — это: дефицит произведений, культурных событий, проектов мирового и российского уровня; недостаточный объем и масштаб международных культурных обменов, художественной продукции, участия в значительных международных и российских культурных проектах (фестивалях, конкурсах, изданиях, акциях), проведения гастролей творческих коллективов области в столице и регионах РФ; нерегулярность, незначительный масштаб и невысокий качественный уровень PR-кампаний и культурной рекламы, отсутствие целенаправленной систематической работы по утверждению высокого престижа культуры и искусства, их традиций, достиже-

ний и субъектов; скромная и несистемная (отрывочная) представленность культуры Свердловской области в мировой сети.

Место общественности в реализации управления в сфере культуры, способы, формы привлечения общественности — одна из болевых точек управленческой вертикали в области культуры Свердловской области. Имеет место широчайший спектр ограничений, связанных, с одной стороны, с консервативностью управленческих структур, их неумением работать с общественностью, непониманием возможностей, которые дает диалог с ней, потребность в регламентации отношений по бюрократическому типу, и при этом понимание ограниченности того функционала, который может быть предоставлен общественным структурам в реализации управленческой деятельности. С другой стороны, ограничения в развитии гражданского общества напрямую сказываются на потребностях, возможностях и активности в развитии самоуправления в сфере культуры.

Для оптимизации этих процессов важна *оценка уровня развития гражданских инициатив в сфере культуры, определение их значимых ростков, направлений, поддержка гражданских объединений*, их актуальных лидеров. С этим направлением тесно связаны *проблемы развития благотворительности*, которые, выходя за границы возможностей регионального уровня, определяются серьезными правовыми ограничениями, затрудняющими возможности решения материальных проблем организаций культуры. В этой же проблемной обойме — и *процессы развития волонтерской деятельности в области*. При тех же правовых ограничениях, неумении организационных структур работать с волонтерским движением, низкой активности и готовности многих социальных групп к волонтерской деятельности реальные примеры успешного развития волонтерства (Свердловская ордена Трудового Красного Знамени государственная академическая филармония) показывают перспективность поддержки этого направления.

Еще один спектр проблем — *эффективность взаимодействия управленческих структур с творческими союзами, объединениями*. Перспективы развития отношений, задачи, основные направления связаны с ростом их самостоятельности и активного участия в формировании социальной политики в сфере культуры Свердловской области в сочетании с продуктивным лоббированием собственных интересов.

Научные исследования в области культуры, реализуемые по заказу Министерства культуры и туризма Свердловской области, пока с уверенностью можно назвать белым пятном в управленческой политике. Оценка эффективности сотрудничества с научным сообществом и реализации небольшого числа научных проектов показывает, что потребность в них у управленческих структур разного уровня пока еще плохо сформирована, а проблемы оптимизации взаимодействия учреждений науки, культуры и органов управления культурой плохо рефлексированы, не претворяются в конкретные проекты и лишены комплексного планирования.

Весьма остро стоят *проблемы правового регулирования: собственности и условий финансирования объектов сферы культуры, оплаты труда и социальной защиты работников культуры*. Отдельно можно говорить о проблемах автономизации учреждений культуры. Все они, как правило, транслируются с федерального уровня, но нуждаются в разработке компенсаторных механизмов на уровне области.

Потребность и необходимость развития предпринимательской деятельности в культурно-досуговой сфере — еще одно проблемное поле межсубъектного взаимодействия в сфере культуры Свердловской области. Выбор необходимых и возможных форм содействия развитию предпринимательства в культурно-досуговой сфере, поиск субъектов экономической деятельности (по сферам бизнеса, его уровню), готовых выстраивать отношения с органами государственного управления, определение условий, на которых они могут эффективно работать — вот спектр основных проблем, требующих своего решения.

Работа в выявленном нами выше проблемном поле предполагает, что для оптимизации управленческой деятельности необходимо, прежде всего, осуществить *оценку эффективности организационных форм управления в области*:

– ликвидации диспропорции в развитии социально-культурной инфраструктуры Свердловской области;

– материально-технического уровня оснащения учреждений культуры;

– кадрового обеспечения отрасли (совершенствования системы подготовки и переподготовки кадров, их социальной защиты); проблемы сохранения кадров, низкого уровня оплаты труда работников муниципальных учреждений культуры;

– доступности и качества услуг учреждений культуры для многих социальных общностей (в том числе для незащищенных малообеспеченных слоев населения, молодежи, групп риска);

– интенсивного инновационного развития культурно-досуговой сферы;

– развития и позиционирования сферы культуры как базового элемента имиджа Свердловской области;

– поддержки научно-исследовательской и методической деятельности;

– использования СМИ для сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия;

– поддержки и развития профессионального театрального искусства;

– поддержки и развития профессионального музыкального искусства;

– поддержки и развития профессиональной художественной деятельности;

– развития театрально-концертной деятельности;

– развития музейно-выставочной деятельности;

– поддержки и развития самодеятельного творчества;

– совершенствования системы информационно-библиотечного обслуживания;

- совершенствования кинотеатрального процесса, кинообслуживания населения;
- развития учреждений клубного типа;
- сохранения и эффективного использования историко-культурного наследия;
- сохранения и развития традиционных видов художественного творчества;
- формирования единого информационного пространства, развития информационных баз учреждений культуры и искусства;
- межрегионального сотрудничества в области культуры;
- международного сотрудничества в области культуры;
- развития дополнительного образования в сфере культуры и искусства.

Необходимость совершенствования и модернизации системы управления отраслью актуализирована в настоящее время и является задачей не будущего, а уже сегодняшнего дня. С нашей точки зрения, суть переориентации управленческой политики в сфере культуры в Свердловской области заключается в переходе от управления затратами к управлению результатами, основным инструментом которого является применение программно-целевого метода. Характер и масштаб его реализации на практике в настоящее время не в полной мере соответствует идее управления результатами.

Его внедрение в масштабе всей отрасли (во всех ее предметных сферах и территориальных подразделениях) потребует перехода к продуманному и обоснованному программированию системы деятельности и взаимодействия всех субъектов культурной сферы, большой интеллектуальной и организационной работы, связанной с необходимостью выработки системы стандартов и критериев оценки результативности того или иного предприятия или проекта, а, следовательно, — его финансирования. Важная проблема, неизбежная при управлении результатами и применении проектного метода, — это риски, связанные с финансированием будущего, т. е. на момент принятия решения еще отсутствующего результата.

Применение субъектного подхода будет способствовать развитию и интеграции субъектов социокультурного взаимодействия, их переориентации на реализацию современных задач и функций, стимулировать как производство, так и потребление качественных современных культурных ценностей, способствовать раскрытию потенциала региональной культуры.

Литература

1. *Бабаева А. В.* Современная западная философия о культурном пространстве // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
2. *Бибихин В. В.* Язык философии. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.
3. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

4. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.
5. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. *Марков Б. В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999.
7. *Шуклина Е. А.* Среднее профессиональное образование в сфере культуры: проблемы качества образовательных услуг // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3.
8. *Шуклина Е. А.* Качество услуг учреждений культуры Свердловской области: социологический анализ // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XVI Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения). Екатеринбург: УрФУ, 2013.
9. *Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
10. *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008.

5.2. Специфика взаимодействия социальных общностей в системе среднего профессионального образования: проблемы и перспективы

Взаимодействие органов управления образованием и учреждений среднего профессионального образования (СПО) в сфере культуры противоречиво и внутренне конфликтно. По сути своей оно не диалогично, и с 1990-х г. складывалось в условиях, когда властные структуры, прежде всего федерального уровня, последовательно игнорировали наиболее насущные нужды образовательных учреждений. Условием понимания сути и особенностей этого диалога является изучение стратегий и характера взаимодействия социальных общностей в сфере СПО как основы для выстраивания образовательной политики и принятия управленческих решений.

Исследование особенностей взаимодействия социальных общностей в сфере образования, прямо или косвенно включенных в образовательный процесс (учащихся, их родителей, педагогов, административных сообществ учреждений) и властных структур, определяющих образовательную политику в СПО в области культуры, мы выстроили, взяв за отправную точку узловую проблему социальной эффективности СПО — качество образовательной услуги. Отношение к нему всех субъектов образовательной деятельности позволяет оценить эффективность управленческой политики в этой сфере и оценить перспективы развития среднего профессионального образования в области культуры.

Результат «диалога» СПО и власти мы проследим по данным мониторинга качества государственных образовательных услуг учебных заведений СПО в сфере культуры, проведенного в мае–сентябре 2012 г. под руководством автора.

Особенностью мониторинга стало то, что его результаты позволили выявить потребностно-мотивационную, ценностно-нормативную характеристики деятельности социальных общностей, характер и перспективы их активности в этой сфере, уровень удовлетворенности созданными условиями, другими словами, увидеть стратегии деятельности и развития данных социальных общностей. Анализ траекторий развития и стратегических перспектив субъектов СПО позволил сформулировать конкретные направления для разработки моделей управления в этой сфере.

5.2.1. Проблемы методологии изучения взаимодействия социальных общностей среднего профессионального образования в сфере культуры

Среднее профессиональное образование в сфере культуры в последние годы не являлось сферой исследовательских интересов социологов ни на теоретическом, ни на прикладном уровне. Вместе с тем, ситуация в нем настолько неоднозначна, что требует комплексного описания проблем для принятия адекватных управленческих решений [1; 3; 4; 5; 8]. Реализация мониторинга качества образовательных услуг учреждений среднего профессионального образования (СПО) представляла собой комплексную проблему. Для ее решения необходимо было учитывать ряд обстоятельств.

Прежде всего, тот факт, что реализация образовательной услуги учреждений СПО представляет собой процесс взаимодействия социальных общностей, прямо или косвенно включенных в образовательный процесс: студентов, преподавателей, представителей менеджмента образовательных учреждений, управленчески воздействующих на ее организацию и реализацию, а также родителей студентов и учащихся, получающих дополнительные образовательные услуги, оказываемые образовательными учреждениями. Именно поэтому мониторинг предполагал сбор и сопоставление информации от максимально возможного числа субъектов, включенных в образовательный процесс, и по разным аспектам их взаимодействия: социально-профессиональным, социокультурным, социально-педагогическим, социально-психологическим, методическим, материально-техническим, информационно-технологическим и т. д.

Функция образовательной услуги заключается в удовлетворении потребности личности (социальной группы) в профессиональном образовании, овладении основами профессиональной культуры, получении практических навыков профессиональной деятельности, формировании общей культуры, переобучении, повышении квалификации [6]. Социальными последствиями реализации образовательных услуг становится удовлетворение потребности общества в воспроизводстве социальной структуры посредством подготовки

специалистов соответствующей квалификации, изменение социокультурной ситуации в обществе в целом, развитие культурного потенциала страны.

На уровне образовательного учреждения образовательная услуга СПО может быть рассмотрена как определенный продукт, который представляет собой комплекс образовательной программы и ее педагогического, материально-технического и организационно-управленческого сопровождения, составляющих необходимые условия ее реализации.

На уровне социума в целом специфика образовательной услуги учреждений СПО заключается в том, что она является не только средством трансляции духовных ценностей, но и частью духовного производства. Поскольку образовательная услуга может рассматриваться как общественное благо, то социальным эффектом ее реализации выступает воспроизводство человеческого капитала.

Изучение социальной эффективности образовательной услуги заключается не только в выявлении степени удовлетворенности непосредственного потребителя (личности, отдельных социальных групп) качеством образовательной услуги, но и в отслеживании широких социальных и социокультурных эффектов от реализации образовательных услуг на уровне региона, общества.

Еще одной особенностью образовательной услуги является то, что она, формируя определенные социальные и социально-профессиональные качества личности, создает культурный потенциал, задающий общую направленность ее профессиональной и творческой деятельности. Полученный в образовательном учреждении результат может иметь отложенный характер и проявляться не сразу, а через определенное время, когда потребитель будет реализовывать свой потенциал уже за пределами образовательного учреждения.

Важной составляющей и необходимым условием реализации образовательной услуги являются субъективные (потребностно-мотивационные и ценностно-нормативные) характеристики учащихся и преподавателей, они определяют эффективность их сотворчества в сфере образования и профессионального становления. Именно поэтому мониторинг ориентирован на сбор информации субъективного плана: мотивов, оценок, настроений, ожиданий и т. д., сопровождающих образовательный процесс.

Образовательная услуга является протяженной во времени, проходя разные стадии жизненного цикла, она для одних и тех же потребителей может иметь в разные периоды разное качество, в большей или меньшей степени удовлетворяя их образовательные потребности. Будучи реализована во времени, образовательная услуга должна быть исследована в рамках мониторинга с точки зрения качества целей, средств, процесса и результата. Изучение представлений различных социальных групп, включенных в образовательную деятельность, об этих составляющих позволит получить всестороннюю и комплексную картину эффективности реализации образовательной услуги на уровне образовательного учреждения.

Говоря о значении и применимости результатов мониторинга, необходимо отметить, что основной его функцией является создание информационной базы для принятия управленческих решений в сфере управления качеством образовательных услуг. Причем полученные данные могут быть использованы на уровне как министерства, так и отдельного образовательного учреждения, отслеживающего результативность своей работы. Процедуры сравнения отдельных образовательных учреждений между собой позволят увидеть как системные проблемы, так и отдельные упущения в области менеджмента, финансирования, продвижения и регулирования рынка образовательных услуг СПО.

Понимая стоящие перед исследователем сложности, укажем еще на одну проблему методологического свойства, которая возникает при определении понятий «качество (эффективность) образовательной услуги» и «качество образования». Присоединяясь к позиции целого ряда исследователей, мы будем рассматривать понятие «качество образования» как более широкое, распространяющееся на микроуровень личности, мезоуровень социальной группы и организации, макроуровень общества в целом. Понятие «качество образовательной услуги» менее абстрактно, более инструментально и характеризует, как правило, деятельность образовательного учреждения и эффективность образовательной деятельности обучающихся в нем [3, с. 333–352].

Именно поэтому методологически сложный и трудоемкий процесс исследования глобальных социальных и социокультурных эффектов, заключающихся в анализе воспроизводства социальной структуры, характеристике уровня кадровой обеспеченности региона выпускниками-специалистами в сфере культуры и качества этих специалистов, а также в рассмотрении социальных эффектов культурного воспроизводства, являющихся результатов их профессиональной деятельности, остаются за бортом мониторинга, относясь к сфере качества образования как системы и социального института [2; 7].

Целью нашего исследования стала оценка общностью потребителей качества образовательных услуг учреждений СПО, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области. Нами были изучены такие образовательные учреждения области как Нижнетагильский колледж искусств, Уральский музыкальный колледж, Свердловское музыкальное училище им. П. И. Чайковского, Свердловский колледж искусств и культуры, Свердловский мужской хоровой колледж, Асбестовский колледж искусств, Краснотурьинский колледж искусств, Свердловское художественное училище им. И. Д. Шадра. Каждое из этих образовательных учреждений уникально, имеет свое лицо, сложившиеся традиции, историю, образовательную и культурную миссию, обладает очень профессиональным кадровым потенциалом, выпускники этих образовательных учреждений известны далеко за пределами нашей страны.

Задачи исследования:

1. Выявить отношение студентов музыкальных и художественных колледжей, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, к условиям реализации образовательной услуги:

- качеству преподавания;
- характеру социально-педагогического взаимодействия;
- организации учебного процесса, практики, концертной (выставочной) деятельности;
- социально-психологическим условиям взаимодействия в учебном коллективе, группе;
- методической, материально-технической, информационно-технологической обеспеченности учебного процесса;
- санитарно-гигиеническим условиям образовательного учреждения.

2. Охарактеризовать отношение студентов колледжей к процессу реализации образовательной услуги:

- удовлетворенность процессом обучения;
- динамику интереса к образовательной деятельности за время обучения и факторам, обуславливающим этот процесс;
- оценку уровня освоения дисциплин разного профиля.

3. Определить отношение студентов к результату реализации образовательной услуги:

- самооценку уровня профессиональной подготовки в образовательном учреждении;
- самооценку характера профессионального самоопределения и становления;
- удовлетворенность студентов получением профессионального образования, обучением по выбранной специальности, в данном образовательном учреждении.

4. Изучить отношение родителей к качеству дополнительных образовательных услуг, которые получают их дети в образовательном учреждении СПО.

5. Выявить мнения представителей администрации образовательных учреждений СПО, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, о проблемах обеспечения качества образовательных услуг.

Объектом исследования были: студенты образовательных учреждений СПО, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области; родители учащихся, получающих дополнительные образовательные услуги в данных колледжах; директора и завучи колледжей.

В исследовании реализована стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Количество опрошенных студентов из каждого колледжа было пропорциональным общему числу обучающихся в данных образовательных учреждениях. Объем выборки — 833 студента.

Кроме того, были опрошены дети, получающие дополнительные образовательные услуги в Свердловском музыкальном училище им. П. И. Чайковского, и их родители. Опрашивались учащиеся старших классов музыкальной школы (29 чел.) и родители уча-

щихся младших классов (19 чел.). В целом они репрезентируют 50 % от годового объема государственной услуги по программе дополнительного образования для детей.

Были опрошены также родители учащихся, получающих в колледжах среднее (полное) общее образование, всего 67 чел.

Структурные характеристики выборочной совокупности, показывающие распределение по образовательным учреждениям, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Структура выборочной совокупности

Средние профессиональные образовательные учреждения культуры и искусства	Чел.	В процентах
Нижнетагильский колледж искусств	101	12,2
Уральский музыкальный колледж	50	5,8
Свердловское музыкальное училище им. П. И. Чайковского	150	18,2
Свердловский колледж искусств и культуры	190	23,2
Свердловский мужской хоровой колледж	46	5,4
Асбестовский колледж искусств	84	10,1
Красноурьинский колледж искусств	116	14,0
Свердловское художественное училище им. И. Д. Шадра	96	11,1
Итого	838	100,0

В целом ошибка выборочного среднего и выборочной доли не превышают 0,05 при уровне вероятности 0,95.

Структурировав проблему на блоки, мы проанализировали мнения студентов относительно условий реализации образовательной услуги, ее процесса и результата. Для более целостной оценки ситуации нами были изучены мнения по данным проблемам администрации колледжей, родителей учащихся и детей, получающих дополнительные образовательные услуги в учебных заведениях СПО.

5.2.2. Отношение студентов к качеству преподавания в колледже и характеру социально-педагогического взаимодействия «студент — преподаватель»

Характеристика условий реализации образовательных услуг колледжей в оценках студентов и администрации образовательных учреждений культуры СПО оказалась самой противоречивой. Так, студенты продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности качеством преподавания; характером социально-педагогического взаимодействия с педагогами колледжа; организацией учебного процесса, практики, концертной (выставочной) деятельности; социально-психологическими условиями взаимодействия в учебном коллективе; учебно-методическим оснащением образовательного процесса (см. табл. 2). В меньшей степени они удовлетворены информационно-технологической и материально-технической обеспеченностью учебного процесса, организацией внеучебной

деятельности. У студентов есть претензии относительно санитарно-гигиенических условий образовательного учреждения. Особенно это касается туалетов, аудиторий, пунктов общественного питания.

Таблица 2

Студенты об удовлетворенности организационными и социально-психологическими составляющими деятельности учебного заведения
(в процентах к числу ответивших)

Насколько Вы удовлетворены..?	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Полностью не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Индекс ⁷
Качеством преподавания	37,3	42,5	8,6	3,3	8,3	0,51
Стилем преподавания	32,6	44,7	10,6	4,2	7,9	0,46
Отношениями с преподавателями	43,6	41,2	6,9	3,9	4,5	0,57
Организацией учебного процесса	32,7	42,6	13,6	7,2	3,9	0,40
Организацией практики	32,0	35,6	12,0	5,9	14,5	0,38
Организацией концертной деятельности	46,4	26,1	13,0	6,6	7,9	0,46
Организацией внеучебных мероприятий	34,4	29,2	13,6	13,3	9,5	0,29
Психологической атмосферой в учебном заведении	50,1	32,4	7,9	5,8	3,8	0,56

Отношение студентов к качеству преподавания — это комплексная характеристика профессиональной деятельности педагогического сообщества колледжа. В данное понятие студенты включают свои представления о педагогических кадрах образовательного учреждения, уровне их квалификации и профессиональной подготовки, особенностях профессиональной культуры, а также, что не менее важно, умении передать студентам профессиональные знания и навыки, соответствующие как государственным стандартам, так и современному уровню требований к специальности.

В целом 79,8 % студентов удовлетворены качеством преподавания, что является довольно высоким показателем профессиональной компетентности кадрового состава образовательных учреждений и эффективности его педагогической деятельности. Не удовлетворен качеством преподавания каждый восьмой студент. Практически столько же респондентов затруднились с ответом.

Характер социально-педагогического взаимодействия «студент — преподаватель» мы описывали двумя показателями — «стиль преподавания» и «отношения с преподавателями». Если показатель «стиль преподавания» фиксирует взаимодействие студентов с

⁷ Здесь и далее индекс рассчитан как среднее значение по порядковой шкале, его значения колеблются в границах от -1 до +1.

преподавателями исключительно в сфере образовательной и даже уже — учебно-методической деятельности, то понятие «отношения с преподавателем» выходят за эти рамки в область неформальных контактов, что оказывается чрезвычайно важным в подготовке специалистов творческих профессий со свойственной им индивидуальной, своего рода «штучной» работой по превращению учащегося в профессионала.

В целом стилем преподавания удовлетворены 77,3 % респондентов, позитивно оценивают отношения с преподавателями еще большее число респондентов — 84,8 % (см. табл. 2). Это высокие показатели, свидетельствующие об эффективном социально-педагогическом взаимодействии студентов и педагогов в образовательных учреждениях СПО городов Свердловской области.

В связи с анализом проблем качества преподавания рассмотрим ряд факторов, его обуславливающих, обратившись к интервью с директорами образовательных учреждений. Смысл этой отсылки к мнениям ключевых информантов заключается в том, чтобы постараться обозначить и еще раз заострить проблемы, с которыми сталкиваются образовательные учреждения СПО.

В первую очередь менеджментом образовательных учреждений актуализируется проблема восполнения педагогических кадров и напрямую с ней связанный вопрос заработной платы педагогов⁸.

«В сфере музыкального, да и всего художественного образования, люди действительно подвижники, и они работают не за деньги, они работают за профессиональный результат. Что касается проблемы с кадрами, то у нас её практически нет. У нас преподают лучшие профессора и специалисты в Екатеринбурге и Свердловской области. Но сейчас меня мучает вопрос, уйдет это поколение учителей, а молодое поколение ведь не будет так работать без достойных зарплат. Кадровый состав, это, конечно, проблема общегосударственная, не только Свердловской области.

Нам сейчас дают возможность перераспределять средства. Это не такая система оплаты труда, как в школах, но свобода у меня есть. Но у кого должна забирать? У нас педагоги почти все музыканты с высшей категорией. У них у всех 30 %, откуда взять мне больше? Я не могу брать с родителей плату» (Э. Г. Архангельская, директор Уральского музыкального колледжа).

Важной проблемой, по мнению директоров колледжей, является оптимизация системы повышения квалификации. Прежде всего, необходимо как минимум восстановить финансирование курсов повышения квалификации для педагогов. Важна комплексность и системность в подготовке и переподготовке педагогов при оптимальном сочетании ее различных форм.

«Каждый преподаватель сам оплачивает курсы повышения квалификации. Если в колледже мы должны иметь педагогический состав только первой и высшей категории,

⁸Здесь и далее мы приводим фрагменты глубинного интервью с директорами колледжей.

то педагоги у нас делают это за свой счет, хотя раньше это входило в финансирование» (Е. С. Тапилина, зам. директора Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра).

«Давайте возьмем систему повышения квалификации. Если раньше все было на безвозмездной основе, то теперь за это требуют большие деньги. Представьте себе, педагог получает 5 тысяч, а за повышение квалификации надо 9 заплатить» (Т. А. Бутузова, директор Свердловского колледжа искусств и культуры).

«Руководитель учебного заведения обязан быть в курсе всего, что происходит, он обязан анализировать. Но далеко не каждый год удается побывать на учебе, не говоря уж о преподавателях. Преподаватели ездят, как правило, за свой счет — это серьезная проблема. Наше учебное заведение много прилагает усилий для повышения квалификации. Мы проводим конкурсы, международные конкурсы — это все является очень хорошей школой, но все-таки должна быть разработана система. В консерватории у нас есть факультет повышения квалификации, но своих-то мы знаем, многие профессора у нас работают. Какой-то процент педагогов по закону учебное заведение обязано отправлять. В советское время на это было финансирование. Все это нам очень важно, потому что талантливым музыкантам ведь отстать легко, а догонять очень тяжело. Когда в коллективе много музыкантов высокого уровня, они ощущают, что есть постоянная потребность в общении» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

Директора колледжей отмечают, что решение проблем кадрового обеспечения и повышения квалификации кадров государственных образовательных учреждений должно осуществляться на государственном уровне, в противном случае бесполезно говорить о перспективах развития не только образовательных учреждений, но и отрасли в целом.

Для образовательных учреждений культуры, особенно такого уровня как в городах Свердловской области, проблема повышения квалификации не может замыкаться только на переобучении, переподготовке. По своей сути она шире, и для профессионалов высокого уровня выступает в форме профессиональной коммуникации и культурных обменов. При достаточно масштабном развитии фестивальной деятельности в городах области, по мнению администрации колледжей, необходимо дальнейшее совершенствование форм профессионального общения педагогов.

«Нам бы, конечно, хотелось иметь профессиональное общение с коллегами и в России, и за рубежом. Когда есть профессиональный рост, есть и потребность в обменах, общении. Хотелось бы иметь и возможности для этого. Пусть даже не за граница, там все по-другому, мы к этому только идем. Вот мы сегодня сидели с коллегами и обсуждали то, сколько концертов должно пройти в ноябре — это Германия, это Канада, наши выпускники работают в более чем 10 странах мира, и понятно, что это не последние люди в своей профессии. Выпускники вокалистов — это Пражская опера, Большой театр, это можно бесконечно перечислять. Тяжело, когда знаешь, как это должно быть,

и чего ты не можешь сделать»» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

5.2.3. Отношение студентов к организации учебного процесса, практики, концертной (выставочной) деятельности

Далее охарактеризуем мнения студентов относительно организации различных аспектов учебной и внеучебной деятельности образовательного учреждения (см. табл. 2). В целом организацию учебного процесса в колледже позитивно оценивают 75,3 % студентов (20,8 % респондентов не удовлетворены ею). Столь же оптимистичны студенты (72,5 %) в оценках организации концертной деятельности. В некоторой степени проблемными, с их точки зрения, являются организация практики (67,7 %), а также внеучебных мероприятий (63,6 %) — здесь позитивных оценок меньше.

Проблемы организации концертной деятельности в представлении администрации колледжей выглядят иначе. Для менеджмента эта проблема напрямую связана с недостатком финансирования, которое необходимо для оплаты работы преподавателей, использования транспорта, пошива костюмов, закупки реквизита и т. д.

«Если говорить о концертной деятельности конкретно нашего учебного заведения, то мы единственные в нашей системе министерства культуры по набору специальностей: у нас и хореография, и театральная режиссура, и народно-театральное творчество, и вокальное, и эстрадное творчество, и цирковое, и библиотечное. Каждая специальность нуждается в поддержке. При организации концертной деятельности, в первую очередь, встает проблема костюмов. Так, года 4 или 5 мы уже не заказывали ничего. Подвижники преподаватели у ребят собирают деньги и сами кроют, шьют. А концертные программы мы все проводим на безвозмездной основе. С кого брать, если мы детскими домами, пансионатами престарелых занимаемся?» (Т. А. Бутузова, директор Свердловского колледжа искусств и культуры).

«Проблемы организации концертной деятельности тоже проблемы финансового характера. Хотя мы ведем очень большую концертную деятельность, в десятки раз больше концертов даем, чем любое другое учебное заведение, мы единственное учебное заведение, не имеющее транспорта никакого. Как ездить в города области? Есть, конечно, современные технологии, вот как филармония сейчас начала трансляции, но живое выступление ничего не заменит. Музыкант постоянно должен быть на сцене, себя проявлять, набираться опыта, иначе ничего не получится. Хотели бы мы, чтобы была такая возможность, чтобы ребята могли себя реализовывать». (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

Кроме финансирования концертная деятельность нуждается и в организационной работе по выделению, созданию концертных площадок, работе с целевой аудиторией, ори-

ентированной на предлагаемый культурный продукт, другими словами, созданию необходимой среды для культурного взаимодействия зрителей и детей-музыкантов.

«Я думаю, что должно быть больше и концертных площадок в Екатеринбурге. Мы должны иметь точки приложения, потому что мы обладаем огромными возможностями, но не всегда можем выступить» (Э. Г. Архангельская, директор Уральского музыкального колледжа).

Организация практики студентов подчас становится для образовательных учреждений серьезной проблемой. Директора колледжей указывают на то, что это проблема и организационного, и финансового характера. Необходимо, с их точки зрения, пересмотреть порядок финансирования условий проведения практики для студентов и работы преподавателей. Констатируется также, что образовательным учреждениям необходима помощь в организации мест проведения практики.

«Если раньше практика финансировалась, преподаватель мог выехать на практику прокурировать студентов, а мы бригады делали из разных специальностей и отправляли в районы. Сейчас этого нет. Теперь выбор места практики — это как с кем удастся договориться, все происходит на личных симпатиях, так мы и работаем» (Т. А. Бутузова, директор Свердловского колледжа искусств и культуры).

Вместе с тем, отношение студентов (67,7 %) к организации практики в целом позитивное (см. табл. 2).

5.2.4. Отношение студентов к социально-психологическим условиям взаимодействия в учебном коллективе, группе

Характеризуя социально-психологические условия образовательной деятельности студентов, отметим, что для 82,5 % из них эти условия являются комфортными. Психологический дискомфорт от взаимодействий в учебном коллективе, группе испытывают 13,7 %, затруднились с ответом 3,8 % респондентов (см. табл. 2).

Вместе с тем, проблема социально-психологического благополучия студентов не исчерпывается только социально-психологическим климатом коллектива.

«Я думаю, что в современном образовании в каждом учебном заведении должен быть психолог. Это ведь очевидно, потому что много детей появляется, которым нужна коррекция, иначе он не выдержит нагрузки, которые на него свалятся. Надо очень серьезно ему помогать. Пусть на два учебных заведения будет психолог, но эта служба должна работать, потому что около 40 % детей нуждаются в этом. Должен быть однозначно специалист» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

Представители администрации образовательных учреждений ставят проблему необходимости введения ставки психолога для социально-психологической коррекции, психологического сопровождения образовательной деятельности студентов.

5.2.5. Отношение студентов к методической, материально-технической, информационно-технологической обеспеченности учебного процесса

Анализируя отношение студентов к организационным условиям и материально-технологическому оснащению учебного процесса, выделим наиболее проблемные, с точки зрения студентов, области. Это оснащение учебных аудиторий техническим оборудованием (аудио, видео и др.) — им удовлетворены 49,1 % студентов, а также условия информатизации образовательного учреждения (возможность работы на компьютере, использования ресурсов Интернет). Уровнем доступности в образовательном учреждении современных информационных технологий удовлетворена только половина (49,0 %) респондентов (см. табл. 3).

Таблица 3

Студенты о методической, материально-технической, информационно-технологической обеспеченности учебного процесса (в процентах к числу ответивших)

Вы удовлетворены?	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить	Индекс
Расписанием занятий	24,7	37,9	19,4	11,9	6,1	0,22
Уровнем доступности учебной и методической литературы в библиотеке образовательного учреждения	36,9	35,4	15,3	6,6	5,8	0,40
Наличием и качеством музыкальных инструментов в образовательном учреждении	24,1	27,3	20,0	16,4	12,2	0,11
Наличием, удобством концертного(ых) зала(ов)	39,3	35,9	13,5	8,3	3,0	0,42
Оснащением учебных аудиторий техническим оборудованием (аудио, видео и др.)	20,6	28,5	24,8	18,8	7,3	0,04
Уровнем доступности в образовательном учреждении современных информационных технологий (возможностью работы на компьютере, использования ресурсов Интернет)	22,4	26,6	20,8	21,1	9,1	0,04

Обращаясь к анализу мнений представителей администрации колледжей, отметим, что ими эта проблема воспринимается как очень серьезная.

«Еще можно обозначить одну проблему — нам очень тяжело поддерживать уровень современного образования, я подчеркиваю, что именно современного. Современное образование предполагает очень хорошее техническое оснащение, что дает возможность быстрее овладевать такими предметами как гармония, полифония, литература, то есть теми, которыми можно овладевать с помощью этой техники. Мы были в Голландии и Ирландии, там компьютеры стоят на столах в коридорах, там каждый студент подходит и может решать любую проблему, никуда не обращаясь, никого не спрашивая. Мы в этом очень отстаем, это на нас скажется потому, что это очень важно, быстрее вмещать больше знаний, больше умений — это вопрос времени, а время, Вы знаете, что оно все больше и больше ужимается» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

«Больная проблема на сегодня — это отделение дизайна. Оборудование компьютерное устарело, не хватает порядка 47 компьютеров, компьютерного класса, аудиторий — это первое. И второе — это, конечно, лицензионное программное обеспечение, это касается таких программ как фотошоп и программ дизайнерских. Компьютерные классы нам нужны не только для факультета дизайна, но это и информатика, и компьютерные технологии на всех отделениях. Для дизайна это вообще жизненно необходимо иметь. По нормативам аудитории должны быть оборудованы и компьютерами, и проекторами. Интернет провели, но сеть у нас плохая, финансирования на работу в сети нет, и даже то, что её разводили по колледжу, все делали за счет своих внебюджетных средств» (Е. С. Тапилина, зам. директора Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра).

Другой серьезной проблемой является оснащенность музыкальных колледжей качественными музыкальными инструментами. В целом по всем образовательным учреждениям наличием и качеством музыкальных инструментов в образовательном учреждении удовлетворена только половина (51,4 %) респондентов. Не удовлетворены 36,4 % студентов, остальные затруднились с ответом (см. табл. 3).

Для представителей образовательного менеджмента обеспечение наличия качественных музыкальных инструментов в колледже — одна из серьезнейших управленческих проблем, решение которой требует постоянных усилий.

«Серьезная проблема — это отсутствие нового инструментария. Парк роялей изношен более чем на 90 %. Обучение дорогое, тогда, тем более, не надо допускать такого. Если студент платит большие деньги, и нет хорошего инструмента, то, что же тогда он тут делает? Зачем тратить такие деньги?» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

Для художественных колледжей проблема обеспечения учебного процесса необходимым инструментарием столь же актуальна.

«По каким бы направлениям мы не рассматривали, все упирается в финансы. Все остальное — пополнение молодыми кадрами, профессиональная подготовка наших ребят, с этим мы справляемся, но не хватает финансирования. Основное у нас — это мольберты, то есть тот инструмент, за которым работает художник. Обновления уже много лет не было. Какие-то единицы удается закупить, но все у нас списано, все старое. На каждого студента положен один мольберт, у нас на всех не хватает, их надо докупать.

Следующий момент, в 2010 году вышел новый стандарт третьего поколения, в Москве разработана примерная образовательная программа по этим стандартам, там прописано, что у ребят должны быть мольберты, еще мы должны закупать материалы — краски, кисти, бумагу, профессиональные материалы для дизайнеров, для компьютерной верстки и печати их проектов. Этого много лет уже нет. Минимальное, что мы можем выдать — это бумагу для картона у живописцев для дипломных работ и изготовить рамки, у нас есть столярная мастерская. Мы считали, что на одну дисциплину год, на одного студента нужно где-то 3–5 тысяч — это для того, чтобы обеспечить их материалами для выполнения основных программных заданий» (Е. С. Тапилина, зам. директора Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра).

Следующей по степени остроты проблемой является удовлетворенность студентов расписанием учебных занятий. Она отнюдь не связана только с работой методистов, умеющих квалифицированно выполнять свои профессиональные задачи. Прежде всего, это косвенный показатель наличия и качества аудиторного фонда образовательного учреждения, степени его приспособленности для реализации учебной деятельности студентов. В целом по выборке удовлетворены расписанием только 62,6 % респондентов (см. табл. 3). Не удовлетворена третья часть студентов (31,3 %), остальные затруднились с ответом.

«На сегодняшний день мы даже не можем разместить группы по 8 человек, как это указано в стандартах. Даже по 16 человек размещаем с трудом, так как не хватает мастерских. Очень тяжело, тут еще специфика, что такие предметы, как живопись можно проводить только в светлую часть дня. В рамках аккредитации рассматривается общая площадь, а не учебная, то есть и коридоры, и вентиляция. По общим нормативам мы проходим, а реально страдаем потому, что учтены все наши большие коридоры и выставочные площади. Стоит проблема расширения» (Е. С. Тапилина, зам. директора Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра).

Для образовательных учреждений, так называемого полного цикла, когда среднее профессиональное образование совмещено с допрофессиональным, проблемы аудиторного фонда и его оснащения обретают особый характер.

«У нас пришли дети в первый класс. Для таких учеников должны быть другие парты. И у нас каждый родитель покупает ребенку парту и учебники. Это не считая того,

что они покупают своим детям музыкальные инструменты, которые стоят очень дорого. А инструменты ведь меняются. Фортепиано и рояль — это понятно, а остальные инструменты нужно покупать через определенный промежуток времени. Получается, что это непомерные и противозаконные расходы. Но родители, когда приходят к нам учиться, они понимают, на что эти деньги, что мы не кладем себе ничего в карман. Они сами сделали ремонт, сами купили парты, сами купили учебники. Но это неправильно» (Э. Г. Архангельская, директор Уральского музыкального колледжа).

Уровень методического оснащения учебного процесса, по оценкам учащихся, не принадлежит к наиболее острым проблемам образовательных учреждений. Колледжи при всех сложностях финансирования имеют достаточный методический арсенал, который собирался и формировался в образовательном учреждении продолжительное время. Несколько более проблематична ситуация с учебной литературой. В ходе интервью директора отмечали эту проблему как чрезвычайно болезненную для образовательных учреждений СПО.

«Мы, и не только мы, все аналогичные заведения, не соответствуем государственному стандарту. Литература должна служить 5 лет, не более, заявки мы подавали, нужна большая сумма, чтобы обновить литературу. Это, наверное, главное» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

«Учебники — это боль любого учреждения» (Т. А. Бутузова, директор Свердловского колледжа искусств и культуры).

«Библиотека у нас хорошая, у нас много ценных изданий, которые хранятся как золотой фонд. А вот что касается учебников, они раз в 5 лет должны обновляться. Этого нет. У нас накоплено много материалов, все, что наработано училищем и то, что вообще в этой сфере наработано. У нас библиотека богатая. Единственное — это обновление учебной литературы. А золотой фонд — это все есть, то, на чем держится классическое художественное образование» (Е. С. Тапилина, зам. директора Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра).

Особенно остро проблема учебной литературы стоит для образовательных учреждений, обеспечивающих учащихся получение среднего общего полного образования. Другими словами, межведомственные противоречия между министерствами образования и культуры приводят к прямым нарушениям права учащихся на получение образования.

«Важнейшая проблема для нас — это проблема отношений с министерством образования. Наши дети непонятно почему не входят ни в одну программу министерства образования, хотя мы даем начальное образование основное, начальное общее и основное общее. Но при этом мы не получаем учебников, наши преподаватели получают зарплату совершенно другого уровня, мы не попадаем в программы по компьютеризации и так далее. Мы никуда не попадаем. Но министерство образования пока понимания сути про-

блем нашего учебного заведения не демонстрирует» (Э. Г. Архангельская, директор Уральского музыкального колледжа).

В целом по выборке удовлетворены уровнем доступности учебной и методической литературы в библиотеке образовательного учреждения 72,3 % студентов. Не удовлетворен каждый пятый (21,9 %), остальные затруднились с ответом (см. табл. 3).

Директора колледжей гораздо более, чем студенты, категоричны в оценке условий реализации образовательных услуг. Высказываемые ими претензии относительно финансирования, материально-технического и организационного обеспечения образовательной деятельности студентов напрямую связаны с кризисной ситуацией в отрасли и хроническим недофинансированием образования в области культуры. К наиболее проблемным областям они относят: плохую материально-техническую оснащенность зданий, аудиторий, необходимость ремонта в них; изношенность парка инструментов; отсутствие финансирования в соответствии с госстандартами на получение учебной литературы, методических материалов, особенно на современных носителях, на приобретение в художественном колледже мольбертов и всех расходных материалов; низкую заработную плату учителей, ограничивающую воспроизводство кадрового состава образовательных учреждений; отсутствие финансирования на повышение квалификации педагогов, а также практику студентов. Директора колледжей говорят о необходимости помощи в организации концертной деятельности учащихся и культурных обменов среди педагогов. Администрация колледжей убеждена в необходимости корректировки правовой регламентации взаимодействия образовательных учреждений со спонсорами, разработки на государственном уровне политики формирования культуры меценатства. По их мнению, изменение порочной практики финансирования образования в области культуры должно сочетаться с современными проектными методами управления, адресной поддержкой конкретных образовательных учреждений и программ, системы грантов и иных управленческих механизмов.

5.2.6. Отношение студентов к процессу и результату реализации образовательных услуг

Характеризуя отношение студентов колледжей к процессу реализации образовательной услуги, мы выявили, что они демонстрируют высокий уровень удовлетворенности процессом обучения. При этом для них характерна активная позитивная динамика интереса к образовательной деятельности за время обучения в колледже. В структуре факторов, определяющих интерес студента к учебе, оказываются значимыми как материальные и социально-педагогические условия обучения в колледже, так и мотивационные, личностные факторы. Основной причиной эффективности учебной деятельности студенты называют интерес к содержанию обучения, преподаваемым предметам. Именно этот фактор определяет как успешность, так и не успешность освоения дисциплин разного

профиля, являясь решающим в организации учебного процесса, выстраивании приоритетов выбора методики и других способов педагогического воздействия на учащихся.

Характеризуя отношение студентов к результату реализации образовательной услуги, отметим, что студенты удовлетворены уровнем профессиональной подготовки в образовательном учреждении: формированием профессиональных навыков; возможностью приобрести в образовательном учреждении разносторонние и глубокие знания; раскрыть свои индивидуальные способности.

Особенностью профессиональной мотивации студентов образовательных учреждений, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, является доминанта мотивов самореализации и интереса к профессии. Для студентов характерна позитивная динамика отношения к профессии за время обучения в колледже. Большинство респондентов укрепились в сделанном профессиональном выборе.

Для определения степени реализации жизненных планов студентов в области получения образования и профессионального становления были выбраны четыре ключевых показателя. К ним относятся удовлетворенность студентов: 1) получением профессионального музыкального (художественного) образования; 2) учебной в колледже; 3) учебной по специальности; 4) получением выбранной профессии. По всем показателям мы получили оценки, свидетельствующие о высокой степени удовлетворенности студентов результатами этой деятельности, воплотившими их жизненные цели. Два последних показателя, выявляющие приверженность студентов специальности, по которой реализуется обучение в образовательном учреждении и выбранной профессии, наиболее явно демонстрируют характеристики устойчивости профессионального выбора и позитивной динамики процесса профессионального становления студентов. В целом для студентов характерна приверженность будущей профессии, выбранной специальности, по которой реализуется обучение, образовательному учреждению.

Учащиеся, получающие дополнительные образовательные услуги (практически 100 %), обучающиеся в музыкальной школе при колледже, дают позитивные оценки качеству и стилю преподавания, отношениям с преподавателями, высоко оценивают психологический комфорт процесса обучения, удовлетворены различными формами организационной деятельности коллектива музыкальной школы: организацией учебного процесса; концертной деятельности; внеучебных мероприятий. Столь же высоко учащимися оценивается и результат обучения: полученные профессиональные навыки музыканта; знания по интересующим предметам; самореализация, развитие музыкальных способностей.

Вместе с тем, условиями образовательного процесса учащиеся не вполне удовлетворены. Как и студентов, каждого третьего не устраивает оснащение учебных аудиторий техническим оборудованием, доступность современных информационных технологий, санитарно-гигиеническое состояние учебных аудиторий и общественных туалетов. Аналогичные же тенденции прослеживаются и в отношении родителей к условиям, в кото-

рых реализуется образование их детей. Это характерно для родителей, чьи дети получают как дополнительное, так и основное общее образование. Последние, кроме того, высказывают опасения относительно глубины и разносторонности знаний, получаемых их детьми в образовательном учреждении в связи с их перегруженностью и традиционно сложно решаемой проблемой поиска оптимального сочетания специальных и общеобразовательных дисциплин.

Характеризуя особенности потребительского поведения учащихся и их родителей, необходимо отметить, что для них характерна высокая степень лояльности образовательному учреждению, приверженности выбранной специальности, оправданность ожиданий, связанная с получением музыкального образования.

В целом мониторинговое исследование выявило, что взаимодействие городских социальных общностей СПО в сфере культуры и стратегии их поведенческой деятельности определяются высоким уровнем удовлетворенности всех субъектов образовательного процесса (студентов, учащихся и их родителей) процессом и результатом реализации образовательных услуг, который подчас вступает в противоречие с наличием возможностей у образовательных учреждений по созданию оптимальных условий для организации образовательного процесса. Исследование показало, что среднее профессиональное образование в области культуры развивается скорее вопреки, чем благодаря культурной политике, реализуемой на федеральном уровне. Для того, чтобы обеспечить не только воспроизводство как минимум на прежнем уровне, но и развитие СПО в области культуры, государство должно повернуться к нему лицом, поскольку имеющийся у колледжей мощный культурный, образовательный и социальный потенциал нуждается в постоянной управленческой поддержке госструктур областного и федерального уровней.

Литература

1. *Анисимов П. Ф.* Регионализация среднего профессионального образования (вопросы теории и практики). М.: Высшая школа, 2002.
2. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. 2003. № 4.
3. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования. М.: Гардарики, 2005.
4. *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы–начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008.
5. *Осинов А. М.* Социология образования: Очерки теории. Ростов-Н/Д: Феникс, 2006.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?33602>.

7. *Чердниченко Г. А.* Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социологические исследования. 2011. № 9.

8. *Хохлушкина Ф. А.* Социальная селекция в системе среднего специального образования // Актуальные проблемы образования: сб. науч. тр. / Научн. ред. Д. Л. Константиновский, Г. А. Чердниченко. М.: Реглант, 2003.

5.3. Социальная общность детей мигрантов и городской социум: проблемы взаимодействия в условиях межнациональной интолерантности

Актуальность проблемы и методология исследования. Активизация миграционных процессов в России актуализирует целый спектр серьезных социальных проблем, одной из которых является взаимодействие детей мигрантов с социальными общностями в стране приема. Процессы, о которых пойдет речь, достаточно сложны, противоречивы, конфликтогенны, их обсуждение находится на острие дискуссий, будоражит общественное мнение и научную мысль. Резкий всплеск интереса к этим проблемам приходится на первое десятилетие XXI века, причем как за рубежом, так и в нашей стране.

Исследования проблематики социокультурной адаптации детей мигрантов к социуму в России находятся на стадии зарождения и не имеют значительных традиций, а уровень обобщения их результатов невысок. Постепенно формируются центры изучения проблем образования детей мигрантов и тех обучающих практик, которые не без труда находят свое применение в школах отдельных российских городов. Среди них — Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Ставрополь, Екатеринбург, средние и малые города ХМАО-Югры и др. Реализованы некоторые конкретные проекты, связанные с изучением названной проблемы в отдельных регионах страны. Опубликован ряд работ, в основном это статьи и изредка брошюры. Целостных, фундаментальных исследований в этой области в стране пока нет. Попытки таких исследований представлены в некоторых работах Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреевой, Д. А. Александрова и др. [1; 2; 3]. Исключением, пожалуй, является коллективная монография В. П. Засыпкина, Г. Е. Зборовского, Е. А. Шуклиной [4].

Одно из исследований проблем адаптации социальной общности детей мигрантов в городах к социуму страны приема проводилось в 2011–2012 гг. лабораторией региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета по заказу окружной Думы ХМАО-Югры. Его результаты легли в основу предпринятого в данной работе анализа. В ходе исследования была применена методическая стратегия множественного кейс-стади, предполагающая использование комплекса различных методов сбора социологической информации, как количественных, так и качественных⁹. В качестве кейсов выступали школы разных типов, дифференцированные по критериям:

⁹В исследовании была использована стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Для расчета объема выборочной совокупности в целом и выборки по стратам была использована

– статуса (гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов и «обычные» общеобразовательные школы);

– количества обучающихся в школах детей мигрантов.

Для школ-кейсов применялись такие методы сбора информации, как глубинные интервью с ключевыми информантами — представителями администрации (директорами, завучами по учебной и воспитательной работе), учителями (44 чел.); анкетный опрос учащихся 8–11 классов (n=1631 чел.); анкетный опрос учителей (n=1100 чел.); фокус-группы с учащимися среднего и старшего звена, представляющими коренное население округа (9 фокус-групп); полуструктурированные интервью с детьми мигрантов (25 чел.) и их родителями (150 чел.); социометрический опрос в классах с различным процентным соотношением детей мигрантов и не мигрантов (9 опросов). Проводился также экспертный опрос представителей Департамента образования и науки ХМАО-Югры (5 чел.).

В исследовании важным методологическим посылом было определение понятия «дети мигрантов». *Под социальной общностью детей мигрантов мы будем понимать реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую совокупность (взаимосвязь) детей (в возрасте до 18 лет), объединенных по социокультурным (в том числе языковым), демографическим, этническим, пространственным (территориальная миграция) и религиозным основаниям.*

В эмпирическом исследовании для идентификации детей мигрантов нами были заложены три критерия:

– прибытие семьи ребенка в страну приема из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также региона Северного Кавказа;

– время проживания ребенка в ХМАО-Югре не более 10 лет;

– иноэтничность (для учащегося мигранта русский язык не является родным).

В рамках первого критерия мы учитываем как трансграничных, так и внутренних иноэтничных мигрантов. Трансграничные мигранты — люди (социальные общности), пересекающие государственные границы РФ и переселяющиеся на другую территорию со сменой места жительства на постоянной или долговременной основе. Внутренние мигранты — люди (социальные общности), переехавшие в ХМАО-Югру на постоянное или временное место жительства из иных регионов России, преимущественно Северного Кавказа. В этой связи для нас было особенно важно учесть регион Северного Кавказа, в последнее десятилетие активно поставляющий из зон социальных конфликтов и военных действий вынужденных мигрантов, языковая и социокультурная адаптация которых представляет собой серьезную проблему.

статистическая информация о муниципальных образовательных учреждениях ХМАО-Югры. Далее была реализована двухступенчатая выборка. На первой ступени случайным образом были отобраны школы из их общего списка в выбранных населенных пунктах. На второй ступени отбирались классы (гнездовой отбор). Общий объем выборки — 1631 чел. Объем страт: Сургут — 714 чел., Нижневартовск — 472 чел., Нефтеюганск — 245 чел., населенные пункты Сургутского района — 200 чел.

Второй критерий (время проживания ребенка в ХМАО-Югре не более 10 лет) не менее важен. Многонациональность, характерная для региона ХМАО-Югры, была сформирована еще в СССР во время начала освоения нефтяных и газовых месторождений более полувека назад за счет внутренней миграции из Азербайджана, Белоруссии, Украины, Башкирии, Татарии и др. Вместе с тем, мигранты последней волны (последнего десятилетия) качественно отличаются от мигрантов предыдущих волн. Дети иноэтничных мигрантов, как правило, уже не владеют русским языком и воспитаны в иной этнокультурной среде, не отличающейся единством ценностно-нормативных образцов с РФ, как это было свойственно Советскому Союзу.

При рассмотрении третьего критерия, определяющего языковую принадлежность детей мигрантов, целесообразно учитывать фактор билингвизма, несколько затрудняющий процедуру отбора иноэтничных детей мигрантов (таких детей в нашем исследовании оказалось 0,2 %).

5.3.1. Социальная общность детей мигрантов в ситуации этнонационального негативизма в школьных сообществах

Общение с одноклассниками, социально-психологический контекст адаптации, толерантность / интолерантность по отношению к представителям иной национальности — важные для детей мигрантов условия привыкания к новому коллективу. По данным исследования оценки детьми мигрантов социально-психологических условий адаптации в школьном коллективе дифференцируются от позитивных до негативных. Большая часть респондентов отмечает, что обстановка в классе и отношение к ним в целом позитивные. Причем цивилизованность этих отношений явно определяется воспитательным воздействием школы, когда межнациональные отношения осознанно выстраиваются в классе на принципах уважительности.

Вместе с тем, в ответах детей мигрантов представлены и отношения иного типа — с широким спектром этнонациональной интолерантности. В начале адаптационного периода дети отмечают различные проявления неприятия школьным коллективом мигрантов других национальностей, простирающиеся от игнорирования до агрессии.

«Плохо относились. Мне было плохо во втором, первом, третьем классе. Дрался из-за этого. Говорили «хачик», «чурка».

«Бывали ссоры с ребятами: с мальчиками, с девочками, которые считали, что мы не русские».

По оценкам одних детей мигрантов, адаптационный период окончился для них успешно. Однако он протекает и заканчивается для ребенка успешно далеко не всегда. Могут развиваться подспудно существующие тенденции неприятия, отторжения, непо-

нимания ребенка коллективом класса. Порой этнонациональная интолерантность может иметь религиозный оттенок.

В условиях, когда ослаблено воспитательное воздействие школы в целом, педагога, дети начинают выстраивать собственные адаптационные тактики, которые имеют подчас выражено агрессивный, силовой характер, базируются на объединениях, сформированных на принципах силы и взаимозащиты.

«Ну, бывало, унижали, я даже учиться просто не хотел, а сейчас меня все боятся».

«Ну, русские, что они могут сделать. Нас больше. У нас в классе все почти дагестанцы».

«У нас компания нерусских. Не только азербайджанцы, там дагестанцы, кумыки.... В классе у нас русские тоже есть, но мы гуляем нашей компанией».

Отдельная проблема с детьми мигрантов — это выстраивание отношений с учителями. 14,5 % наших респондентов указывали на сложности в их контактах с педагогами. По всей вероятности, аспект этнонациональной интолерантности здесь тоже имеет место. Как правило, проблемными эти отношения бывают с дезадаптированными, «трудными» детьми, но сам факт их наличия вызывает беспокойство. В интервью некоторые дети мигрантов отмечали присутствие фактора этнонационального негативизма по отношению к ним со стороны учителей. Ситуации подобного рода отмечаются как в обычных, так и в «мигрантских» школах.

«С учителями нормально, помогли мне, не обижали. Но одна учительница есть у нас, просто назвала меня чуркой, говорит — приехали сюда. Ну, я тоже тихо не сидел, накричал. Мне тоже обидно было. Все в классе начали — чурка, чурка. Ну, а сейчас нормально».

«Ну, она (учительница) специально давит на нас. На русских может там ничего не сказать, двойку ни двойку там, а нам могут поставить специально. Потому что мы не русские, типа тупые».

«Я нацистов не люблю. У нас училка одна есть, по русскому. Она нацистка. На меня обзывалась: «Откуда такие только повылезали, сидели бы там в своих норах».

Ситуации интолерантности по отношению к детям мигрантов в школе являются серьезным фактором образовательной дезадаптации.

Отношение местного населения к мигрантам в оценках их детей выглядит столь же неоднозначно. Позитивное отношение населения дети мигрантов во многом связывают, с одной стороны, с существующими традициями гостеприимства, с другой — с фактом многонациональности населения региона, для которого мигранты не рассматриваются как чужие.

Негативные проявления местного населения в отношении мигрантов, по мнению детей, имеют разнообразный спектр — от неприятия представителей определенной национальности, которые мигрируют в данный регион, до агрессивности криминального характера.

«Некоторые относятся нормально, а некоторые думают, что мы “черные”. Большинство негативно относится».

«Каждый по-разному относится, смотря кто он по нации».

«Обзывают местные. Они, конечно, ко мне не лезут. Но мне это не нравится, потому что они могут избить в подъезде, ударить, там...».

«Сейчас все более или менее, раньше плоховато было. Ну, сначала к нерусским очень плохо относились... скинхеды там всякие, не скинхеды. Узнают, что нерусский, тебя возненавидят... Сейчас уже все на место встало, русские поутихли. А раньше не так было... ходили бандами. Просто на улице гулять невозможно было, в то время защиты не было у нерусских. А сейчас наши тоже начали ...».

В целом наличие некоего фона негативизма в отношении мигрантов не может не сказываться на адаптационных стратегиях детей в школьном коллективе, классе.

5.3.2. Портрет ребенка-мигранта глазами учащихся — представителей коренного населения

Следуя общей логике нашей работы, заключающейся в возможности одно и то же явление стереоскопически увидеть с разных точек зрения, с позиций разных социальных общностей, далее мы охарактеризуем представления детей коренных жителей, учащихся 8–11 классов, об облике ребенка-мигранта. Поскольку адаптация — это двунаправленный, двусторонний процесс, то это дает возможность оценить отношение к детям мигрантов их одноклассников, которые также являются активной стороной адаптационного процесса. Для получения данной информации нами был использован метод фокус-групп. Фокус-группы с учащимися не мигрантами позволили выявить обобщенные портретные характеристики детей мигрантов, полученные с позиций их своеобразных оппонентов, т.е. принимающей стороны, что позволило охарактеризовать особенности их (мигрантов) адаптации и взаимодействия в школьном коллективе.

Рисуя портретные черты детей мигрантов, учащиеся отвечали на вопрос, какие их качества являются привлекательными, а какие — раздражающими и угрожающими. Обобщенные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Социальный портрет детей мигрантов, «нарисованный» учащимися — представителями коренного населения

<i>Привлекательные черты</i>	<i>Раздражающие черты</i>	<i>Угрожающие черты</i>
Доброжелательность, дружелюбие Доброта Общительность Чувство юмора Веселые, улыбчивые Оптимистичные	Агрессивность Дерзость Навязывание другим своей точки зрения Неуважение к русским, особенно женщинам Жестокость, злость	Их слишком много Иногда одеваются как террористы – страшно Представляют угрозу населению нашей страны Склонность к преступлениям,

<i>Привлекательные черты</i>	<i>Раздражающие черты</i>	<i>Угрожающие черты</i>
Спокойные Красивые Преданность, верность Честность Харизма Сплоченность Взаимопомощь, взаимовыручка Стремление помочь Трудолюбие Целеустремленность Конкурентоспособность Занятие спортом Здоровый образ жизни Культура Религиозность Соблюдение традиций Стремление получить достойное образование Уважение к родителям, старшим Внешность Речь Всегда готовы прийти на помощь своим друзьям Внешность парней более мужественная Девушки более воспитанные и скромные Хорошая рабочая сила	Конфликтность Частые перепады настроения, импульсивность Упрямство, гордость Чрезмерная уверенность в себе Самолюбие, обидчивость Наглость, невоспитанность Самовлюбленность Уважают только свои традиции, а с традициями других народов не считаются Демонстративное поведение Вредные привычки Символика своих стран на футболках Чужой язык, говорят при других на своем языке Считают себя выше других Хотят, чтобы все признавали их авторитет Не считаются с нашей культурой Неуважительное отношение к учителям Неграмотная речь, жаргон Угрозы Сильно уделяют внимание своей религиозности	криминалу Агрессивность Вандализм Вспыльчивость Склонность к применению силы Желание быть всегда впереди, даже если другие этого не хотят Иногда носят электрошокеры с собой Носят оружие (ножи)

Выделенные нами портретные характеристики позволяют поставить проблему исследования феномена мигрантофобии. В данных суждениях представлен целый спектр различных видов мигрантофобии:

- «их» — мигрантов слишком много, «они» покушаются на нашу территорию, постепенно вытесняют «нас»;
- «они» ведут себя нагло, как хозяева, устанавливают «у нас» свои порядки;
- «они» чужды нам, угрожают нашей культуре;
- «они» претендуют на созданное нами, принадлежащее нам;
- «они» криминальны, угрожают нашей безопасности.

Кроме того, здесь отчетливо проявляется стремление учащихся — коренных жителей противостоять склонности отдельных мигрантских сообществ ХМАО-Югры к этнонациональному доминированию.

Сопоставим выявленные нами тенденции с результатами анкетного опроса учителей относительно страхов, этнических предрассудков, стереотипов мигрантофобии, характерных для местного населения и преподавательского сообщества (см. табл. 2).

Учителя о страхах, этнических предрассудках, стереотипах мигрантофобии, характерных для местного населения и преподавательского сообщества
(в процентах к числу ответивших)¹⁰

Страхи, предрассудки, стереотипы мигрантофобии	Характерны для	
	местного населения	преподавательского сообщества
«Они» — мигранты, расселяясь, покушаются на нашу территорию	40,8	6,2
Реально «их» больше, чем показывает статистика	47,2	28,2
«Они» претендуют на созданное нами, принадлежащее нам (школы, больницы, пенсии, пособия и т. д.)	24,3	12,0
«Они» криминальны, угрожают нашей безопасности	45,4	13,7
«Они» угрожают политической стабильности в регионе	20,1	9,1
«Они» более активны, предприимчивы, вытесняют нас из экономической жизни, захватывают рабочие места	37,3	12,0
«Они» чужды нам, угрожают нашей культуре	20,8	8,3
«Они» ведут себя нагло, как хозяева, устанавливают «у нас» свои порядки	65,8	23,2
«Они» живут лучше, чем мы	19,7	10,4
«Их» религия чужда и враждебна нам, нашему образу жизни	15,1	3,7
Ничто из перечисленного	12,3	38,2
Итого	348,9	165,1

Очень высокие проценты, характеризующие страхи и этнические предрассудки местного населения относительно мигрантов, особенно по таким показателям как стремление устанавливать свои порядки (65,8 %), криминальность, угроза безопасности (45,4 %), территориальные притязания (40,8 %) свидетельствуют о скрытом или явном недружелюбии местного населения и латентно некомфортной среде для мигрантов.

Оценки собственных страхов и предрассудков у учителей в процентном отношении в 2–3 и более раз ниже, чем оценки отношения местного населения, что свидетельствует о том, что школа остается территорией толерантности к мигрантам и их детям.

5.3.3. Этнонациональные барьеры адаптации социальной общности детей мигрантов в социокультурную среду города

В ходе нашего исследования для понимания уровня готовности к интеграции в социокультурную среду, выявления степени влияния на этот процесс этнонациональных ба-

¹⁰ Итоговая сумма превышает 100 %, поскольку данный вопрос является поливариантным.

рьеров, ограничений, стереотипов и предрассудков нами было осуществлено рассмотрение социальной дистанции, которую готовы допустить дети мигрантов во взаимодействии с представителями различных национально-этнических групп.

При измерении этого признака использовалась шкала Богардуса (Emory S. Bogardus). Данная шкала традиционно применяется для измерения национальных установок. Смысл этой методики заключается в том, чтобы определить, на каком социальном расстоянии держит одна исследуемая группа другую, какой тип социальных отношений по тесноте и близости взаимодействия приемлем для различных, прежде всего, национальных сообществ. В нашем случае мы хотели замерить величину социального расстояния между детьми мигрантов ХМАО-Югры как социальной общности и представителями различных этнических групп, тем самым выявив уровень доверия между ними и влияние на него традиционных национально-этнических стереотипов.

Разработанная нами шкала суждений, характеризующих глубину (тесноту) социальных связей в анкете была представлена в виде таблицы (см. табл. 3.) и предполагала ответ на вопрос: «Насколько близкие отношения допустимы для Вас с представителями различных национальных общностей?»

Таблица 3

Шкала Богардуса, адаптированная для исследования детей мигрантов

	Брак, семья	Дружба	Быть соседями	Вместе учиться, работать	Жить в одном городе	Жить в одной стране	Не возражаю против их выезда из страны
Русские	1	2	3	4	5	6	7
Татары	1	2	3	4	5	6	7
Башкиры	1	2	3	4	5	6	7
Народы Северного Кавказа	1	2	3	4	5	6	7
Казахи	1	2	3	4	5	6	7
Узбеки	1	2	3	4	5	6	7
Таджики	1	2	3	4	5	6	7
Киргизы	1	2	3	4	5	6	7
Армяне	1	2	3	4	5	6	7
Азербайджанцы	1	2	3	4	5	6	7
Украинцы	1	2	3	4	5	6	7
Белорусы	1	2	3	4	5	6	7
Молдаване	1	2	3	4	5	6	7

Особенностью измерения по данной шкале является то, что каждое суждение включает в себя все последующие, но исключает предыдущее. Факт допустимости брака и семьи в отношениях между людьми допускает возможность и всех остальных типов отношений. Брак, семья — это минимально возможная дистанция (измеряется 1 баллом). Максимально допустимая дистанция, при которой для представителей данной этнической группы возможно ограничение доступа в страну, фиксируется 7 баллами.

В ходе исследования мы ставили перед собой задачу определить социальную дистанцию с представителями разных этнических групп у детей мигрантов, а также у детей коренных жителей. Затем была осуществлена процедура сравнения полученных данных, которая представлена в таблице 4. В данной таблице приведены средние баллы по каждой группе, причем, чем ближе среднее значение к 1, тем короче социальная дистанция, допустимая между указанными социальными группами.

Таблица 4

Социальная дистанция между респондентами (детьми мигрантов и коренных жителей) и представителями разных национальных общностей

Национальные общности	Дети мигрантов	Дети коренных жителей	В целом по выборке
Русские	2, 59	1, 66	1, 75
Татары	3, 26	3, 10	3, 11
Башкиры	3, 53	3, 37	3, 38
Народы Северного Кавказа	2, 63	3, 66	3, 56
Казахи	3, 65	3, 97	3, 93
Узбеки	3, 85	4, 30	4, 26
Таджики	3, 78	4, 50	4, 43
Киргизы	3, 74	4, 38	4, 32
Армяне	3, 69	3, 96	3, 93
Азербайджанцы	3, 20	3, 80	3, 75
Украинцы	3, 47	3, 11	3, 15
Белорусы	3, 75	3, 29	3, 34
Молдаване	3, 73	3, 65	3, 66

Полученные результаты показали различия в предпочтениях детей мигрантов и коренных жителей. Если для первых предпочитаемыми национальными общностями являются:

- Народы Северного Кавказа — 2,63;
- Русские — 2,59;
- Азербайджанцы — 3,20;
- Татары — 3,26;
- Украинцы — 3,47;

то для детей коренных жителей допустима иная иерархия:

- Русские — 1,66;
- Татары — 3,10;
- Украинцы — 3,11;
- Башкиры — 3,37;
- Молдаване — 3, 65.

Для мигрантов в тройке предпочтений представители народов Северного Кавказа, русские и азербайджанцы. Для коренных жителей наиболее близки отношения с русскими, татарами и украинцами.

Необходимо отметить, что лояльность к русским характерна для обеих групп, хотя у детей мигрантов она выражена не так явно. Другой особенностью является то, что коренные жители демонстрирует значительно меньший уровень социального доверия отдельным национальным общностям (таджикам, киргизам, узбекам), тогда как группа мигрантов в целом толерантна по отношению ко всем этническим группам практически в равной степени. Именно этот факт дает возможность утверждать, что серьезных межнациональных барьеров, обусловленных особенностями национальной культуры и сформированными этнонациональными стереотипами сознания у детей мигрантов нет, и при правильно выстроенной воспитательной политике образовательного учреждения гарантирована успешность работы по формированию межнациональной толерантности.

Вместе с тем, дальнейшее измерение социальной дистанции взаимодействия детей мигрантов и не мигрантов показали, что у учащихся мигрантов наиболее сильны внутринациональные связи, затем — межнациональные («межмигрантские») и, наконец, связи с учащимися — представителями коренного русскоязычного населения. Характеризуя особенности межнациональных отношений, проявляющихся в школе, педагоги отмечают, что дети мигрантов определенной национальности или групп национальностей более комфортно чувствуют себя объединившись.

Далее рассмотрим особенности сетевых взаимодействий детей мигрантов в школьном коллективе. Для понимания того, как включаются дети мигрантов в структуру межличностных взаимодействий в классе, нами были проведены социометрические опросы классов младшего, среднего и старшего звена школ округа, которые являются «мигрантскими» (с высоким процентом или даже доминированием детей мигрантов в классе). Критерием для социометрического опроса был вопрос «Если ваш класс будут расформировывать, а потом создавать вновь, с кем бы ты хотел продолжить учиться, а с кем нет?». Результаты социометрического опроса показали, что в структуре межличностных отношений в классе доминируют взаимосвязи детей мигрантов разных национальностей. На ранних этапах адаптации они в меньшей степени склонны контактировать с учащимися - представителями коренного населения и взаимодействуют друг с другом по принципу общности «мигрантской судьбы».

«Когда я только приехала, то в классе у нас было много нерусских девочек, мы все быстро передружились между собой, и все стало хорошо».

Нами была выявлена тенденция роста индексов социометрического статуса и эмоциональной экспансивности у детей мигрантов с увеличением их числа в классе. С нашей точки зрения, такая структура межличностных отношений приводит не столько к проблемам адаптации детей мигрантов в стране приема, сколько к явным или латентным конфликтным ситуациям в школьном коллективе.

В нашем исследовании мы выясняли наличие в школьных коллективах межнациональных конфликтов между детьми мигрантов и коренных жителей. Школа — важней-

шее звено в формировании этих отношений. Ее деятельность во многом определяет уровень культуры самих детей, закладывает перспективы их будущего развития. Школа при работе с детьми мигрантов сталкивается с проблемами высокой степени сложности, поскольку призвана создавать модель толерантных отношений в локальных рамках образовательного учреждения, используя для этого стратегии и методы, которые являются итогом кропотливого ежедневного труда и педагогического творчества. Реализация этой модели — залог успешной социальной адаптации детей мигрантов. Вместе с тем, школа — живой организм, педагоги ежедневно сталкиваются с новыми ситуациями, оперативное решение которых далеко не всегда дает позитивные результаты.

По оценкам респондентов, уровень остроты проблем отношений между мигрантами и не мигрантами в школе, степень их сложности, многоплановости педагоги часто недооценивают и замалчивают. Они далеко не всегда склонны рефлексировать по этому поводу, выстраивая межличностные отношения с учащимися мигрантами. Сталкиваясь с ситуацией межнациональных противоречий, они не в полной мере понимают глубину и характер конфликта, ищут способы оптимизации взаимоотношений между учащимися, порой не имея для этого достаточных ресурсов (культурных, интеллектуальных, организационных, методических и др.). Часто педагоги не осознают, что проблемы взаимодействия между детьми мигрантов и не мигрантов, ушедшие «внутрь», маскируемые, становятся латентными причинами многих непрогнозируемых поступков и проявлений в отношениях между детьми в учебном коллективе, а также между учащимися и учителями.

Рассогласования между ними отчетливо видны в материалах нашего исследования. Прежде всего, это проявление негативного этноцентризма с демонстрацией взаимного неприятия и собственного превосходства, а также комплекс противоречий конкурентного характера, связанного с противопоставлением друг другу различных этносов, и интолерантное восприятие ими друг друга.

5.3.4. Управленческие аспекты решения проблем социокультурной адаптации детей мигрантов

В округе накоплен большой опыт разработки концепции и создания системы образовательной и воспитательной деятельности по формированию толерантности в рамках отдельных образовательных учреждений. Создание модели «Школа — территория толерантности» реализуется в параллель с усилиями муниципалитетов и общественных организаций, активно работающих в этом же направлении в конкретных населенных пунктах (национальные фестивали, праздники и мероприятия разного уровня, работа с диаспорами и др.). Вместе с тем, анализ результатов исследования показывает ограниченность возможностей школы для решения проблем социальной адаптации детей мигрантов потому, что они транслируются той социальной средой, в которой живут учащиеся (нали-

чие социального неравенства, правовая незащищенность, ограниченный доступ к социальным услугам и т. д.). Так, проблемы мигрантофобии привносятся в школу извне и проявляются в ней в специфических формах. Примеры проявления этих проблем видны сквозь черты социального портрета детей мигрантов, «нарисованного» учащимися — представителями коренного населения на фокус-группах, проведенных в «мигрантских» (с большим числом детей мигрантов) и обычных школах.

Педагоги и администрация образовательных учреждений все более осознают, что в условиях роста миграции целесообразно создание комплексной системы воспитательной и образовательной работы по социальной адаптации и формированию культуры толерантности. Речь идет не просто о проведении отдельных мероприятий, но и переосмыслении содержания образования, методов педагогической деятельности сквозь призму проблематики отношений между детьми мигрантов и не мигрантов. Базовой составляющей данной системы должна стать работа с учителями, имеющая социокультурную и социально-психологическую направленность. Эффективность этой деятельности будет напрямую зависеть от работы педагогов над собой, получения ими новых знаний, формирования новых профессиональных и личностных качеств, профессионального роста.

Педагоги отмечают, что не обладают широким спектром возможностей воздействия на детей мигрантов, но понимание особенностей их национальной культуры и национального характера создает социально-психологические и социально-педагогические предпосылки для выстраивания отношений и с ребенком, и с родителями. Нет сомнений в том, что специальная психолого-педагогическая и социокультурная подготовка была бы чрезвычайно полезной педагогам, укрепила, расширила и обосновала бы те педагогические прозрения и интуитивные находки, которые составляют основу социально-педагогического взаимодействия с детьми мигрантов. Учителям необходимы также знания и определенные навыки социально-психологической реабилитации детей мигрантов, прибывших из зон военных конфликтов. Понимание уровня сложности проблемы позволит педагогу вовремя организовать работу специалистов-психологов с такими детьми.

Педагоги высоко оценивают реализацию воспитательной работы через организацию внеучебных мероприятий: конкурсов, праздников, фестивалей, посвященных национальным культурам. Эти мероприятия не только знакомят учащихся с культурой других народов, но и дают возможность увидеть ее проявления в своих одноклассниках, людях, которые их окружают ежедневно. Вместе с тем, эти мероприятия не затрагивают сути социальных проблем мигрантов, а поэтому и не снимают уровня социальной напряженности как в обществе, так и в школьном сообществе.

Опыт исследования показал, что практически каждая школа в округе имеет серьезные проекты по формированию культуры толерантности. Эти проекты позволяют решать проблемы в каждом отдельном образовательном учреждении и разрабатываются в зависимости от уровня потребности в них и степени остроты проблем социальной адаптации

детей мигрантов. Педагоги считают, что проблема формирования культуры толерантности непреходяща. Она относится к тому типу проблем, решить которые раз и навсегда невозможно, в силу того, что меняется ситуация, увеличивается миграционный поток, в школу приходят все новые и новые дети мигрантов

Необходимо отметить, что система образования округа ХМАО-Югры эффективно решает проблему обучения детей мигрантов. Вместе с тем, новые вызовы времени требуют оперативного решения новых проблем, которые либо уже актуализированы, либо назревают, превращаются в угрозы и риски развития не только сферы образования, но и целого ряда социальных подсистем, общества в целом.

Постановка вопроса о системном подходе к социальной адаптации детей мигрантов является важным результатом нашего исследования. Причем, мы не склонны считать, что на уровне управления образованием этой системы нет. Она, безусловно, есть, и до определенного времени давала возможность эффективно работать, но те принципы и формы организации, на которых она была построена, уже не позволяют реагировать на новые вызовы и вновь назревшие проблемы. И, прежде всего, потому, что те задачи, которые были делегированы образовательным учреждениям, уже невозможно решать только на их уровне. Школа исчерпала собственные резервы (финансовые, временные, трудовые, организационные), которые позволили бы ей комплексно решать вопросы обучения и адаптации детей мигрантов. Требуется совершенствование правовой, нормативной базы, касающейся финансирования, поиск новых путей и способов взаимодействия школы с системой дополнительного образования и культуры, семьей, органами опеки и попечительства, внутренних дел, УФМС, общественными этническими объединениями и т.д. Другими словами, необходима управленческая воля относительно выстраивания системы отношений образовательного учреждения, которое само уже не может решать комплекс сложных проблем, выходящих за рамки его компетенции, с другими структурами.

Литература

1. *Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н.* Адаптация детей мигрантов в школе. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос-та, 2010.

2. *Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А.* Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011.

3. *Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К. А.* Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012.

4. *Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема управления стратегиями городских социальных общностей, как выявилось в ходе коллективного исследования, достаточно сложна и требует дополнительных разработок. Они могут осуществляться в рамках следующих основных направлений.

1. Характеристика методологических основ анализа смысловых значений управления стратегиями поведения.

2. Выявление дополнительных критериев для типологии социальных общностей, которое позволит определить и проанализировать процессы динамики городского социума и управления ими с позиций удовлетворения интересов и потребностей этих общностей.

3. Анализ путей гармонизации отношений между различными субъектами городской жизни на основе социального доверия, партнерства, согласия, взаимодополнения интересов различных социальных общностей.

4. Определение характера и перспектив взаимодействия власти и городских социальных общностей.

5. Исследование возможностей эффективного использования пространственно-временного континуума городской жизни.

6. Создание необходимой информационной базы для принятия значимых управленческих решений, направленных на оптимизацию взаимоотношений между социальными общностями.

Речь идет о создании особого научного направления, в рамках которого исследователи-социологи могли бы проводить совместные, коллективные как теоретические, так и эмпирические исследования, преследующие цель выявления различных факторов, влияющих на стратегии поведения городских социальных общностей, выстраивания их иерархии и определения приоритетов. Это позволило бы создавать определенные социальные технологии управления, основу которых в ряде случаев могли бы составлять технологии самоуправления. Они приобретают особое значение, когда в крупном городе, мегаполисе начинает все больше проявляться нелинейность социальных процессов с далеко не всегда прогнозируемыми последствиями поведения. Изучение такой нелинейности, знание социального самочувствия городских общностей, стремление выявить пути использования полученного знания ради эффективного социального управления — важная задача социологической науки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	7
1.1. Социальная общность: понятия и признаки	7
1.2. Ресурсный подход к социальной общности	12
1.3. Городские социальные общности и их классификация	17
1.4. Виртуальные общности.....	21
1.5. Управленческий аспект изучения городских социальных общностей	26
2. ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ	32
2.1. Предпосылки изучения жизненных стратегий социальной общности	32
2.2. Опыт осмысления жизненных стратегий личности	36
2.3. Жизненные стратегии в зеркале общностного подхода	40
2.4. Классификация жизненных стратегий социальной общности.....	44
2.5. Жизненные стратегии социальных общностей как объект управления	48
3. УПРАВЛЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ ОБЩНОСТЕЙ.....	55
3.1. Авангардные социальные общности: теоретический анализ и эмпирические исследования.....	55
3.2. Темпоральные «складки» современного города: линейная и нелинейная динамика социального времени горожан	68
3.3. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: теоретические аспекты	74
3.4. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: опыт эмпирическое исследования.....	83
3.5. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей: возможности управления	92

4. СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ВОЛОТЕРОВ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	102
4.1. Теоретические основания анализа социальной общности волонтеров.....	102
4.2. Ключевые аспекты рассмотрения волонтерской общности как ресурса социального управления в мегаполисах	107
4.3. Волонтеры в российском социологическом информационном пространстве	112
4.4. Типология городских волонтеров	118
4.5. Структура волонтерской общности и взаимодействие городских волонтеров	127
4.6. Жизненные планы и мотивация волонтеров в городской среде	138
4.7. Взаимодействие общности волонтеров и государства	143
5. УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ.....	151
5.1. Взаимодействие городских социальных общностей в региональном пространстве культуры: управленческий аспект	151
5.2. Специфика взаимодействия социальных общностей в системе среднего профессионального образования: проблемы и перспективы	161
5.2.1. Проблемы методологии изучения взаимодействия социальных общностей среднего профессионального образования в сфере культуры.....	162
5.2.2. Отношение студентов к качеству преподавания в колледже и характеру социально-педагогического взаимодействия «студент – преподаватель»	166
5.2.3. Отношение студентов к организации учебного процесса, практики, концертной (выставочной) деятельности	170
5.2.4. Отношение студентов к социально-психологическим условиям взаимодействия в учебном коллективе, группе.....	171
5.2.5. Отношение студентов к методической, материально-технической, информационно-технологической обеспеченности учебного процесса	172
5.2.6. Отношение студентов к процессу и результату реализации образовательных услуг.....	176

5.3. Социальная общность детей мигрантов и городской социум: проблемы взаимодействия в условиях межнациональной интолерантности.....	179
5.3.1. Социальная общность детей мигрантов в ситуации этнонационального негативизма в школьных сообществах	181
5.3.2. Портрет ребенка-мигранта глазами учащихся – представителей коренного населения	183
5.3.3. Этнонациональные барьеры адаптации социальной общности детей мигрантов в социокультурную среду города	185
5.3.4. Управленческие аспекты решения проблем социокультурной адаптации детей мигрантов	189
Заключение	192

CONTENTS

INTRODUCTION.....	5
1. METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SOCIAL COMMUNITIES RESEARCH: ADMINISTRATIVE ASPECT.....	7
1.1. Social community: concept and features.....	7
1.2. Resource approach to a social community.....	12
1.3. City social communities and their classification.....	17
1.4. Virtual communities.....	21
1.5. Administrative aspect of city social communities studying.....	26
2. VITAL STRATEGIES OF CITY SOCIAL COMMUNITIES: CONCEPT, STRUCTURE, TYPOLOGY, POSSIBILITIES OF MANAGEMENT	32
2.1. Prerequisites of vital strategies of a social community studying	32
2.2. Experience of personality vital strategies comprehension	36
2.3. Vital strategies in a mirror of community approach	40
2.4. Classification of vital strategies of a social community.....	44
2.5. Vital strategies of social communities as object of management	48
3. MANAGEMENT OF TEMPORAL BEHAVIOR STRATEGIES OF VANGUARD CITY COMMUNITIES	55
3.1. Vanguard social communities: theoretical analysis and empirical researches	55
3.2. Temporal «folds» of the modern city: linear and nonlinear dynamics of citizens social time	58
3.3. Temporal behavior strategies of social communities: theoretical aspects	74
3.4. Temporal behavior strategies of social communities: experience of empirical research.....	83
3.5. Temporal behavior strategies of social communities: possibilities of management.....	92

4. SOCIAL COMMUNITY OF VOLUNTEERS AS RESOURCE OF SOCIAL MANAGEMENT	102
4.1. Theoretical bases of the analysis of a social community of volunteers.....	102
4.2. Key aspects of consideration of a volunteer community as resource of social management in megalopolises	107
4.3. Volunteers in the Russian sociological information space	112
4.4. Typology of city volunteers	118
4.5. Structure of a volunteer community and interaction of city volunteers.....	127
4.6. Vital plans and motivation of volunteers in an urban environment.....	138
4.7. Interaction of volunteers community and state	143
5. MANAGEMENT OF INTERACTION OF SOCIAL COMMUNITIES IN EDUCATION AND CULTURES	151
5.1. Interaction of city social communities in regional space of culture: administrative aspect	151
5.2. Specifics of interaction of social communities in system of secondary professional education: problems and prospects	161
5.2.1. Problems of methodology of studying of interaction of social communities of secondary professional education in the sphere of culture	162
5.2.2. The relation of students to quality of teaching in college and to character of social and pedagogical interaction «the student – the teacher».....	166
5.2.3. Relation of students to the organization of educational process, practice, concert (exhibition) activity	170
5.2.4. The relation of students to social and psychological conditions of interaction in educational group.....	171
5.2.5. Relation of students to methodical, material, information and technological provision of educational process	172
5.2.6. Relation of students to process and result of realization of educational services.....	176

5.3. Social community of migrants children and city socium: interaction problems in the conditions of an international intolerance.....	179
5.3.1. Social community of migrants children in a situation of ethno national negativism in school communities	181
5.3.2. The child migrant's portrait eyes of pupils – representatives of local people.....	183
5.3.3. Ethno national adaptation barriers of migrants children social community on sociocultural urban environment	185
5.3.4. Administrative solution aspects of the sociocultural adaptation of migrants children problems	189
CONCLUSION.....	192

Научное издание

**УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ
ГОРОДСКИХ ОБЩНОСТЕЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Монография

Авторы:

Зборовский Гарольд Ефимович

Шуклина Елена Анатольевна

Амбарова Полина Анатольевна

Певная Мария Владимировна

Кузьминчук Анна Александровна

Ответственный за выпуск *С.В. Кульпин*

Редактор *А. О. Никитина*

Компьютерная верстка *А. О. Никитина*

Подписано в печать 01.12.14
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 12,50. Усл. печ. л. 11,62. Тираж 500 экз. Заказ 71.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии ИГУП УрФУ
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б
Тел.: + 7 (343) 371-10-03, 371-56-04
Факс: +7 (343) 371-56-04
E-mail: igup@urfu.ru